

■ Никколо Макьявелли ■
О ВОЕННОМ
ИСКУССТВЕ
СОЧИНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

*«Когда выигрываешь сражение, надо с возможной быстротой
преследовать победу до конца».*

Никколо
Макьявелли

■ Никколо Макьявелли ■

О ВОЕННОМ
ИСКУССТВЕ

СОЧИНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

Астрель
МОСКВА

УДК 821.131.1
ББК 84 (4Ита)
М17

Перевод с итальянского

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Подписано в печать 31.01.12. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 3000 экз. Заказ № 354

Макьявелли, Н.

М17 О военном искусстве. Сочинения исторические и политические: [пер. с ит.] / Никколо Макьявелли. — М.: Астрель, 2012. — 318, [2] с.

ISBN 978-5-271-38933-7

«Когда выигрываешь сражение, надо с возможной быстротой преследовать победу до конца».

Одна из самых известных фраз Никколо Макьявелли.

Один из основных тезисов его блистательного трактата «О военном искусстве».

Это произведение ошеломило современников жестким и практичным подходом не только к военной тактике, но и к стратегии.

Гениальность великого флорентийца заключается прежде всего в том, что мысли, идеи и теории, высказанные им в этом трактате, настолько глубоки, что охватывают не только военную теорию, но и самые разные аспекты человеческой жизни.

УДК 821.131.1
ББК 84 (4Ита)

© ООО «Издательство Астрель», 2012

О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИККОЛО МАКЬЯВЕЛЛИ,
гражданин и секретарь флорентийский,
ЛОРЕНЦО, сыну ФИЛИППО СТРОЦЦИ¹,
флорентийскому дворянину

Многие, Лоренцо, держались и держатся того взгляда, что нет в мире вещей, друг с другом менее связанных и более друг другу чуждых, чем гражданская и военная жизнь. Поэтому мы часто замечаем, что, когда человек задумает выделиться на военном поприще, он не только сейчас же меняет платье, но всем своим поведением, привычками, голосом и осанкой отличается от всякого обыкновенного гражданина. Тот, кто хочет быть скор и всегда готов на любое насилие, считает невозможным носить гражданскую одежду. Гражданские нравы и привычки не подходят для того, кто считает первые чересчур мягкими, а вторые — негодными для своих целей. Обычные облик и речь кажутся неуместными тому, кто хочет пу-

¹ Лоренцо Строцци — флорентийский политический деятель и писатель, автор биографий выдающихся деятелей рода Строцци. Близкий друг Макьявелли, представивший ко двору Медичи автора «Discorsi», отставленного от всех должностей после их реставрации 1512 г.

гать других бородой и бранными словами. Поэтому для наших времен мнение, о котором я говорил выше, — это сама истина.

Однако если посмотреть на установления древности, то не найдется ничего более единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина. Всем сословиям, существующим в государстве ради общего блага людей, не были бы нужны все учреждения, созданные для того, чтобы люди жили в страхе перед законами и Богом, если бы при этом не подготавливалась для их защиты сила, которая, будучи хорошо устроенной, спасает даже такие учреждения, которые сами по себе негодны.

Наоборот, учреждения хорошие, но лишённые вооруженной поддержки, распадаются совершенно так же, как разрушаются постройки роскошного королевского дворца, украшенные драгоценностями и золотом, но ничем не защищенные от дождя. И если в гражданских учреждениях древних республик и царств делалось все возможное, чтобы поддерживать в людях верность, миролюбие и страх Божий, то в войске усилия эти удваивались, ибо от кого же может отечество требовать верности, как не от человека, поклявшегося за него умереть?

Кто должен больше любить мир, как не тот, кто может пострадать от войны? В ком должен быть жив страх Божий, как не в том, кто ежедневно подвергается бесчисленным опасностям и всего более нуждается в помощи Всевышнего? Благодаря этой необходимости, которую хорошо понимали законодатели империй и полководцы, жизнь солдата прославлялась другими гражданами, которые всячески старались ей следовать и подражать. Теперь же, когда военные установления в корне

извращены и давно оторваны от древних устоев, сложились те злоецие мнения, которые приводят к тому, что военное сословие ненавидят и всячески его чуждаются.

Я же, вследствие всего мною виденного и прочитанного, не считаю невозможным возвратить это сословие к его древним основаниям и хотя бы отчасти вернуть ему прежнюю доблесть. Не желая проводить свои досуги без дела, я решился записать для ревнителей подвигов древности свои мысли о военном искусстве. Конечно, рассуждать о предмете, не известном тебе по опыту, — дело смелое, но я все же не считаю грехом возвести себя на словах в достоинство, которое многие с еще большей самонадеянностью присваивали себе в жизни. Мои ошибки, сделанные при написании этой книги, могут быть исправлены без ущерба для кого бы то ни было, но ошибки людей, совершенные на деле, познаются только тогда, когда приведут к гибели царства.

Вы же, Лоренцо, оцените теперь мои труды и воздайте им в своем приговоре ту похвалу или то осуждение, которого они, по Вашему мнению, заслуживают. Посылаю их Вам, дабы выразить Вам свою благодарность, хотя все, что я могу сделать, далеко не соответствует благодеяниям, которые Вы мне оказали. Подобными произведениями обычно стремятся почтить людей, прославленных родом, богатством, умом и щедростью, но я знаю, что мало кто может спорить с Вами богатством и родом, умом Вам равны лишь немногие, а щедростью — никто.

НИККОЛО МАКЪЯВЕЛЛИ,
гражданин и секретарь флорентийский,
читателю

Дабы читатели могли легко понимать боевой строй, расположение войск и лагерей, о чем здесь пойдет речь, считаю необходимым показать их наглядно. Поэтому надлежит сперва указать знаки, которыми будут изображены пехота, конница или иные отдельные части войск.

Имейте поэтому в виду, что следующие буквы означают:

- о — пехотинцы со щитами
- п — пехотинцы с пиками
- х — декурионы (начальники десятков)
- v — велиты действующие (застрельщики)
- и — велиты запасные
- С — центурионы (начальники сотен)
- Т — командир батальона
- О — командир бригады
- А — главнокомандующий
- S — музыка
- Z — знамя
- г — тяжелая конница
- е — легкая конница
- Θ — артиллерия

КНИГА ПЕРВАЯ

Я считаю, что каждого человека после смерти можно хвалить без стеснения, ибо тогда отпадает всякий повод и всякое подозрение в искательстве; поэтому я не колеблюсь воздам хвалу нашему Козимо Ручеллаи, имени которого я никогда не мог вспомнить без слез, ибо познал в нем все качества, какие друг может требовать от друзей, а отечество — от гражданина.

Не знаю, дорожил ли он чем-либо настолько (не исключая и самой жизни), чтобы охотно не отдать этого для своих друзей; не знаю того предприятия, которого бы он устранился, если видел в нем благо для отечества. Заявляю открыто, что среди многих людей, с которыми я был знаком и общался по делам, я не встречал человека, душа которого была бы более открыта всему великому и прекрасному.

В последние минуты он скорбел с друзьями о том, что ему суждено было умереть в постели молодым и неизвестным и что не исполнилось его желание принести всем настоящую пользу; он знал, что о нем можно будет сказать только одно — умер верный друг. Однако, хотя дела его остались несвершенными, мы и

другие, знавшие его хорошо, можем все свидетельствовать о высоких его качествах.

Действительно, судьба не была к нему настолько враждебной и не помешала ему оставить после себя некоторые хрупкие памятники его блестящего ума: таковы немногие его произведения и любовные стихи, в которых он, хотя и не был влюблен, упражнялся в молодые годы, чтобы не тратить времени понапрасну в ожидании, пока судьба направит его дух к мыслям более возвышенным. Стихи эти ясно показывают, как счастливо выражал он свои мысли и каких вершин он мог бы достигнуть в поэзии, если бы всецело себя ей посвятил.

Теперь, когда судьба отняла у меня такого друга, мне осталось, как кажется, единственное утешение — радостно о нем вспоминать и повторять его меткие слова или глубокомысленные рассуждения. Самое живое воспоминание — это беседа его у себя в саду с синьором Фабрицио Колонна, во время которой названный синьор подробно говорил о войне, большей частью отвечая на острые и продуманные вопросы Козимо.

Я с несколькими общими друзьями присутствовал при разговоре и решил восстановить его в памяти, дабы при чтении друга Козимо, участники беседы, живее вспомнили о его талантах, а прочие пожалели о своем отсутствии и вместе с тем научились из глубокомысленных слов одного из замечательных людей нашего времени многому, полезному не только для войны, но и для гражданской жизни.

Фабрицио Колонна, возвращаясь из Ломбардии, где долго и с великой для себя славой сражался за короля-католика, будучи проездом во Флоренции, решил

отдохнуть несколько дней в этом городе, чтобы посетить Его Светлость герцога и вновь повидать некоторых дворян, с которыми был знаком раньше. Козимо счел нужным пригласить его к себе в Сады не столько для того, чтобы блеснуть перед ним роскошью, сколько для того, чтобы воспользоваться возможностью долгой беседы с ним и научиться у него разным вещам, которые можно узнать от такого человека, ибо ему представлялся случай провести день в разговоре о предметах, привлекательных для его ума.

Фабрицио явился на приглашение и был с почетом принят Козимо и его лучшими друзьями, среди которых были Заноби Буондельмонти, Баттиста делла Палла и Луиджи Аламанни — все молодые люди ему близкие, страстно увлеченные теми же занятиями, что и он сам; умалчиваю об их прочих достоинствах, так как они ежедневно и ежечасно говорят сами за себя.

По обычаю времени и места, Фабрицио был встречен с величайшим почетом. Когда после блестящего пира гости встали из-за стола, насладившись прелестями праздника, которым большие люди с их умом, постоянно устремленным на предметы возвышенные, уделяют мало внимания, было еще рано и стояла сильная жара. Чтобы лучше достигнуть своей цели, Козимо, как будто стараясь укрыться от духоты, увел гостей в самую густую и тенистую часть своего сада. Когда все расселись, кто на траве, которая была здесь особенно свежа, кто на скамьях под тенью огромных деревьев, — Фабрицио стал хвалить красоту места и внимательно разглядывал деревья, но некоторые были ему неизвестны, и он затруднялся их назвать. Заметив это, Козимо сказал: «Некоторые из этих деревьев вам, может быть,

незнакомы, но не удивляйтесь, так как среди них есть такие, которые больше ценились древними, а теперь мало известны». Затем он назвал деревья по именам и рассказал о том, как много потрудился над разведением этих пород дед его, Бернардо. «Я так и думал, — отвечал Фабрицио, — это место и труды вашего предка напоминают мне некоторых князей Неаполитанского королевства, которые тоже с любовью разводили эти породы и наслаждались их тенью».

На этом он прервал разговор и некоторое время сидел в раздумье, а затем продолжал: «Если бы я не боялся вас обидеть, я сказал бы свое мнение; не думаю, что могу вас оскорбить, так как говорю с друзьями и хочу рассуждать о вещах, а не злословить. Да не будет это никому в обиду, но лучше бы люди старались сравниваться с древними в делах мужества и силы, а не в изнеженности, в том, что древние делали при свете солнца, а не в тени, и воспринимали бы в нравах древности то, что в ней было подлинного и прекрасного, а не ложного и извращенного; ведь, когда сограждане мои, римляне, стали предаваться подобным делам, отечество мое погибло». Козимо ответил на это... Но, чтобы избежать утомительных постоянных повторений слов «такой-то сказал», «такой-то ответил», я буду просто называть имена говорящих. Итак, Козимо сказал...

Козимо. Вы начали беседу, которой я давно хотел, и я прошу вас говорить не стесняясь, как и я без стеснения буду вас спрашивать. Если я в вопросах или ответах буду кого-нибудь защищать или осуждать, это произойдет не для того, чтобы оправдывать или винить, а для того, чтобы услышать от вас правду.

Фабрицио. А я с удовольствием скажу вам все, что знаю, в ответ на ваши вопросы, а будет это верно или

нет — судите сами. Вопросы ваши будут мне только приятны, ибо я почерпну из них столько же, сколько вы из моих ответов; мудрый вопрошатель часто заставляет собеседника подумать о многом и открывает ему такие вещи, о которых он без этих вопросов никогда бы ничего не узнал.

Козимо. Я хочу вернуться к тому, о чем вы говорили раньше, именно что мой дед и ваши предки поступили бы более мудро, если бы подражали древним в делах мужественных, а не в изнеженности. Мне хотелось бы оправдать моего деда, предоставив вам защищать ваших предков. Не думаю, чтобы в его времена нашелся человек, который бы так ненавидел изнеженность, как он, и так любил суровую жизнь, которую вы восхваляете; тем не менее он сознавал, что ни сам он, ни дети его этой жизнью жить не могут, ибо он родился в том развращенном веке, когда человек, не желающий подчиняться общему правилу, стал бы для всех и каждого предметом порицания и презрения.

Ведь если бы человек, подобно Диогену, летом под палящим солнцем лежал голым на песке, а зимой в самую стужу валялся на снегу — его сочли бы сумасшедшим. Если бы в наше время кто-нибудь, подобно спартанцам, воспитывал своих детей в деревне, заставлял бы их спать на воздухе, ходить босыми, с обнаженной головой и купаться в ледяной воде, чтобы приучить их к боли и отучить от чрезмерной любви к жизни и страха смерти, — он был бы смешон и его приняли бы скорее за дикого зверя, чем за человека. Если бы среди нас появился человек, питающийся овощами и презирающий золото, подобно Фабрицио, — его восхваляли бы немногие, но никто не стал бы его последователем.

Так и дед мой испугался нравов, отступил от древних образцов и подражал им в тех вещах, где он мог это делать, обращая на себя меньше внимания.

Фабрицио. В этой части вы защитили его блестяще, и, конечно, вы правы; однако я говорил не столько об этой суровой жизни, сколько о других порядках, более мягких и более сообразных с привычками наших дней, и мне кажется, что человеку, принадлежащему к числу первых граждан города, было бы нетрудно их установить. Как всегда, я никак не могу отказаться от примера моих римлян: если взглядеться в их образ жизни и в строй этой республики, мы найдем там много такого, что было бы не невозможно восстановить в гражданском обществе, в котором еще уцелело что-нибудь хорошее.

Козимо. Что же вы хотели бы ввести похожее на древние нравы?

Фабрицио. Почитать и награждать доблесть, не презирать бедность, уважать порядок и строй военной дисциплины, заставить граждан любить друг друга, не образовывать партий, меньше дорожить частными выгодами, чем общественной пользой, и многое другое, вполне сочетаемое с духом нашего времени. Все это нетрудно воспринять, если только тщательно обдумать и применить верное средство, ибо истина здесь так очевидна, что она может быть усвоена самым обыкновенным умом. Всякий, кто это поймет, посадит деревья, под тенью которых можно отдыхать еще с большим счастьем и радостью, чем в этом саду.

Козимо. Я ничего не хочу возражать против ваших слов и предоставляю это тем, у кого может быть собственное суждение о таких вещах; обращаюсь теперь к

вам как к обвинителю тех, кто не подражает древним в их великих делах, и думаю, что таким путем я ближе подойду к цели нашей беседы. Мне хотелось бы узнать от вас, почему вы, с одной стороны, мечете громы против тех, кто не подобен древним, и вместе с тем сами в своей же области военного дела, стяжавшей вам столь громкую славу, никогда не обращались к древним установлениям и даже не вводили ничего, что бы приблизительно их напоминало?

Фабрицио. Вы подошли именно к тому, чего я ожидал, ибо вся моя речь требовала именно этого вопроса и я ничего другого не хотел. Мне, конечно, было бы легко оправдаться, но, чтобы доставить удовольствие вам и себе (благо время нам это позволяет), я хочу побеседовать об этом более подробно.

Если люди хотят что-нибудь предпринять, они прежде всего должны со всей тщательностью подготовиться, дабы при удобном случае быть во всеоружии для достижения намеченной ими цели. Когда приготовления произведены осторожно, они остаются тайной, и никого нельзя обвинить в небрежности, пока не явится случай раскрыть свой замысел; если же человек и тогда продолжает бездействовать, значит, он или недостаточно подготовился, или вообще ничего не обдумал. Мне же никогда не пришлось обнаруживать, как я готовился к восстановлению древних устоев военного дела, и потому ни вы, ни кто другой не можете обвинять меня в том, что я этого не исполнил. Думаю, что это достаточно ограждает меня от вашего упрека.

Козимо. Конечно, если бы я был уверен, что случай вам не представился.

Фабрицио. Я знаю, что вы можете сомневаться, представлялся мне случай или нет; поэтому, если вам угодно терпеливо меня выслушать, я хочу поговорить о том, какие приготовления должны быть предварительно сделаны, каков должен быть ожидаемый повод, какие препятствия могут сделать все приготовления бесполезными и уничтожить саму возможность благоприятного случая; словом, я хочу объяснить, почему подобные предприятия бывают одновременно и бесконечно трудными, и бесконечно легкими, хотя это кажется противоречием.

Козимо. Большого удовольствия вы не можете доставить ни мне, ни моим друзьям; если вам не надоест говорить, мы; конечно, не устанем вас слушать. Речь ваша будет, как я надеюсь, продолжительна, и я, с вашего разрешения, хочу в одном обратиться к содействию моих друзей: все мы просим вашего снисхождения, если прервем вас иной раз каким-нибудь, может быть, неуместным вопросом.

Фабрицио. Ваши вопросы, Козимо, и вопросы этих юношей меня только обрадуют, так как я уверен, что ваша молодость должна возбуждать в вас большую любовь к военному делу и внушить вам большее доверие к моим словам. Пожилые люди с седой головой и застывшей кровью или ненавидят войну, или закоснели в своих ошибках, ибо они верят, что если живут так дурно, как сейчас, то виноваты в этом времена, а не упадок нравов.

Поэтому задавайте мне вопросы свободно и без стеснения; мне это приятно как потому, что я смогу немного отдохнуть, так и потому, что мне хотелось бы не оставить в ваших умах даже тени сомнения. Начну с

ваших слов, обращенных ко мне, именно что в своей области, т. е. в военном деле, я не подражал никаким обычаям древнего мира. Отвечаю, что война — это такого рода ремесло, которым частные люди честно жить не могут, и она должна быть делом только республики или королевства.

Государства, если только они благоустроены, никогда не позволят какому бы то ни было своему гражданину или подданному заниматься войной как ремеслом, и ни один достойный человек никогда ремеслом своим войну не сделает. Никогда не сочтут достойным человека, выбравшего себе занятие, которое может приносить ему выгоду, если он превратится в хищника, обманщика и насильника и разовьет в себе качества, которые необходимо должны сделать его дурным.

Люди, большие или ничтожные, занимающиеся войной как ремеслом, могут быть только дурными, так как ремесло это в мирное время прокормить их не может. Поэтому они вынуждены или стремиться к тому, чтобы мира не было, или так нажиться во время войны, чтобы они могли быть сыты, когда наступит мир.

Ни та ни другая мысль не может зародиться в душе достойного человека; ведь, если хотеть жить войной, надо грабить, насильничать, убивать одинаково друзей и врагов, как это и делают такого рода солдаты. Если не хотеть мира, надо прибегать к обманам, как обманывают военачальники тех, кому они служат, притом с единственной целью — продлить войну. Если мир все же заключается, то главари, лишившиеся жалованья и привольной жизни, часто набирают шайку искателей приключений и бессовестно грабят страну. Разве вы не помните, что произошло в Италии, когда пос-

ле окончания войны осталось много солдат без службы, и как они, соединившись в несколько больших отрядов, называвшихся «компании», рыскали по всей стране, облагали данью города и разбойничали без малейшей помехи? Разве вы не читали о карфагенских наемниках, которые после первой Пунической войны взбунтовались под предводительством Матона и Спендия, самочинно выбранных ими в начальники, и повели против карфагенян войну, оказавшуюся для них более опасной, чем война с римлянами? Во времена отцов наших Франческо Сфорца не только обманул миланцев, у которых он был на службе, но и отнял у них свободу и сделался их князем, и поступил так только для того, чтобы иметь возможность жить в роскоши после заключения мира. Так действовали и все другие итальянские солдаты, для которых война была частным ремеслом. И если, несмотря на свое вероломство, они не сделались герцогами Милана, то тем хуже, потому что такого успеха они не добились, а преступления их были не меньшие. Сфорца, отец Франческо, служивший королеве Джованне, вынудил ее сдать на милость короля Арагона, потому что совершенно неожиданно ее покинул и она осталась безоружной среди окружавших ее врагов. А сделал он это или корыстолюбия ради, или из желания отнять у нее престол. Браччо теми же средствами старался овладеть Неаполитанским королевством, и помешали ему только поражение и смерть его под Аквиллой. Единственная причина подобных безобразий — это существование людей, для которых военное дело было только их частным ремеслом. Слова мои подтверждает ваша же пословица: «Война родит воров, а мир их вешает». Ведь другого дела эти

люди не знают. Существовать своим ремеслом они не могут; смелости и таланта, чтобы объединиться и превратить злодейство в благородное дело, у них нет, так что они поневоле становятся грабителями на большой дороге, и правосудие вынуждено их истреблять.

Козимо. Слова ваши почти что уничтожили в моих глазах военное звание, которое казалось мне самым прекрасным и почетным; если вы не объясните это подробно, я останусь неудовлетворенным, ибо если все обстоит так, как вы говорите, то я не знаю, откуда же берется слава Цезаря, Помпея, Сципиона, Марцелла и множества римских полководцев, которых молва превозносит, как богов.

Фабрицио. Я еще далеко не кончил, так как соби-рался говорить о двух вещах: во-первых, о том, что достойный человек не может избрать себе военное дело только как ремесло; во-вторых, о том, что ни одно благоустроенное государство, будь то республика или королевство, никогда не позволит своим подданным или гражданам превратить в ремесло такое дело, как война.

О первом я сказал уже все, что мог; остается сказать о втором, и здесь я намерен ответить на ваш последний вопрос. Я утверждаю, что известность Помпея, Цезаря и почти всех римских полководцев после третьей Пунической войны объясняется их храбростью, а не гражданскими доблестями; те же, кто жил до них, прославились и как храбрые воины, и как достойные люди. Происходит это оттого, что они не делали себе из войны ремесла, тогда как для тех, кого я назвал раньше, война была именно ремеслом.

Пока держалась чистота республиканских нравов, ни один гражданин, даже самый гордый патриций, и

не думал о том, чтобы, опираясь на военную силу, в мирное время попирать законы, грабить провинции, захватывать власть и тиранствовать над отечеством; с другой стороны, даже самому темному плебею не приходило в голову нарушать клятву воина, примыкать к частным лицам, презирать сенат или помогать установлению тирании ради того, чтобы кормиться в любое время военным ремеслом. Военачальники удовлетворялись триумфом и с радостью возвращались в частную жизнь; солдаты слагали оружие охотнее, чем брались за него, и каждый возвращался к своей работе, избранной как дело жизни; никто и никогда не надеялся жить награбленной добычей и военным ремеслом.

Великий и поучительный пример оставил Аттилий Регул; он был начальником войск в Африке, и, когда карфагеняне были почти побеждены, Регул просил у сената разрешения вернуться домой, чтобы обрабатывать свои земли, запущенные его работниками. Ясно как день, что, если бы он занимался военным делом как ремеслом и хотел нажиться этим путем, он, хозяин стольких провинций, не просил бы разрешения вернуться домой и стеречь свои поля; каждый день наместничества приносил бы ему гораздо больше, чем стоило все его имущество. Но граждане эти были люди истинно достойные, не создававшие из войны ремесла и не желавшие себе от нее ничего, кроме трудов, опасности и славы. Поэтому, поднявшись на высшие ее ступени, они с радостью возвращались к своему очагу и жили трудами своими.

Так вели себя самые простые люди и обыкновенные солдаты. Это видно из того, что каждый из них расставался с военной службой без сожаления. Поки-

дая войско, он, однако, всегда готов был вернуться в строй и вместе с тем во время военной службы с радостью думал об освобождении от нее. Подтверждений этому много; вы ведь знаете, что одной из главных привилегий, которую римский народ мог предоставить своему гражданину, была свобода служить в войске только по своей воле, а не по принуждению.

Пока крепки были устои Древнего Рима, т. е. до времен Гракхов, не было солдат, для которых война стала бы ремеслом, а потому в войске было очень мало негодных людей, и, если такие обнаруживались, их карали по всей строгости закона. Всякое благоустроенное государство должно поэтому ставить себе целью, чтобы военное дело было в мирное время только упражнением, а во время войны — следствием необходимости и источником славы. Ремеслом оно должно быть только для государства, как это и было в Риме. Всякий, кто, занимаясь военным делом, имеет в виду постороннюю цель, тем самым показывает себя дурным гражданином, а государство, построенное на иных основах, не может считаться благоустроенным.

Козимо. Я вполне удовлетворен всем, что вы сказали до сих пор, и особенно вашим заключением; для республик я считаю его верным, но не знаю, так ли это для королевств; мне казалось бы, что король скорее захочет окружить себя людьми, для которых война будет их единственным ремеслом.

Фабрицио. Благоустроенному королевству надлежит особенно избегать такого рода мастеров, ибо они погубят короля и будут только служить тирании. Не опровергайте меня примерами современных королевств, потому что я не признаю их благоустроенными. В ко-

ролевствах, обладающих хорошими учреждениями, у короля нет неограниченной власти, кроме одного только исключения — войска; это единственная область, где необходимо быстрое решение, а следовательно, единая воля. Во всем остальном короли ничего не могут делать без согласия совета, а советники всегда будут опасаться, что около короля появятся люди, которые во время мира хотят войны, так как им без нее не прожить. Однако я готов быть уступчивее; не стану искать королевства вполне благоустроенного, а возьму королевство, похожее на ныне существующие; в этом случае король точно так же должен бояться людей, для которых война есть ремесло; он должен бояться их потому, что жизненной силой всякого войска, без сомнения, является пехота.

Если король не принимает мер к тому, чтобы пехотинцы его войск после заключения мира охотно возвращались домой и брались бы опять за свой труд, он неминуемо погибнет. Самая опасная пехота — это та, которая состоит из людей, живущих войной как ремеслом, ибо ты вынужден или вечно воевать, или вечно им платить, или вечно бояться свержения с престола. Всегда воевать невозможно, вечно платить нельзя — поневоле остается жить в постоянном страхе потери власти.

Пока в моих римлянах еще жила мудрость и гражданская доблесть, они, как я уже говорил, никогда не позволяли своим гражданам смотреть на военное дело как на ремесло, хотя могли платить сколько угодно, ибо все время воевали. Римляне стремились избежать опасностей непрерывного пребывания граждан в войске. Так как времена изменялись, они стали постепенно

заменять новыми людьми тех, кто уже выслужил свой срок, так что в течение пятнадцати лет легион обновлялся целиком. Таким образом, для войска подбирались люди в цвете лет, т.е. от восемнадцати- до тридцатипятилетнего возраста, когда ноги, руки и глаза человека одинаково сильны. Римляне не дожидались того, чтобы ослабла крепость воинов и усилилась их хитрость, как это произошло позднее, во времена общего падения нравов.

Октавиан, а за ним Тиберий уже думали больше о собственном могуществе, чем об общественном благе; поэтому, дабы им легче было властвовать самим, они начали разоружать римский народ и держали на границах империи все одни и те же легионы. Однако им казалось, что для обуздания римского народа и сената этого мало, и вот появляется новое войско, получившее название преторианцев. Это войско всегда стояло у самых стен Рима и было как бы крепостью, возвышавшейся над городом. Тогда-то и начали охотно позволять солдатам этих войск обращать военную службу в ремесло — и последствия этого сказались сейчас же: обнаглевшие солдаты стали грозой сената и опасностью для императоров; многие из последних были убиты зарвавшимися преторианцами, возводившими на престол и свергавшими с него кого им было угодно. Случалось, что в одно и то же время появлялось несколько императоров, провозглашенных различными частями войск.

Такой порядок привел прежде всего к разделению, а потом и к гибели империи. Поэтому, если король хочет безопасности, он должен составлять свои пехотные войска из таких людей, которые при объявлении

войны идут на нее охотно, из любви к нему, а после заключения мира еще охотнее возвращаются в свои дома. Он этого всегда достигнет, если будет брать в войско солдат, умеющих кормиться не войной, а другими ремеслами. Поэтому, когда настает мир, король должен позаботиться о том, чтобы князья вернулись к делу управления своими вассалами, дворяне — к хозяйству в своих владениях, пехотные солдаты — к обычным занятиям, и вообще добиться того, чтобы все они охотно брались за оружие во имя мира, а не старались нарушить мир во имя войны.

Козимо. Ваше рассуждение кажется мне очень глубоким, но я продолжаю колебаться, так как слова ваши почти противоположны всему, что я думал до сих пор. Я вижу вокруг себя множество синьоров и дворян, которым знание военного дела позволяет существовать во время мира, например таких, как вы, состоящих на службе у князей и городов; я знаю также, что почти вся тяжелая конница продолжает получать свое жалованье, а пехота остается на службе для охраны городов и крепостей; поэтому мне кажется, что и во время мира каждому найдется место.

Фабрицио. Мне кажется, вы едва ли сами уверены в том, что любой солдат найдет себе место в мирное время. Если бы даже не было других доводов, можно было бы удовольствоваться указанием на то, что число солдат, остающихся на службе в местах, названных вами, очень невелико: разве есть хоть какое-нибудь соответствие между количеством пехоты, необходимой на войне, и количеством ее во время мира? Ведь гарнизон мирного времени в крепостях и городах должен быть по крайней мере удвоен во время войны;

сюда надо прибавить большое количество полевых войск, в мирное время распускаемых. Что касается войск, охраняющих правительство, то пример папы Юлия II и вашей республики наглядно показал, как страшны солдаты, не желающие учиться никакому ремеслу, кроме войны; ведь дерзость этих воинов заставила вас отказаться от их услуг и заменить их швейцарцами — людьми, родившимися и воспитанными в почтении к законам и призванными общинами по всем правилам настоящего набора. Поэтому не говорите больше, что для каждого найдется место во время мира.

В отношении тяжелой конницы ответ на ваше возражение кажется более трудным, так как вся она и по заключении мира сохраняет свое жалованье. Тем не менее, если посмотреть на дело внимательнее, то ответ найти легко, ибо этот порядок сохранения на службе конницы сам по себе вреден и дурен. Дело в том, что все это люди, для которых война — ремесло; будь они только поддержаны достаточно сильными пехотными отрядами, они ежедневно доставляли бы тысячи неприятностей правительствам, при которых состоят; но так как их мало и они сами по себе не могут образовать войско, то и вред от них часто не так уж велик.

Тем не менее они приносили достаточно вреда, как это показывают примеры Франческо Сфорца, его отца и Браччо из Перуджи, о которых я вам уже рассказывал. Поэтому я не сторонник обычая оставлять конницу на постоянной службе — это дурной порядок, который может привести к большим неудобствам.

Козимо. Вы хотели бы совсем без нее обойтись? А если вы ее все же сохраните, то в какой мере?

Фабрицио. Путем набора, но не так, как это делает король Франции, потому что принятый там порядок так же опасен, как наш, и не защищает от солдатской разнузданности. Я бы поступал, как древние, у которых конница составлялась из их же подданных. Когда заключался мир, конницу распускали по домам и возвращали к обычным делам; впрочем, я подробнее скажу об этом позже.

Таким образом, если этот род войск может сейчас даже в мирное время жить своим ремеслом, это происходит лишь от извращенного порядка вещей. Что касается денег, уплачиваемых мне и другим военачальникам, то я прямо скажу, что это вреднейшая мера: мудрая республика не платила бы такого жалованья никому, а во время войны ставила бы во главе войск только своих же граждан, которые по окончании войны возвращались бы к мирным занятиям. Точно так же поступал бы и мудрый король, а если бы он даже платил это жалованье, то либо в награду за какой-нибудь особенный подвиг, либо как цену за услуги, которые военачальник может оказать как в мирное, так и в военное время.

Раз вы ссылаетесь на меня, то я и приведу собственный пример и скажу, что война никогда не была для меня ремеслом, потому что мое дело — это управление моими подданными и защита их, а для того чтобы защищать их, я должен любить мир и уметь вести войну. Мой король ценит и уважает меня не столько за то, что я понимаю военное дело, сколько за умение быть ему советником во время мира. Если король мудр и хочет править разумно, он должен приближать к себе только таких людей, потому что чрезмерные ревнители мира

или слишком рьяные сторонники войны непременно направят его на ложный путь.

Сейчас я вам на этот счет больше ничего не могу сказать, и если вам этого мало, то вам придется обратиться к собеседнику, который лучше меня сумеет вас удовлетворить. Теперь вы, может быть, начинаете понимать, как трудно применять к современным войнам древние обычаи, как должен готовиться к войне всякий предусмотрительный правитель и на какие обстоятельства он может рассчитывать, чтобы достигнуть поставленных себе целей. Если моя беседа вас не утомляет, то вы шаг за шагом приблизитесь к более точному пониманию этих вещей, по мере того как мы будем подробно сравнивать древние установления с порядками наших дней.

Козимо. Если нам и раньше хотелось узнать ваше мнение об этих предметах, то после всего, что вы сказали, желание наше только удвоилось; мы благодарим вас за то, что уже получили, и просим рассказать нам остальное.

Фабрицио. Если таково ваше желание, я буду обсуждать этот предмет с самого начала, потому что буду более понятен и лучше смогу доказать свою мысль. Всякий, кто хочет вести войну, ставит себе одну цель — получить возможность противостоять любому врагу в поле и победить его в решающем сражении. Чтобы достигнуть этой цели, необходимо иметь войско. Для этого надо набрать людей, вооружить их, дать им определенное устройство, обучить их действию как малыми отрядами, так и большими частями, вывести их в лагерь и уметь противопоставить их неприятелю тут же на месте или во время движения.

В этом все искусство полевой войны, наиболее необходимой и почетной. Кто заставит неприятеля принять бой в обстановке для себя выгодной, поправит этим все другие ошибки, сделанные им при руководстве военными действиями. Тот же, у кого этой способности нет, никогда не закончит войну с честью, как бы он ни был искусен в других частностях военного дела. Выигранное сражение сглаживает все другие промахи, и обратно: поражение делает бесполезными все прежние успехи.

Если хочешь составить войско, надо прежде всего найти людей. Поэтому обращаюсь к способу их выбора, как выражались древние, или набора, как сказали бы мы. Предпочитаю оговорить «выбор», чтобы употребить слово более почетное.

Писатели, установившие правила войны, предлагают брать в войска жителей стран с умеренным климатом, дабы сочетать в солдате смелость и разум; жаркие страны рождают людей разумных, но не смелых, а холодные — смелых, но безрассудных.

Такое правило хорошо для правителя, который властвовал бы над целым миром и мог бы поэтому брать людей из любой местности, какая ему заблагорассудится. Если же устанавливать правило, годное для всех, то надо сказать, что как республики, так и королевства должны выбирать себе солдат из жителей собственной страны, каков бы ни был ее климат — холодный, жаркий или умеренный.

Пример древних показывает, что во всякой стране хорошие солдаты создаются обучением. Там, где не хватает природных данных, они восполняются искусством, которое в этом случае сильнее самой природы.

Набор солдат из чужеземцев нельзя называть выбором, потому что выбирать — значит привлечь в войско лучших людей страны и иметь власть призвать одинаково тех, кто хочет и кто не хочет служить. Понятно, что такого рода отбор возможен только в своей стране, потому что нельзя брать кого угодно в земле, тебе неподвластной, и приходится ограничиваться добровольцами.

Козимо. Однако из этих добровольцев можно одних взять, других отпустить, и тогда это все же можно назвать выбором.

Фабрицио. Вы до известной степени правы, но примите во внимание недостатки такого способа, и тогда часто окажется, что именно выбора здесь никакого нет. Во-первых, добровольцы из чужеземцев никогда не принадлежат к числу лучших солдат, наоборот, это — подонки страны: буяны, ленивые, разнузданные, безбожники, убежавшие из дому, богохульники, игроки — вот что такое эти охотники. Нет ничего более несовместимого с духом настоящего и крепкого войска, чем подобные нравы.

Если эти люди являются в большем количестве, чем нужно, то можно еще выбирать, но так как сам материал плох, то и выбор не может быть хорош. Однако часто бывает, что их приходит слишком мало; тогда приходится брать всех, и получается уже не отбор, а просто наём пехотных солдат. Так беспорядочно составляются теперь войска в Италии и в других странах, кроме Германии, и происходит это оттого, что человек становится солдатом не по велению князя, а по своей воле. Скажите теперь сами, какие военные установления древних мыслимы в войске, набранном подобными способами?

Козимо. Что же делать?

Фабрицио. То, что я уже сказал: составлять войска из собственных граждан и по приказу князя.

Козимо. А можно было бы тогда ввести хотя бы некоторые древние установления?

Фабрицио. Конечно, при условии, что в королевстве во главе войска будет стоять сам князь или лицо, облеченное законной властью, а в республике — кто-нибудь из граждан, избранный полководцем; иначе сделать что-нибудь хорошее очень трудно.

Козимо. Почему?

Фабрицио. Отвечу вам в свое время; сейчас удовольствуйтесь тем, что иначе нельзя.

Козимо. Если брать солдат в собственной стране, то где, по вашему мнению, лучше их набирать — в городе или в округе?

Фабрицио. Все писатели сходятся на том, что лучше брать солдат из окружных крестьян; это люди закаленные, воспитанные в труде, привыкшие к солнцу и не ищущие тени, приученные к обращению с железными орудиями, к земляным работам, к переноске тяжестей, а кроме того, они просты и бесхитростны. Однако я лично считал бы, что так как есть два рода солдат — пешие и конные, то пехоту лучше набирать из крестьян, а конницу — из горожан.

Козимо. Каких лет должны быть солдаты?

Фабрицио. Для совсем нового войска я брал бы людей от семнадцати до сорока. Если же войско уже есть и надо было бы его пополнять, то исключительно семнадцатилетними.

Козимо. Мне не вполне ясна эта разница.

Фабрицио. Я поясню вам. Если бы мне пришлось создавать войско там, где его нет, то для обучения, о котором я буду говорить потом, надо было бы выбрать всех, способных носить оружие, лишь бы они достигли призывного возраста. Если бы мне пришлось производить отбор в стране, где войско уже есть, то для пополнения я брал бы семнадцатилетних, так как остальные были бы взяты уже давно.

Козимо. Значит, вы хотели бы ввести нечто похожее на порядок, принятый у нас?

Фабрицио. Вы правы, но я не знаю, напоминал ли бы он ваше устройство по вооружению, командованию, обучению и боевому построению.

Козимо. Значит, вы одобряете наше военное устройство?

Фабрицио. Зачем же мне его порицать?

Козимо. Потому что многие знающие люди всегда его осуждали.

Фабрицио. Вы противоречите себе, когда говорите, что знающий человек порицает это устройство; тогда его напрасно считают знатоком.

Козимо. Мы вынуждены так думать, потому что опыт этого порядка всегда был плох.

Фабрицио. Смотрите, как бы не оказались виноваты вы сами, а вовсе не ваше устройство; вы убедитесь в этом еще до конца нашей беседы.

Козимо. Вы доставите нам этим огромное наслаждение; я даже хочу заранее открыть все обвинения, выставленные против нашего военного устройства, дабы вы затем могли лучше его защитить. Обвинители рассуждают так: порядок этот или негоден и может привести к гибели республики, или он целесообразен, но

последствием его легко может быть захват власти военачальником; при этом ссылаются на римлян, у которых собственные войска уничтожили республиканскую свободу; ссылаются также на венецианцев и на короля Франции: венецианцы, дабы не оказаться под властью своего же гражданина, пользуются наемными войсками; король обезоружил своих подданных, чтобы иметь возможность спокойнее повелевать. Однако они больше опасаются негодности собственных войск, чем захвата власти, и в доказательство своей правоты приводят два довода: первый — неопытность своих солдат, второй — насильственная служба; после известного возраста, говорят они, учиться уже нельзя, а принуждение никогда ни к чему хорошему не ведет.

Фабрицио. Все эти доводы идут от людей, рассматривающих вещи несколько издалека, как я вам это сейчас докажу. Что касается довода о негодности, то я должен сказать, что лучшая армия та, которая составляется из своих же граждан, и только этим путем можно такую армию образовать. Спора на этот счет нет, и я не стану тратить время на доказательства, так как за меня говорят все примеры древней истории.

Противники этой армии (милиции) ссылаются на неопытность солдат и на принудительную службу; я скажу, что действительно неопытность солдат не способствует храбрости, а принуждение вызывает недовольство, но ведь мужество и опытность, как вы увидите впоследствии, воспитываются в солдате вооружением, обучением и военным строем.

Что касается принуждения, то вы должны знать, что люди, набранные в войска повелением князя, служат не вполне принудительно и не вполне добровольно,

ибо полная добровольность привела бы к тем неудобствам, о которых я уже говорил: не было бы настоящего отбора людей, а добровольцев было бы всегда слишком мало; полная принудительность тоже привела бы к дурным последствиям. Поэтому следовало бы избрать средний путь: люди поступают на службу не вполне добровольно и не безусловно по принуждению, а в силу своего уважения к князю, гнева которого они боятся больше, чем кары.

Получается сочетание принудительности и доброй воли, которое не даст развиваться недовольству, грозящему опасными последствиями. Я не говорю, что такое войско непобедимо, так как римские легионы бывали разбиты множество раз, равно как и войско Ганнибалы. Вообще нельзя создать такое войско, за непобедимость которого можно было бы ручаться. Ваши знатоки не должны судить о негодности милиции по одной неудаче: сражение можно одинаково проиграть и выиграть, но главное — это устранить причины поражения.

Если начать доискиваться этих причин, то нетрудно убедиться, что сила здесь не в недостатках принятого у вас порядка, а в том, что он еще не доведен до совершенства. Необходимо, как я уже говорил, не осуждать милицию, а исправлять ее; что надо делать — это я вам раскрою постепенно. Другой довод противников — это возможность захвата власти военачальником. Отвечаю, что оружие в руках собственных граждан или воинов, врученное им в силу закона, никогда еще не приносило вреда; наоборот, оно всегда полезно, и этим путем можно лучше охранить чистоту государственного строя, чем каким-нибудь другим. Рим четыреста лет

жил свободным государством и был вооружен; в Спарте свобода держалась восемьсот лет; наоборот, во многих других государствах, не опирающихся на собственную вооруженную силу, свобода не сохранялась даже сорок лет. Войско необходимо государству, и, если у него нет своей военной силы, оно нанимает чужеземцев, чужеземные же войска вреднее для общественного блага, чем свои, ибо их проще подкупить и честолюбец скорее может на них опереться. Осуществить эти намерения ему тем легче, что угнетаемые безоружны. Помимо того, два врага всегда страшнее для республики, чем один. Призывая чужеземное оружие, она одновременно боится и чужих солдат, и собственных граждан. Что такой страх основателен, об этом вы можете судить, вспомнив мой рассказ о Франческо Сфорца. Наоборот, когда республика располагает собственным войском, для нее страшно только одно — властолюбие своего же гражданина.

Наконец, из всех возможных доводов я сошлюсь только на один: мысль, что жители страны окажутся неспособными защищать ее оружием, еще никогда не приходила в голову ни одному законодателю республики или царства. Венецианцы основали бы новую всемирную монархию, если бы они проявили в своем военном устройстве такую же государственную мудрость, какой проникнуты их другие учреждения. Судить их надо особенно строго, потому что первые их законодатели создали им военную силу. На суше у них не было владений, поэтому вся их военная мощь сосредоточилась на море, и морскую войну они вели блестяще, расширив силой оружия пределы отечества.

Когда же подошло время вести сухопутную войну для защиты Виченцы, они, вместо того чтобы послать туда наместником кого-нибудь из своих граждан, взяли к себе на службу маркиза Мантуанского. Это было роковое решение, подорвавшее могущество венецианцев, помешавшее им прославить свое имя до небес и безгранично распространить свою власть на земле. Если они так поступили из-за неуверенности в себе, потому что, будучи знатоками морской войны, они не решались сами воевать на суше, то неуверенность эта была ложной: моряку, привыкшему сражаться с ветрами, бурями и людьми, легче сделаться полководцем, которому приходится биться только с людьми, чем полководцу превратиться в моряка. Мои римляне тоже умели воевать только на суше, а не на море, и тем не менее, когда началась война с Карфагеном, они не пригласили на службу опытных моряков — греков или испанцев, а возложили это дело на своих граждан, знающих сухопутную войну, и в конце концов победили.

Если венецианцы действовали из страха, как бы кто-нибудь из граждан Венеции не стал тираном, это был страх легкомысленный: ведь помимо доводов, уже приводившихся мной по этому поводу, надо сказать, что если никто из начальников их флота никогда не становился тираном этого морского города, то исполнить подобный замысел, опираясь на сухопутные войска, было бы еще неизмеримо труднее. Все это должно вам показать, что тирана создает не свое войско, подчиненное своему же гражданину, а дурные законы и плохое управление; именно оно навлекает на город тиранию. При хорошем управлении бояться своего войска нечего. Таким образом, Венеция поступила не-

осмотрительно, и это решение стоило ей потери большей доли ее славы и счастья.

Что касается ошибки короля Франции, который не приучает свой народ к войне, то ваши знатоки напрасно ссылаются на него как на пример: каждый беспристрастный человек признает, что это самый большой недостаток французской монархии и что это упущение — главная причина ее слабости.

Однако я слишком распространился и, может быть, отошел от своего предмета. Я хотел ответить вам и доказать, что нельзя опираться ни на какое оружие, кроме своего; собственная же военная сила создается только путем отбора; только так можно образовать войско и утвердить военную дисциплину. Если бы вы изучали установления первых римских царей, и особенно Сервия Туллия, вы бы увидели, что деление на классы представляет не что иное, как всеобщее вооружение народа, дававшее возможность немедленно собрать войско для защиты города.

Вернемся, однако, к вопросу о выборе солдат. Я снова скажу, что, если бы мне пришлось пополнять войско уже существующее, я брал бы семнадцатилетних юношей; если бы я создавал новое войско, я призывал бы людей всех возрастов — от семнадцати до сорока, чтобы можно было сейчас же пустить их в дело.

Козимо. Обращали ли бы вы при этом выборе внимание на их ремесло?

Фабрицио. Военные писатели проводят это различие, так как они не советуют брать в солдаты птицеловов, рыбаков, поваров, а также людей, промыслы коих бесчестны или состоят только в том, чтобы увеселять других; наоборот, они настаивают на призыве прежде

всего земледельцев, а затем слесарей, кузнецов, плотников, мясников, охотников и тому подобных. Я же обращал бы мало внимания на эти различия, поскольку надо было бы заключать о доброкачественности человека по его ремеслу, но я бы очень считался с ними, поскольку они показывают, каким образом можно с большей пользой применять различные способности людей.

По этой же причине крестьяне, привыкшие обрабатывать землю, предпочтительнее кого бы то ни было другого, ибо из всех существующих это ремесло применимо в войске лучше всего. Затем идут слесари, плотники, кузнецы, каменщики, которых в войске должно быть много; ремесло их часто может пригодиться, и очень хорошо иметь в войске солдат, от которых бывает двойная польза.

Козимо. Как распознать людей, годных или негодных для военного дела?

Фабрицио. Я буду говорить сейчас о выборе солдат для образования нового войска, но при этом мне отчасти придется сказать и о том, как отбирать людей для пополнения войска уже действующего. Выбирая солдата, ты познаешь его годность или по опыту, когда он совершил какой-нибудь подвиг, или по предположению. Не может быть доказательств военной доблести у людей, отбираемых впервые и никогда еще не служивших; поэтому в новых милициях эти доказательства встречаются редко или отсутствуют совсем.

Если нельзя судить по опыту, судите по предположению, т. е. по возрасту, ремеслу и виду солдата. О первых двух признаках я уже говорил, остается сказать о третьем. Многие, как Пирр, требуют, чтобы солдат был

высокого роста; другие, как Цезарь, обращали внимание только на физическую силу. Эта сила тела и духа выражается в сложении и облике. Писатели отмечают, что у солдата должны быть живые и веселые глаза, крепкая шея, широкая грудь, мускулистые руки, длинные пальцы, втянутый живот, полные бедра, худые ноги; такой человек всегда будет ловок и силен — два качества, которые в солдате ценятся выше всего.

Особенное внимание надо обращать на нравственность: солдат должен быть честен и совестлив; если этого нет, он становится орудием беспорядка и началом разврата, ибо никто не поверит, что дурное воспитание может создать в человеке хотя бы крупицу достохвального воинского мужества.

Значение такого выбора солдата огромно; и, чтобы это стало вам понятнее, я считаю нелишним и даже необходимым рассказать о том, каких правил держались при отборе легионов вступающие в должность римские консулы. Благодаря беспрестанным войнам старые солдаты являлись к отбору вперемешку с новичками, и консулы могли судить об одних по опыту, а о других — по догадке. Надо заметить, что при выборе солдата имеется в виду или сейчас же послать его в бой, или обучить его немедленно, но пустить в дело позднее.

Я уже говорил и буду говорить дальше обо всех мерах, необходимых для позднейшей боевой работы солдата, ибо хочу показать вам, как создается войско в странах, где народных ополчений раньше не было и где поэтому не может быть отборных частей, которыми можно воспользоваться сейчас же. В тех же странах, где войско образуется повелением власти, оно может быть пушено в дело немедленно, как это было в Риме и теперь

еще наблюдается у швейцарцев. Если при этом порядке отбора в войско попадают и новобранцы, то они тут же встречаются с множеством опытных солдат, привыкших к строю, и смешение старых с молодыми образует единую и крепкую боевую часть. Кроме того, когда императоры перешли к порядку сосредоточения войск в строго определенных постоянных местах, они стали назначать для обучения так называемых тиронов, т. е. молодых солдат, особого руководителя, как это видно из жизнеописания императора Максимиана.

Пока в Риме держался свободный строй, обучение это производилось не в лагерях, а в самом городе. Молодежь во время этих занятий привыкала к военным упражнениям, и когда ее затем посылали уже в бой, она была настолько закалена опытом этой мнимой войны, что умела легко найтись в условиях настоящей боевой жизни. Однако впоследствии, когда императоры отказались от этого способа обучения, им пришлось установить тот порядок, который я вам уже описал.

Перехожу теперь к римскому способу набора легионов. Вступая в должность, консулы, на которых было возложено военное дело, начинали с упорядочения своего войска (каждому из них вверялись обычно два легиона, набранные из римских граждан и составлявшие основу их военной силы) и назначали для этой цели на каждый легион по шести, а всего двадцать четыре военных трибуна, исполнявших те же обязанности, какие исполняют теперь наши батальонные командиры.

Затем они собирали всех римских граждан, способных носить оружие, и распределяли трибунов по легионам. Трибы, с которых должен был начаться отбор,

указывались жребием, и из трибы, выделенной таким образом, выбиралось четверо наиболее годных: одного брали трибуны первого легиона, другого — трибуны второго легиона, из оставшихся двух одного брали трибуны третьего легиона, а последний попадал в четвертый легион. После первой четверки отбиралась вторая, причем первого человека брали трибуны второго легиона, второго — трибуны третьего легиона, третьего — трибуны четвертого легиона, а четвертый оставался в первом легионе. Затем шла третья четверка: первый из нее шел в третий легион, второй — в четвертый легион, третий — в первый легион, четвертый оставался во втором легионе.

Так действовал последовательно этот порядок, пока отбор, устроенный на равных началах, не заканчивался и не образовывался полный состав легиона. Мы уже говорили выше, что благодаря этому способу легион можно было отправить в дело сейчас же, ибо он составлялся из людей, значительная часть которых знала настоящую войну, а война примерная была известна всем. При выборе людей можно было руководствоваться одновременно и опытом, и догадкой. Однако в стране, где надо создавать войско впервые, отбор людей может производиться только гадательный, основанный на возрасте и внешнем виде человека.

Козимо. Все, что вы сказали, по-моему, верно. Но раньше, чем вы будете продолжать, я хочу задать вам вопрос, на который вы сами навели меня, когда говорили, что в стране, где жители не обучались военному строю, выбор солдат может производиться только по догадке. С разных сторон слышал я осуждения нашей милиции, особенно за ее численность. Многие утверж-

дают, что людей надо брать меньше, так как это приносило бы ту пользу, что солдаты отбирались бы более тщательно, на граждан не налагалось бы столь тяжелое бремя, а людям, взятым в войско, можно было бы дать некоторое вознаграждение, которое бы их обрадовало и сделало послушнее. Мне хотелось бы знать ваше мнение: предпочитаете ли вы набор в большом или малом количестве и какого порядка придерживались бы вы в обоих случаях?

Фабрицио. Большое войско, без сомнения, лучше малого; надо даже сказать больше — там, где невозможен крупный набор, невозможно и создание хорошей милиции. Доводы противников этого взгляда легко опровергнуть. Прежде всего надо сказать, что малочисленная милиция в такой населенной стране, как, например, Тоскана, не обеспечивает вам ни лучшего качества солдат, ни большей тщательности отбора. Ведь если вы хотите при наборе солдат судить о них по опыту, то в этой стране опыт ваш будет применим только к самому ничтожному меньшинству, так как лишь очень немногие были на войне и еще меньше выдвинулись настолько, чтобы оказаться выбранными предпочтительно перед другими. Поэтому, если производить отбор в такой стране, надо отказаться от опыта и брать людей по догадке. В таких условиях мне хотелось бы знать, чем же я должен руководиться, когда ко мне явятся двадцать молодых людей подходящей наружности, и по какому правилу я завербую одних и отпущу других? Каждый, несомненно, признает, что раз вы не можете знать, кто из них лучше, то риск ошибки будет меньше, если взять всех, вооружить и обучить, а более

точный выбор сделать уже позже, когда при обучении выделятся самые храбрые и сильные.

Поэтому, взвесив все обстоятельства, надо сказать, что мнение о предпочтении в этом случае малого количества во имя лучшего качества совершенно ложно. Насчет меньшего бремени для страны и людей скажу, что набор милиции, будь она велика или мала, не налагает никакого бремени, ибо этот порядок не отрывает никого от работы, не связывает людей настолько, чтобы они не могли заниматься обычными делами, а только обязывает их собираться в дни отдыха для обучения военным упражнениям. Для страны и для людей здесь нет никаких тягот, а молодежи это доставит только удовольствие. Вместо того чтобы шататься в праздники по кабакам, молодые люди охотно пойдут на эти занятия: ведь военные упражнения очень красивы, и уже поэтому они должны нравиться юношам.

Что касается возможности оплачивать небольшую милицию, которая благодаря этому будет довольна и послушна, то, по-моему, нельзя сократить народное ополчение до таких малых размеров, чтобы содержать его на таком постоянном жалованье, которое бы его удовлетворяло: например, если платить милиции в пять тысяч пехотинцев жалованье, которым она была бы довольна, пришлось бы тратить на это по меньшей мере десять тысяч дукатов в месяц. Во-первых, этого количества пехоты мало, чтобы образовать войско, и вместе с тем такой расход очень затруднителен для государства. С другой стороны, этого жалованья недостаточно для того, чтобы люди были довольны и считали себя обязанными являться по первому требованию. Таким образом, этот порядок стоил бы очень дорого и вместе

с тем давал бы стране слабое войско, с которым нельзя ни защищаться, ни нападать. Если увеличить жалованье или набирать больше людей, то невозможность платить только возрастет; если сократить и жалованье, и численность ополчения, милиция будет еще меньше и еще бесполезнее.

Поэтому сторонники народной милиции на постоянном жалованье говорят о вещи или невозможной, или бесполезной. Совсем другое, когда войска набираются для войны; тогда, конечно, необходимо назначить им жалованье. Если в мирное время такое военное устройство даже причинит гражданам, записанным в солдаты, некоторые неудобства, хотя я этого не усматриваю, они уравновешиваются всеми благами, которые дает стране хорошо организованное войско, потому что без него вообще не может быть никакой безопасности.

В заключение скажу, что желающие образовать небольшую милицию, чтобы держать ее на постоянном жалованье или по другим соображениям, о которых вы говорили, плохо понимают дело; помимо всего прочего мое мнение подкрепляется еще тем обстоятельством, что число войск благодаря бесконечным трудностям войны все равно непрерывно сокращается, и малое количество обратилось бы в нуль. Наоборот, при большой милиции ты можешь по собственному желанию пользоваться малыми или крупными частями. Наконец, войско полезно не только для самого дела войны, но и потому, что укрепляет твое значение, а, конечно, большое войско всегда придает тебе больше веса. К тому же милиция создается для обучения людей воинскому строю, и если в населенной стране в нее будет

записано мало народу, то при большой отдаленности домов граждан друг от друга их без величайших неудобств нельзя будет даже собирать на учения, а без этого милиция не нужна, как я покажу это дальше.

Козимо. Ваш ответ на мой вопрос удовлетворил меня вполне, но теперь мне хочется, чтобы вы разрешили другое сомнение. Противники милиции говорят, что большое количество вооруженных людей вызовет в стране смуту, распри и беспорядок.

Фабрицио. Это мнение также беспочвенно, и я вам скажу почему. Беспорядки, творимые вооруженными людьми, могут быть двоякого рода: это или схватки между собой, или волнения, направленные против других. Предотвратить это было бы вообще нетрудно, но ведь учреждение милиции само по себе уже пресекает возможность подобных смут; оно предупреждает взаимные столкновения, а не помогает им, потому что при учреждении милиции вы даете ей оружие и начальников.

Если страна, в которой создается милиция, так мало воинственна, что граждане не носят оружия, или настолько едина, что в ней нет главарей партий, то создание милиции сильно ожесточит их против внешних врагов, но никоим образом не разъединит их друг с другом. Ведь при хорошем устройстве государства граждане, вооруженные или безоружные, чтут законы и никогда не станут на них покушаться, если начальники, поставленные вами во главе, сами не явятся виновниками беспорядков; дальше я скажу вам, как с этим бороться.

Наоборот, если страна, в которой учреждается народное войско, воинственна и разъединена, то только

такое учреждение, как милиция, способно объединить ее вновь; ведь у граждан уже есть и оружие, и начальники, но оружие не годится для войны, а начальники только сеют смуты. Учреждение милиции дает оружие, годное для войны, и начальников, которые будут подавлять беспорядки. В такой стране всякий, кто чем-нибудь обижен, обычно идет к главарю своей партии, который, чтобы поддержать свое влияние, склоняет его к мести, а не к миру. Совершенно наоборот поступает начальник учреждения государственного; поэтому создание милиции устраняет поводы к раздорам и подготавливает единение граждан. Страны единые и изнеженные излечиваются от слабости и сохраняют единство; страны разъединенные и склонные к междоусобиям объединяются, и та отвага, которая обычно проявляется в разнузданности, обращена на пользу общественную.

Относительно вреда, который вооруженные люди способны причинить другим, надо иметь в виду, что они могут это сделать только при попустительстве начальников, и, если вы хотите, чтобы сами начальники не затевали смут, необходимо позаботиться о том, чтобы они не приобретали слишком большого влияния на подчиненных. Заметьте, что это влияние создается или естественно, или случайно. Для устранения влияния естественного надо поставить дело так, чтобы уроженец известной местности не был во главе жителей той же местности, записанных в милицию, а назначался бы начальником частей, с которыми он никакими естественными узами не связан.

Что касается влияния, приобретаемого случайно, то здесь требуются иные меры: начальники должны

ежегодно меняться местами, так как постоянная власть над теми же людьми создает с ними такую тесную связь, которая легко может обернуться князю во вред. Насколько эти перемещения полезны для тех, кто ими пользовался, и как дорого обходится государствам пренебрежение этим правилом, показывают примеры Ассирийского царства и Римской империи. Ассирия просуществовала тысячу лет без всяких внешних и гражданских войн; объясняется это исключительно тем, что полководцы, стоявшие во главе войск, каждый год перемещались.

Иначе обстояло дело в Риме, где после прекращения Цезарева рода возникло столько гражданских войн между отдельными полководцами и составлялось много заговоров этих полководцев против императоров; причина была одна — постоянное пребывание военачальников на тех же местах. Если бы первые императоры и преемники их, занимавшие престол со славой, как Адриан, Марк Аврелий, Септимий Север и им подобные, были настолько пронизательны, чтобы ввести порядок ежегодного перемещения начальников войск, они, несомненно, укрепили бы спокойствие и прочность империи, ибо у полководцев было бы меньше возможностей бунтовать, а сенат при перерывах в престолонаследии имел бы больше влияния на выборы императоров, которые от этого, конечно, были бы удачнее.

Все дело в том, что по невежеству людей или по равнодушию их, но опыт как дурных, так и хороших примеров бессилен против укоренившихся плохих обычаев.

Козимо. Боюсь, не отклонил ли я вас своими вопросами от хода ваших мыслей, так как мы перешли от

выборов к совершенно другим рассуждениям; я заслужил бы упрек, если бы не извинился перед вами.

Фабрицио. Нисколько. Все эти отступления были необходимы; так как я хотел говорить о милиции, которую многие осуждают, я должен был сначала защитить ее, а особенно ее основу — отбор солдат. Прежде чем перейти к другим предметам, я хочу сказать вам о способах выбора конницы. Древние выбирали ее из среды самых богатых граждан, обращая внимание на возраст и качества людей; выбирали они по триста человек на легион, так что римская конница во всяком консульском войске не превышала шестисот лошадей.

Козимо. Предлагаете ли вы создать конную милицию, которая обучалась бы дома и служила во время войны?

Фабрицио. Конечно, это необходимо, и ничего другого сделать нельзя, если вы хотите иметь свои войска, а не нанимать солдат, для которых война является ремеслом.

Козимо. Как будете вы отбирать этих всадников?

Фабрицио. Я бы подражал римлянам и составил бы конницу из людей более богатых, дал бы им начальников тем же порядком, как они назначаются сейчас для других родов войск, а затем вооружил и обучил бы их.

Козимо. Следует ли назначать им жалованье?

Фабрицио. Да, но не больше, чем это нужно на корм лошади, ведь если вы обремените подданных расходами, они начнут роптать. Поэтому необходимо оплатить лошадь и расходы на ее содержание.

Козимо. Какова должна быть численность вашей конницы и как бы вы ее вооружили?

Фабрицио. Вы переходите к другому предмету. Я скажу об этом в свое время, когда объясню вам, как должна быть вооружена пехота и как ее надо готовить к бою.

КНИГА ВТОРАЯ

Фабрицио Колонна. Когда набор солдат завершен, необходимо их вооружить. Для этого надо знать, какое оружие употребляли древние, и выбрать самое лучшее. Римская пехота делилась на тяжеловооруженную и легкую, называвшуюся велитами. Под этим словом разумелись все пехотинцы, вооруженные пращами, луками и дротиками; для защиты бóльшая часть их носила шлем и круглый щит на руке, сражались они впереди и в некотором отдалении от тяжелой пехоты, вооружение которой состояло из шлема, прикрывавшего голову до плеч, лат, защищавших тело до колен, наручников, поножей и щита длиной в два локтя¹ и шириной в локоть, окованного сверху и снизу железным обручем для лучшей защиты от ударов и для предохранения при трении его о землю. Для нападения служил меч длиной в полтора локтя, который воины носили у левого бока, и кинжал, прикреплявшийся к правому. В руке они держали метательное копьё, называвшееся *pilum*, которое они пускали в неприятеля при начале боя.

¹ Локоть \approx 0,5 м.

Таково было римское оружие, и с ним они завоевали мир. Правда, некоторые древние писатели приписывают римлянам, кроме названного оружия, еще другое, именно длинную пику, похожую на рогатину, но я не понимаю, как может воин, державший в руке щит, действовать еще тяжелой пикой. Метать ее обеими руками нельзя, потому что этому мешает щит, а если бросать ее одной рукой, ничего не выйдет, потому что пика слишком тяжела. Кроме того, при сражении в сомкнутом строю пика бесполезна, так как только солдаты первой шеренги располагают достаточным пространством, чтобы развернуться как следует; бойцы, стоящие в следующих шеренгах, сделать этого не могут, ибо свойство боя, как я покажу это дальше, требует непрерывного смыкания рядов; это тоже неудобство, но все же несравненно меньшее, чем разомкнутый строй, представляющий явную опасность.

Поэтому всякое оружие длиннее двух локтей в сомкнутом строю бесполезно: если вы вооружены пикой и хотите метать ее обеими руками, то, даже допуская, что щит этому не мешает, вы не можете ударить ею врага, вступившего с вами в рукопашную схватку; если вы берете пику одной рукой, чтобы в то же время прикрыться щитом, вы можете держать ее только наперевес, и тогда она наполовину торчит сзади, и солдаты рядов, следующих за вашим, не дадут вам ею работать. Вернее всего, что у римлян или совсем не было этих пик, или они ими почти не пользовались. Прочтите в истории Тита Ливия описание знаменитых сражений, и вы увидите, что о пиках он упоминает только в самых редких случаях, но постоянно говорит о том, как солдаты, бросив свои дротики, хватались за мечи. По-

этому оставим эти пики в стороне и, говоря о римлянах, будем считать меч орудием нападения, а щит и прочее вооружение — орудиями защиты.

Греки для обороны вооружались не так тяжело, как римляне, а при нападении полагались больше на копья, чем на мечи, особенно македонская фаланга, копья которой, так называемые сариссы, были в десять локтей длиной и позволяли ей прорывать неприятельские ряды, смыкая в то же время свой строй. Некоторые писатели упоминают еще о щитах у македонян, но по причинам, о которых уже сказано, я не могу понять, как они могли действовать сариссами и в то же время пользоваться щитом. Наконец, в описаниях борьбы между Павлом Эмилием и македонским царем Персеем, насколько я помню, ничего не говорится о щитах, а только о сариссах и о том, с каким трудом далась победа римским легионам.

Все это наводит меня на мысль, что македонская фаланга ничем не отличалась от современной бригады швейцарцев, вся сила и мощь которой заключается именно в пиках.

Шлемы римской пехоты были украшены перьями, придававшими войску величественный вид, прекрасный для друзей и грозный для врагов. Конница в древнейшие времена Рима носила только круглый щит и шлем — другого оборонительного оружия не было; для нападения служили меч и длинная тонкая пика с одним только передним железным наконечником. С таким оружием всадник не мог прикрываться щитом, а в схватке пики ломались, и бойцы оставались безоружными и незащищенными. Со временем для конницы установилось то же вооружение, что и для пехоты, но

только щиты у них были четырехугольные и меньшие, чем у пехотинцев, а пики толще и окованы железом с обоих концов, так что, когда одно острие ломалось, другой конец еще годился.

С этим оружием, пехотным и конным, римляне завоевали весь мир, и по очевидным плодам их походов можно с полной вероятностью предположить, что лучше снаряженных войск не было никогда. Об этом часто свидетельствует в своей истории Тит Ливий, который при сравнении римских войск с неприятельскими выражается так: «Но римляне своей доблестью, совершенством оружия и воинской дисциплиной были сильнее». По этой причине я больше говорил о вооружении победителей, чем побежденных.

Теперь я хотел бы сказать о вооружении наших современных войск. Для обороны пехоте даются железные латы, а для нападения — копье длиной в девять локтей, называемое пикой; у бока прикреплен меч с концом более закругленным, чем острым.

Таково обычное вооружение нынешней пехоты. Только у немногих есть латы, защищающие спину и руки; у этих частей вместо пик имеются алебарды, т. е. древко длиной в три локтя, с железным наконечником в форме секиры. В пехоте есть также фюзильеры; огнем своего оружия они выполняют ту же задачу, что стрелки из лука и пращники древности. Вооружение это изобретено германскими народами, особенно швейцарцами; они бедны, но дорожат своей свободой и потому как прежде, так и теперь вынуждены защищаться от властолюбия германских князей, которым богатство дает возможность держать конницу, что для швейцарцев при их бедности недоступно. Необходимость за-

щищаться пешими против конных противников заставила их обратиться к военным учреждениям древних и к оружию, которое защищало бы их от бешеного натиска конницы.

Та же необходимость заставила их вновь вернуться к древнему боевому строю, вне которого, как правильно говорят некоторые писатели, пехота совершенно бесполезна. По этой же причине они вооружились пиками, т. е. оружием, которое лучше всего подходит не только для того, чтобы выдержать нападение конницы, но и для того, чтобы ее победить. Сила этого оружия и этого строя преисполнила немцев такой отвагой, что отряд в 15 000 или 20 000 германской пехоты не побоится напасть на любую конницу, и за последние двадцать пять лет мы видели этому немало примеров. Пример их силы, основанной на этом оружии и на этом строе, был настолько убедителен, что после похода короля Карла в Италию все народы стали им подражать, в том числе и испанцы; отсюда и пошла громкая военная слава испанских войск.

Козимо. Какое оружие ставите вы выше — современное германское или древнеримское?

Фабрицио. Несомненно, римское. Я объясню вам сейчас недостатки того и другого. Оружие немецких пехотинцев позволяет им остановить и победить конницу; оно не обременяет их и этим облегчает движение в походе и построение в боевой порядок. Зато, с другой стороны, отсутствие оборонительного оружия делает пехоту беззащитной против ударов, наносимых как издали, так и в рукопашной схватке. Пехота эта бесполезна при осаде городов и во всякой битве, где противник оказывает настоящее сопротивление. Кро-

ме того, римляне умели останавливать и побеждать конницу не хуже современных немцев. Защитное оружие делало их непроницаемыми для ударов издали и вблизи. Благодаря щитам они были сильнее в нападении и сами могли лучше его выдерживать. Наконец, в схватке они могли лучше действовать мечом, чем немцы пикой; к тому же, если у немцев и есть мечи, они без щита в таком бою бесполезны.

Римляне могли с уверенностью идти на приступ городских стен, потому что солдаты были прикрыты латами и могли защищаться щитами. Поэтому единственным неудобством их вооружения была тяжесть щита, из-за которой трудно было его нести, но это препятствие устранялось закаленностью воинов, приученных легко переносить усталость. Вы сами знаете, что люди, привыкшие к чему-нибудь, от этого уже не страдают. Заметьте, что пехотные части могут встретиться как с неприятельскими пехотинцами, так и с конницей. Они будут вполне бесполезны, если не смогут выдержать нападения конницы или, отбросив ее, испугаются пехоты, которая окажется лучше вооруженной или лучше построенной, чем они сами.

Сравните теперь немецкую пехоту с римской, и вы увидите, что немцы, как мы уже говорили, способны разбить конницу, но положение их явно невыгодно в бою с пехотой, построенной так же, как они, но вооруженной по римскому образцу. Вам станет тогда ясным преимущество той и другой, и вы увидите, что римляне могут одолевать одинаково пехоту и конницу, а немцы — одну только конницу.

Козимо. Я бы очень просил вас для большей ясности привести какой-нибудь определенный пример.

Фабрицио. Вы найдете в нашей истории множество мест, из которых увидите, что римская пехота рассеивала бесчисленную конницу, но не найдете ни одного, где говорилось бы о поражении римлян, нанесенном им пехотой вследствие слабости их вооружения или превосходства его у врага. Ведь, если бы вооружение было плохое, обязательно произошло бы одно из двух: или римляне встретили бы народ, вооруженный лучше, чем они сами, и завоевания их прекратились бы, или они переняли бы чужое оружие и отказались бы от своего. Так как ни того ни другого не случилось, легко предположить, что способ вооружения войск в Риме был лучше, чем где бы то ни было.

Этого никак нельзя сказать о германской пехоте, которую каждый раз постигали неудачи при встрече с пехотой, построенной так же, как и она, и равной ей по стойкости. Когда миланскому герцогу Филиппо Мариа Висконти пришлось иметь дело с 18 000 швейцарцев, он послал против них своего полководца графа Карманьола. Тот выступил с 6000 конницы и небольшим отрядом пехоты и при встрече был с большим уроном отбит. Карманьола, как человек опытный, сейчас же понял тайну силы неприятельского оружия, его превосходства над конницей и слабости кавалерии перед таким построением пехоты. Он собрал свои войска, снова выступил против швейцарцев, велел своим всадникам спешиться при соприкосновении с врагами и в бою перебил их всех, так что уцелело только 3000, которые увидели, что помощи ждать неоткуда, побросали оружие и сдались.

Козимо. В чем же причина этого поражения?

Фабрицио. Я вам только что объяснил ее, но сейчас повторю, так как она осталась для вас неясной. Я уже говорил, что немецкая пехота, которой почти нечем обороняться, вооружена для нападения пиками и мечами. С этим оружием она идет на неприятеля в своем обычном строю. Если у противника есть хорошее защитное оружие, как оно и было у спешенных всадников Карманьолы, он с мечом врывается в неприятельские ряды, и все дело только в том, чтобы подойти к швейцарцам вплотную. Если это удастся, успех в бою обеспечен, потому что сама длина пики не позволяет немцу действовать ею против врага, схватившегося с ним врукопашную; приходится браться за меч, который, в свою очередь, бесполезен, потому что немец ничем не прикрыт, а противник его весь закован в броню.

Таким образом, когда сравниваешь выгоды и невыгоды того и другого порядка, становится ясным, что солдат, не имеющий защитного вооружения, обречен, так как противнику, закованному в латы, нетрудно отбить первый натиск и отбросить пики солдат передней шеренги. Ведь войска все время приближаются друг к другу (вы поймете это лучше, когда я объясню вам боевое построение), и при этом движении они неизбежно подходят так близко, что упираются грудь в грудь. Если кто-нибудь даже убит или опрокинут ударом пики, в строю остается еще столько народу, что этого вполне достаточно для победы. Вот вам объяснение резни, которую Карманьола устроил швейцарцам с ничтожными потерями для себя.

Козимо. Все это так, но ведь солдаты Карманьолы были жандармы, которые хоть и сражались пешими, но были сплошь закованы в железо и поэтому одержа-

ли верх, отсюда как будто следует, что можно добиться такого же успеха, если соответственно вооружить пехоту.

Фабрицио. Вы бы этого не думали, если бы вспомнили все, что я вам говорил о римском вооружении; пехотинец, у которого голова защищена железным шлемом, грудь прикрыта латами и щитом, а руки и ноги охранены от ударов, может защититься от них и прорвать неприятельские ряды гораздо лучше, чем спешенный жандарм. Приведу свежий пример. Отряд испанской пехоты на Сицилии был отправлен на выручку Гонсальва, осажденного французами в Барлетте, и высадился на территории королевства Неаполитанского. Навстречу ему выступил монсеньор д'Обиньи со своими жандармами и около 4600 немецкой пехоты.

В начале боя немцы пиками прорвали ряды испанской пехоты, но ловкие испанцы, прикрываясь небольшими щитами, смешались с немцами в рукопашном бою и разили их мечами; последствием было почти полное истребление ландскнехтов и победа испанцев.

Все знают, как погибали немцы под Равенной. Причина была та же: испанцы подошли к немецкой пехоте на расстояние меча и уничтожили бы ее всю, если бы немцев не спасла французская конница; тем не менее испанцы, сомкнув ряды, могли безопасно отступить. Поэтому я считаю, что хорошая пехота не только должна выдержать нападение конницы, но ей нечего бояться и неприятельской пехоты. Все это, как я не раз уже говорил, зависит от вооружения и от строя.

Козимо. Скажите все же, как бы вы ее вооружили?

Фабрицио. Я взял бы отчасти римское, отчасти германское оружие и вооружил бы половину пехоты по

римскому, а другую — по германскому образцу. Если бы из 6000 пехотинцев у меня было 3000 с римскими щитами, 2000 пикинеров и 1000 фюзильеров, этого было бы достаточно, я поместил бы пикинеров или в голове батальона, или с той стороны, откуда грозило бы нападение конницы, солдаты со щитами и мечами стояли бы сзади, чтобы в нужную минуту поддержать копейщиков и решить исход боя, как я покажу это дальше. Думаю, что пехота, таким образом, будет сильнее всякой другой.

Козимо. Нам ясно теперь все, что относится к пехоте, но насчет конницы нам хотелось бы знать, предпочитаете ли вы для нее древнее или современное вооружение.

Фабрицио. Думаю, что благодаря седлу с лукой и стременами, которых раньше не знали, всадник в наше время крепче сидит на лошади, чем в древности. Вооружение его, по-моему, тоже лучше, так что выдержать натиск современного эскадрона, обрушивающегося на противника всей тяжестью, труднее, чем было остановить античную конницу.

При всем том я считаю, что не следует придавать конным войскам больше значения, чем это было в древности, потому что, как я уже говорил вам, они в наше время очень часто бывали позорно разбиты пехотой и всегда будут разбиты, когда встретятся с пехотой, вооруженной и построеной по образцу, о котором я вам рассказывал.

Армянский царь Тигран выставил против римского войска под командованием Лукулла 150 000 конницы, причем многие так называемые катафракты были вооружены вроде наших жандармов; у римлян же при

25 000 пехоты не было даже 6000 всадников, так что Тигран, увидав неприятельское войско, сказал: «Для посольства здесь все-таки много всадников». Однако, когда дело дошло до боя, Тигран был разбит, а историк сражения громит этих катафрактов, подчеркивая их полную бесполезность, потому что забрала, сплошь закрывавшие лица, не позволяли им видеть врага и нанести ему удар, а тяжесть оружия не давала упавшему всаднику возможности встать и пустить в дело свою силу.

Поэтому я нахожу, что народы и цари, предпочитающие конницу пехоте, всегда будут слабыми и обреченными, как мы это и видели в Италии наших дней, которую иноземцы могли разграбить, разорить и опустошить только потому, что она пренебрегала пешей милицией и вся ее военная сила состояла из конницы.

Конница, конечно, нужна, но все же это не первая, а вторая основа войска; она необходима и необычайно полезна для разведок, набегов и опустошения неприятельской страны, для внезапной тревоги и нападения на противника (который из-за этого должен всегда быть под ружьем) и для перерыва подвоза припасов. Когда же дело доходит до решительного полевого сражения, т. е. до самого существа войны и цели, ради которой вообще создаются войска, конница годится больше для преследования разбитого противника, чем для других дел, и по своей силе, конечно, далеко отстает от пехоты.

Козимо. У меня есть все же двойное недоумение: во-первых, я знаю, что парфяне во время войны действовали только конницей и это не помешало им разделить мир с римлянами; во-вторых, я прошу вас объяснить

мне, каким образом пехота может поддержать кавалерию и откуда берется сила одной и слабость другой.

Фабрицио. Я вам уже говорил или хотел сказать, что ваша беседа о военных делах ограничена пределами Европы. Поэтому я не обязан принимать во внимание, что привилось в Азии. Могу вам все же сказать, что боевой строй парфян был совершенно противоположен римскому; они сражались всегда на конях и в бою бросались на противника врассыпную. Такой способ боя разнообразен и вполне случаен.

Римляне, можно сказать, сражались почти сплошь пешими и сомкнутым строем. Оба войска одерживали верх попеременно, в зависимости от просторности или тесноты поля сражения. В последнем случае побеждали римляне, в первом — парфяне, которым удавалось с таким войском многое сделать, принимая в расчет защищаемую местность, т. е. бесконечные равнины, лежащие за тысячи миль от берега моря и пересеченные реками, отстоящими друг от друга на расстоянии двух или трех переходов. Городов в этой стране мало, население редкое. Таким образом, римское войско, тяжеловооруженное и медленно наступавшее походным порядком, могло продвигаться вперед только с большим риском, потому что противником его была легкая и быстрая конница, которая сегодня появлялась в одном месте, а завтра оказывалась уже в другом, на расстоянии пятидесяти миль. Это и помогло парфянам, обходясь с помощью одной только кавалерии, уничтожить войско Марка Красса и едва не погубить Марка Антония.

Однако я уже сказал вам, что буду говорить сейчас только о войсках Европы; поэтому я ограничусь срав-

нением установлений греков и римлян с современными немецкими.

Вернемся теперь к другому вашему вопросу — о том, какой строй или какие естественные причины создают превосходство пехоты над кавалерией. Скажу вам прежде всего, что конница не может действовать в любом месте подобно пехоте. Когда нужно менять строй, она отстает, потому что если при наступлении необходимо вдруг переменить направление, повернуться кругом, внезапно двинуться вперед после остановки или столь же внезапно остановиться, то, конечно, конные не могут исполнить это с такой же точностью, как пехотинцы.

Если конница приведена в расстройство натиском неприятеля, то даже при неудаче нападения трудно восстановить в ней порядок; с пехотой это бывает крайне редко. Кроме того, часто бывает, что храброму всаднику попадается пугливая лошадь, а трус сидит на горячем коне, — это нарушает единство строя и приводит к беспорядку. Нет ничего удивительного в том, что небольшой отряд пехоты может выдержать любой конный налет: лошадь — существо разумное, она чувствует опасность и неохотно на нее идет.

Если вы сравните силы, устремляющие лошадь вперед и удерживающие ее на месте, то увидите, что сила задерживающая, несомненно, гораздо больше, потому что вперед ее бросает шпора, а останавливают ее копьё и меч. Опыт древности и наших дней показывает одинаково, что даже горсть сплоченной пехоты может чувствовать себя спокойно, так как она для конницы непроницаема. Не ссылайтесь на стремительность движения, которое будто бы так горячит лошадь,

что она готова смести всякое сопротивление и меньше боится пики, чем шпоры. На это я отвечу следующее; как только лошадь замечает, что ей надо бежать прямо на выставленные против нее острия пик, она замедляет ход, а как только почувствует себя раненой, она или останавливается совсем, или, добежав до копий, сворачивает от них вправо или влево.

Если вы хотите в этом убедиться, пустите лошадь бежать на стену, и вы увидите, что очень мало найдется таких лошадей, которые, повинувшись всаднику, прямо ударятся в эту стену. Когда Цезарю пришлось сражаться в Галлии с гелльетами, он спешил сам, велел спешить всю конницу и отвести всех лошадей назад, считая их годными больше для бегства, чем для боя.

Таковы естественные препятствия для конницы, но помимо этого начальник пехотного отряда должен всегда выбирать дорогу, представляющую для конницы наибольшие трудности, и ему всегда, кроме самых редких исключений, удастся спастись, пользуясь свойствами местности. Если она холмиста, это одно уже ограждает тебя от всякого стремительного нападения. Если дорога идет по равнине, тебя почти всегда защитят засеянные поля или рощи; всякий кустарник, всякий даже небольшой ров замедляет самый бешеный конный натиск, а любой виноградник или фруктовый сад останавливает его совершенно.

То же, что было в походе, повторяется в бою, потому что стоит лошади наткнуться на какое-нибудь препятствие, и она сейчас же остывает. Об одном, во всяком случае, не надо забывать, именно о примере римлян: они так высоко стабилизировали свой военный строй и были так уверены в силе своего оружия, что, когда при-

ходилось выбирать между пересеченной местностью, защищавшей их от конницы, но мешавшей им самим развернуться, и местностью более ровной, открытой для действия неприятельской конницы, но дающей свободу движений, они всегда выбирали второе.

Итак, мы вооружили нашу пехоту по древним и новым образцам; перейдем теперь к обучению и посмотрим, какие упражнения проделывала римская пехота до отправления ее на войну.

Пехота может быть прекрасно подобрана, еще лучше вооружена, и все же ее необходимо самым тщательным образом обучать, так как без этого еще никогда не было хороших солдат.

Обучение это распадается на три части. Прежде всего это закаленность тела, приучение его к лишениям, развитие ловкости и проворства; далее — это владение оружием и, наконец, умение сохранять порядок в походе, бою и лагере. Таковы три главных дела всякого войска; если оно на марше, на отдыхе и в бою сохраняет порядок, то даже при неудачном бое честь начальника будет спасена. Поэтому военное обучение тщательно предусматривалось законами и обычаями всех древних республик, не упустивших в этом смысле ничего. Они упражняли свою молодежь, чтобы развить в ней быстроту бега, ловкость прыжка, силу в метании дротика и в борьбе.

Без этих трех качеств солдат почти немислим, потому что быстрота ног помогает ему предупредить неприятеля и раньше его занять нужную местность, неожиданно на него напасть и преследовать его после поражения. Ловкость позволяет ему отбивать удары, перепрыгивать рвы и взбираться на валы. Сила дает ему

возможность лучше нести оружие, бить врага и самому выдерживать его натиск. Чтобы лучше закалить тело, солдат прежде всего приучали носить большие тяжести; это безусловно необходимо, ибо в трудных походах солдату кроме оружия часто приходится нести на себе многодневный запас продовольствия, и для непривычного такой труд был бы непосильным. Поэтому он не мог бы ни спастись от опасности, ни победить со славой.

Обучение владению оружием производилось так. Юношам давались латы, вдвое тяжелее обыкновенных, а вместо меча они получали свинцовую палицу, по сравнению с ним более тяжелой. Каждый должен был вбить в землю кол высотой в три локтя и такой толщины, что никаким ударом нельзя было его сломать или опрокинуть. Юноши с их щитами и палицами упражнялись на этих кольях, как на неприятелях; они кололи их, направляя удар в голову, лицо, бедро или ногу, отскакивали назад, а затем бросались на них вновь.

Это упражнение давало им необходимую сноровку в защите и нападении, а так как учебное оружие было страшно тяжелым, то настоящее казалось им потом совсем легким. Римляне учили своих солдат колоть, а не рубить, как потому, что такие удары более опасны и от них труднее защититься, так и потому, что воину легче при этом себя прикрыть и он скорее готов к новому удару, чем при рубке.

Не удивляйтесь, что древние обращали внимание на все эти подробности, потому что, раз дело идет о бое, необычайно важно всякое, даже малое преимущество. Я вам не сообщаю ничего нового, а только напоминаю слова военных писателей. Древние считали, что счастлива только та республика, которая располагает

наибольшим числом людей, знающих военное дело, ибо не блеск драгоценных камней или золота, а только страх оружия подчиняет себе врагов.

Все ошибки в других областях можно как-нибудь исправить, но ошибки на войне неисправимы, ибо кажутся немедленно. Наконец, искусство владения мечом рождает отвагу, так как никто не боится идти на дело, к которому он подготовлен. Поэтому древние требовали от своих граждан постоянных занятий военными упражнениями и заставляли их метать в кол дротики тяжелее настоящих; это упражнение развивало меткость удара, укрепляло мышцы и силу рук.

Они учили молодежь стрелять из лука, метать камни из пращи, назначали для каждого упражнения особых руководителей, и когда после этого люди отбирались в легионы, чтобы идти на войну, они уже были солдатами по духу. Оставалось только обучить их военному строю и умению сохранять его в походе и в сражении; это достигалось легко, так как молодые солдаты смешивались с более опытными, уже служившими и знавшими, как сохраняется равнение.

Козимо. Какие упражнения предписали бы вы своим солдатам?

Фабрицио. Почти все, о которых мы говорили; я бы заставил их бегать, бороться, прыгать, носить оружие тяжелее обыкновенного, стрелять из лука и самострела; я бы прибавил еще ружье — оружие, как вы знаете, новое и безусловно необходимое. Я ввел бы эти упражнения для всей молодежи моей страны, но обратил бы особенное внимание на отборных, которым суждено впоследствии воевать: они упражнялись бы каждый свободный день.

Затем я учил бы их плавать; это весьма полезно, ибо не везде есть мосты или готовые суда для переправы через реки. Солдат, не умеющий плавать, лишается большого преимущества и поневоле упускает много удобных случаев. Римляне потому и установили военное обучение юношества на Марсовом поле, где рядом протекал Тибр; молодым людям, уставшим от упражнений на суше, можно было освежиться в воде и, кста-ти, научиться плавать.

Наконец, по примеру древних я установил бы особые упражнения для конницы; они необходимы, потому что важно не просто уметь ездить верхом, но ездить так, чтобы человек мог на лошади вполне владеть собой. Для этих упражнений пользовались деревянными лошадьми, на которых молодые люди должны были вскакивать в полном вооружении или безоружными, притом без всякой помощи и с первого раза. В конце концов люди достигали такого совершенства, что по знаку начальника вся кавалерия спешивалась в одно мгновение, а по другому знаку с той же быстротой опять была на коне.

Все эти упражнения, пешие или конные, производились тогда вполне беспрепятственно, да и сейчас любая республика или любой князь могут ввести их без всяких затруднений, как показывает опыт некоторых городов Запада, сохранивших эти обычаи. Жители разделены там на несколько отрядов, названных по имени рода оружия, употребляемого ими на войне. Пользуются они копьями, алебардами, луками, ружьями и называются поэтому копьеносцами, алебардьяерами, лучниками и фюзильерами.

Все жители обязаны заявить, в какой отряд они намерены записаться, но так как некоторые по старости или по другим причинам не годятся для войны, то из каждого отряда выделяются отборные части, так называемые поклявшиеся, обязанные в свободные дни упражняться с избранным оружием. Власти отводят каждой части поле для учений, и все записанные в отряд, кроме «поклявшихся», вносят необходимые деньги на расходы.

Все это могли бы делать и мы, но наше легкомыслие вообще мешает всякому разумному решению. У древних благодаря описанным мною упражнениям была хорошая пехота, и только этим объясняется превосходство этих западных пехотинцев над нами. Древние обучали своих солдат или дома, как это делалось в республиках, или в лагерях, как делали императоры, по причинам, о которых я уже говорил. Мы же не хотим обучаться дома и не можем делать это в лагере, ибо наши войска состоят из чужих подданных, и нельзя их заставить проходить какое-нибудь обучение, которого они не хотят. Привело же это к тому, что сначала исчезло обучение, а затем пошло общее расстройство военных сил, и теперь как королевства, так и республики, особенно итальянские, находятся в состоянии полного ничтожества.

Возвращаясь к вашему разговору, я должен сказать, что привычка к военным упражнениям, закаленность, сила, быстрота и ловкость еще недостаточны, чтобы быть хорошим солдатом: он должен знать свое место в строю, уметь отличить свое знамя от другого, понимать все сигналы, слушаться голоса начальника. Он должен исполнять все это надлежащим образом на месте, при

отступлении и наступлении, в бою и в походе, ибо без этой дисциплины, без строжайшего соблюдения и выполнения этих правил никогда не было настоящего войска.

Нет ни малейшего сомнения в том, что люди отважные, но разрозненные гораздо слабее робких и сплоченных, так как движение в строю заглушает в человеке сознание опасности, между тем как беспорядок сводит на нет самую отвагу. Все, что я скажу дальше, будет для вас яснее, если вы обратите внимание на следующее: все народы при организации своих войск или народных ополчений устанавливали какую-нибудь одну основную войсковую часть, называвшуюся по-разному в отдельных странах, но почти одинаковую по числу людей, ибо в нее входит всегда от 6000 до 8000 человек.

У римлян эта часть называлась легионом, у греков — фалангой, у галлов — катервой. Швейцарцы одни еще сохранили некоторую тень древних военных установлений и называют эту часть именем, совпадающим с нашим словом «бригада». Части эти повсюду разделены на батальоны, устроенные различно. Мы будем употреблять в разговоре слово «бригада» как более известное и покажем, как лучше всего ее устроить, следуя древним и новым образцам.

Римский легион, состоявший из 5000 или 6000 человек, делился на 10 когорт, и точно так же я предлагаю разделить нашу шеститысячную пехотную бригаду на 10 батальонов. В каждом батальоне должно быть 450 человек, из них 400 тяжелой пехоты и 50 легковооруженных; в тяжелой пехоте будет 300 человек со щитами и мечами, которых мы назовем щитоносцами, и 100 человек с пиками, или действующих пикинеров;

легкая пехота состоит из 50 человек, вооруженных ружьями, самострелами, алебардами и круглыми щитами, они получают древнее название — действующих велитов; во всех 10 батальонах будет 3000 щитоносцев, 1000 действующих пикинеров и 500 действующих велитов, т. е. 4500 человек.

Раньше мы говорили, что в бригаде должно быть 6000 солдат; поэтому нам надо прибавить еще 1500 пехотинцев, именно 1000 человек с пиками, или запасных пик, и 500 легковооруженных, или запасных велитов. Таким образом, половина моей пехоты состояла бы из щитоносцев, а другая половина получила бы пики или другое оружие. Во главе каждого батальона стоял бы один начальник, 4 центуриона и 40 декурионов; сверх того, еще начальник действующих велитов и при нем 5 декурионов. Во главе 1000 запасных пик я бы поставил 3 начальников при 10 центурионах и 100 декурионах, а запасные велиты получили бы 2 начальников, 5 центурионов и 50 декурионов.

Далее, я назначил бы одного командира для всей бригады; каждый батальон получил бы свое знамя и музыку. Итак, бригада в 10 батальонов состояла бы из 3000 щитоносцев с мечами, 1000 действующих и 1000 запасных пик, 500 действующих и 500 запасных велитов — всего 6000 пехоты, в которой было бы 600 декурионов и 15 начальников батальонов с 15 знаменами и трубачами, 55 центурионов, 10 начальников действующих велитов и один командир всей бригады со знаменем и музыкой.

Я нарочно несколько раз повторил вам это устройство, чтобы вы не запутались впоследствии, когда я буду объяснять способы построения батальонов и войск в

боевой порядок. Каждый король или республика, желающие подготовить своих подданных к войне, должны были бы ввести у себя это устройство и вооружение, набирая притом столько бригад, сколько страна в состоянии дать; когда устройство их соответственно моему разделению будет закончено, начинается обучение строю и военным упражнениям по батальонам.

Конечно, каждый батальон по своей малочисленности не может иметь внешний вид настоящего войска, но каждый солдат может выучиться всему, что ему нужно знать, ибо все построения войск бывают двоякого рода: действия каждого отдельного солдата в батальоне и действия всего батальона, составляющего вместе с другими войско. Если люди хорошо научатся первым движениям, они легко усвоят вторые, но, не зная основных одиночных движений, никогда нельзя научиться действовать целыми частями.

Я уже говорил, что каждый батальон сам может учиться сохранять равнение при всяком марше и во всякой местности. Он должен уметь строиться в боевой порядок, понимать боевые сигналы, слушаться их, как моряк слушается свистка, и знать поэтому, что делать — стоять ли на месте, идти ли вперед, отступить или повернуться, обратив в эту сторону оружие. Если войска хорошо держат строй при всяком движении и на всякой местности, хорошо понимают распоряжения начальника, передаваемые сигналами, и умеют мгновенно перестраиваться, они легко научатся всем движениям, которые их батальону придется выполнять при соединении его с другими в целое войско.

Однако эти общие движения никак нельзя считать маловажными, и необходимо поэтому в мирное время

раз или два в год собирать всю бригаду, построить ее по образцу целого войска и каждый день упражнять, как перед боем, расположив на своих местах центр, фланги и запасные части. Полководец, выстраивая войско в боевой порядок, всегда предполагает или уже видимого, или скрывающегося неприятеля; поэтому войско должно быть подготовлено и к явному, и к внезапному нападению. Его надо обучить так, чтобы оно всегда было готово к бою во время движения, а солдаты всегда знали, что им делать.

Если ты учишь их борьбе с видимым неприятелем, покажи им, как завязывается бой, куда надо отойти, если нападение отбито, кто должен занять их место; научи их различать свое знамя, сигналы, голос начальника и так подготовь их этими притворными схватками и нападениями, чтобы они с нетерпением ожидали настоящих. Мужество войска создается не храбростью отдельных людей, а правильным строем, потому что, если я сражаюсь впереди, знаю, куда мне в случае неудачи отойти и кто займет мое место, я всегда буду биться храбро, надеясь на близкую помощь. Если я нахожусь сзади, то поражение передних рядов меня не испугает, ибо я заранее был к этому готов и даже поступал так, чтобы виновником победы моего начальника был именно я, а не другие.

Эти упражнения безусловно необходимы в стране, где войско создается заново, но нужны и там, где оно давно уже существует. Римляне с детства знали устройство своего войска и тем не менее, прежде чем идти на войну, должны были непрерывно обучаться под руководством начальников. Иосиф Флавий рассказывает в своей «Истории», что благодаря этим постоянным уп-

ражнению оказывались полезными в бою даже те толпы, которые всегда следуют за войсками для наживы и торговли, потому что все знали равнение и умели сражаться в строю.

Что же касается нового войска, собранного для войны уже ведущейся, или народного ополчения, которому еще предстоит сражаться в будущем, то там без этого обучения ничего сделать нельзя ни с отдельным батальоном, ни с целым войском. Военное обучение — вещь необходимая, и надо самым тщательным образом учить новичков и совершенствовать тех, кто уже кое-что знает; на это не жалели ни времени, ни труда многие замечательные полководцы.

Козимо. Мне кажется, что эти рассуждения вас несколько отвлекли, так как вы еще не объяснили нам, как ведется обучение отдельного батальона, а говорили о целом войске и о сражениях.

Фабрицио. Вы правы. Я глубоко предан древним установлениям, и мне больно, когда я вижу, что они заброшены; однако не беспокойтесь, я сейчас вернусь к своему предмету. Я вам уже говорил, что при обучении батальона самое важное — это хорошо соблюдать равнение фронта. Для этого есть упражнение, которое называется «улитка».

Я вам уже говорил раньше, что батальон должен состоять из 400 человек тяжелой пехоты, и буду дальше держаться этой цифры. Поставив людей в 80 шеренг по 5 человек в каждой, я приучу их свертываться и развертываться как на скором, так и на тихом шагу. Все это надо видеть, а не описывать, да и описание здесь не так важно, потому что каждый причастный к военному делу знает, как делается это упражнение, нужное

только для того, чтобы приучить солдата соблюдать равнение.

Перейдем к построению батальона в боевой порядок. Это делается тремя способами: первая и самая полезная форма — собрать всю массу в виде двух соединенных квадратов; вторая форма — квадрат с выдающимися вперед частями фронта; третья — квадрат, в середине которого остается пустое пространство, которое мы называем «площадь». Первое построение делается двумя способами. Первый способ — удваивание рядов, т. е. вторая шеренга вступает в первую, четвертая — в третью, шестая — в пятую и т.д.; таким образом, например, вместо 5 рядов и 80 шеренг получается 10 рядов и 40 шеренг. Удвойте снова ряды, вливая одну шеренгу в другую, и получится 20 рядов по 20 шеренг.

Получится построение примерно в виде двух прямоугольников, потому что хотя число людей с каждой стороны одинаково, но в шеренге, где солдат стоит плечом к плечу и локтем к локтю с соседом, он занимает меньше места, чем в ряду, где солдаты отстоят друг от друга по меньшей мере на два локтя. Таким образом, четырехугольник в глубину длиннее, чем от фланга к флангу.

Так как нам часто придется говорить сегодня о передних частях, о хвосте и о боковой стороне батальона и обо всей войске, то знайте, что головой, или фронтом, я буду называть переднюю сторону, тылом — заднюю и флангами — боковые. 50 действующих велитов не смешиваются с другими шеренгами и при построении батальона размещаются на его флангах.

Сейчас я объясню вам другой способ построения, и так как он лучше первого, то постараюсь показать

его возможно нагляднее. Мне кажется, вы запомнили, сколько в батальоне солдат, как они вооружены и сколько у них начальников.

Я уже говорил, что батальон должен быть построен в 20 рядов и 20 шеренг, причем в голове будут 5 шеренг пик, а за ними 15 шеренг щитоносцев; два центуриона идут в голове колонны, два — в хвосте наподобие древних *tergiductoges*; начальник батальона со знаменем и музыкой помещается между первыми 5 шеренгами пик и 15 шеренгами щитоносцев; по сторонам каждой шеренги находятся декурионы, так что каждый идет рядом со своими людьми, левофланговый командует отделением вправо от себя, правофланговый — влево. 50 велитов расположены на флангах и в тылу батальона.

Если такой батальон идет обычным походным порядком и должен перестроиться в боевой, то надо распорядиться так. Солдаты, как мы уже говорили, выстроены в 80 шеренг по 5 человек в каждой; велиты размещаются либо в голове, либо в хвосте колонны, но непременно особо от прочих войск. Каждый центурион ведет за собой 20 шеренг, причем непосредственно за ним следуют 5 шеренг пик, а дальше идут щитоносцы. Начальник батальона со знаменем и музыкой находится между пиками и щитоносцами второй сотни, занимая в глубину места 3 шеренг щитоносцев; 20 декурионов идут на левых флангах шеренг первой сотни, 20 — на правом фланге последней. Заметьте, что декурион, командующий пиками, вооружен пикой, а командующие щитоносцами — щитами.

Если батальон,двигающийся таким образом, должен построиться в боевой порядок для отпора врагу, то поступают так. Первый центурион со своими 20 шерен-

гами останавливается, второй продолжает двигаться, заходит вправо и тоже останавливается, дойдя до фланга неподвижно стоящей первой сотни и поравнявшись с ее центурионом; третий центурион точно так же поворачивает вправо и движется по флангу первых двух, пока не поравняется с двумя другими центурионами; наконец, четвертый центурион опять-таки заходит вправо, идет вдоль правого фланга остановленных центурий, пока голова его сотни не выравняется с другими. Тогда он останавливается; два центуриона тотчас же переходят с фронта колонны в тыл, и построение батальона в боевой порядок, о котором мы недавно говорили, закончено. Велиты рассыпаются по флангам, как я вам это уже показывал, объясняя первую операцию. Первое построение называется построением по рядам, второе — построением по центуриям.

Первый способ легче, второй — правильное, удобнее и лучше позволяет применяться к обстоятельствам. В первом случае все определяется числом, потому что вместо 5 рядов постепенно выстраиваются 10, 20 и 40. Таким образом, ты не можешь противопоставить неприятелю фронт в 15, 25, 30 или 35 рядов, а подчинен числу, которое получится вследствие удвоения. Между тем при отдельных действиях ежедневно случается, что на неприятеля надо бросить часть из 600 или 800 пехотинцев; построение по рядам в этом случае может внести беспорядок. Поэтому я предпочитаю второй способ, трудность которого легко может быть устранена опытом и постоянным обучением войск.

Повторяю еще раз: самое необходимое — это обучить солдат равнению в рядах и умению всегда сохранять порядок как на учениях, так и при быстром мар-

ше, при наступлениях и отступлениях, каковы бы ни были трудности местности. Люди, выполняющие это как следует, — уже готовые солдаты и могут считать себя старыми воинами, даже если они никогда не видели неприятеля; наоборот, солдаты, не обученные этим действиям, всегда должны считаться новобранцами, хотя бы они тысячу раз были на войне.

Я объяснил вам построение для боя батальона, двигающегося в походном порядке узкими шеренгами. Представьте себе теперь, что батальон приведен в расстройство условиями местности или разбит неприятелем. Немедленно построить его вновь — вот одновременно и безусловная необходимость, и трудность, преодолеть которую можно только знанием и опытом, трудность, обращавшая на себя самое пристальное внимание древних писателей. Необходимо соблюдать два требования: первое — установить в батальонах как можно больше отличительных знаков, второе — приучить каждого солдата точно знать свое место в ряду.

Например, если он с начала службы был поставлен во вторую шеренгу, он должен стоять в ней всегда, притом даже не только в той же шеренге, но непременно на том же месте; этому и служат многочисленные значки, о которых я только что упомянул. Знамя должно настолько отличаться, чтобы солдаты могли сразу его распознать среди других знамен. Начальник батальона и центурионы должны носить на шлемах различные и хорошо видимые украшения, но самое важное — это узнавать декурионов; у древних этому придавалось такое значение, что на шлеме каждого декуриона был написан его номер, и они назывались «первый», «второй», «третий», «четвертый» и т.д. Мало того, на щите

каждого солдата указывался номер шеренги и его место в ней.

Когда люди так ясно отмечены и привыкли держать строй, легко мгновенно восстановить порядок даже среди полного смешения. Как только обозначится место знамени, центурионы и декурионы могут на глаз определить, где им следует быть, они становятся, как им полагается, слева и справа, соблюдая положенные расстояния, а солдаты, которые уже знают правила и видят отличительные значки начальников, сейчас же оказываются на своих местах. Так, ничего не стоит вновь склотить любую бочку, когда все части ее обозначены заранее; если же этого не сделать, то собрать ее невозможно. При усердии и частом упражнении эти вещи легко выучить и усвоить; когда они уже усвоены, трудно их забыть, потому что старые солдаты обучают молодых, и таким образом можно со временем ознакомить с военным делом население всей страны. Очень важно, кроме того, научить солдат быстрым поворотам, так чтобы фланги и хвост колонны становились ее головой и, наоборот, голова делалась бы флангом или хвостом. Это совсем легко — достаточно каждому повернуться по команде, и голова батальона будет в той стороне, куда солдат обращен лицом.

Правда, при повороте направо или налево образуются большие промежутки между рядами; при повороте налево кругом особой разницы не получится, но, поворачивая в сторону, солдаты разомкнутся, что совершенно противоречит правилам обычного построения батальона. Дело опыта и здравого смысла заставить солдат снова сомкнуться. Беспорядок в этом случае невелик, и люди легко сами его прекращают.

Гораздо важнее и труднее переменить направление всего батальона как единого целого. Здесь требуются большой опыт и умение: например, если вы хотите зайти батальоном налево, вы должны остановить левофлангового солдата первой шеренги, а его ближайшие соседи должны настолько замедлить шаг, чтобы правому флангу не пришлось догонять остальные части батальона бегом; без этой предосторожности все перемешается.

Когда войска идут походным порядком, батальонам, находящимся не впереди, постоянно приходится отражать нападение с фланга или с тыла. В этом случае батальон должен мгновенно выстроить фронт в сторону, откуда нападение последовало; в этом положении ему необходимо сохранить боевой порядок, описанный раньше, т. е. пики должны быть на стороне, обращенной к неприятелю, а декурионы, центурионы и начальник — на своих обыкновенных местах.

Составляется пятирядная колонна в 80 шеренг, причем первые 20 заняты одними пиками. Командующие, или декурионы, размещаются по 5 в голове и в хвосте. Следующие 60 шеренг заняты щитоносцами и образуют в общем 3 центурии. В первом и в последнем рядах каждой сотни находятся декурионы; начальник батальона со знаменем и музыкантами помещается в середине первой центурии щитов, а центурионы идут каждый во главе своей сотни. Если при движении в этом порядке нужно перевести все пики на левый фланг, центурия их останавливается, а все прочие выдвигаются вправо; если пики требуются на правом фланге, построение делается влево.

Таким образом, батальон движется, имея пики на одном из флангов, декурионов — в голове и в хвосте

колонны, центурионов — во главе сотен и начальника — в середине. Таков походный порядок. Если при появлении неприятеля надо встретить его с фланга, весь батальон поворачивается в ту сторону, где находятся пики, и этим самым уже построен описанный мною боевой порядок, потому что, кроме центурионов, все находятся на своих местах, а центурионы занимают их немедленно и без всяких затруднений.

Представьте себе теперь, что на батальон, идущий походным порядком, произведено нападение с тыла; тогда надо построить его таким образом, чтобы при перестройке в боевой порядок все пики были в хвосте. Для этого нужно только одно — поставить 5 шеренг пик не в передние ряды каждой центурии, как это делается обычно, а сзади; во всем же остальном соблюдать правила, которые я уже объяснил.

Козимо. Насколько мне помнится, вы сказали, что этот способ обучения позволяет образовать из отдельных батальонов целое войско и показывает, как надо приводить его в порядок. Скажите теперь, как вы расположите солдат, если вашим 450 пехотинцам придется сражаться отдельно от прочих войск.

Фабрицио. Начальник должен тогда решить, где ему нужно сосредоточить пики, и сообразно их разместить; это нисколько не мешает порядку, о котором я вам говорил. Цель его, конечно, в том, чтобы батальон мог действовать в бою совместно с другими, но эти правила построения вполне пригодны для всякой обстановки, в которой придется сражаться. Однако я еще подробно отвечу на ваш вопрос, когда буду объяснять вам два других способа боевого построения батальона; дело в том, что к ним вообще не прибегают или прибегают

только в тех случаях, когда батальон сражается отдельно от остального войска.

Для построения батальона в колонну с двумя выступами пятирядная колонна в 80 шеренг располагается так. За центурионом ставят 25 шеренг, причем слева располагаются 2 ряда пик, а справа — 3 ряда щитов. За первыми 5 шеренгами, т. е. в последних 20 шеренгах, находятся по одному декуриону, место которого — между пиками и щитами; декурионы, вооруженные пиками, стоят вместе с пикинерами. За первыми 25 шеренгами следует другой центурион во главе 15 шеренг щитоносцев. Потом идет начальник батальона с музыкой и знаменем, за которым идут еще 15 шеренг щитоносцев. Третий центурион ведет 25 шеренг, в которых слева от него размещены 3 ряда щитоносцев, а справа — 2 ряда пик; в последних 20 шеренгах между пиками и щитами идут декурионы. Колонну замыкает четвертый центурион. Теперь из шеренг, построенных таким образом, надо образовать батальон с двумя выступами. Первый центурион и следующие за ним 25 шеренг останавливаются. Второй центурион со своими 15 шеренгами щитов продолжает движение, заходя вправо, идет вдоль правого фланга 25 шеренг первой центурии и пристраивается к ее последним 15 шеренгам. Начальник батальона во главе своих 15 шеренг щитоносцев обходит правый фланг предыдущих 15 шеренг и пристраивается таким же порядком. Наконец, третий центурион со своими 25 шеренгами и следующий за ним четвертый центурион совершают то же движение, обходя правый фланг остановившихся центурий, но не останавливаются на уровне 15 шеренг, а идут вперед, пока последняя шеренга колонны не поравняется с

последней шеренгой щитоносцев. Как только батальон выстроится, центурион, шедший во главе второй центурии, переходит в замок.

Таким образом, будет построена колонна в 15 шеренг и 20 рядов, и по обеим сторонам фронта будут два выступа, составленные из 10 шеренг по 5 рядов; между выступами остается пространство, достаточное для размещения 10 рядов. Там поместится начальник батальона, а впереди каждого выступа и в хвосте за фланговыми рядами колонны будет по одному центуриону. На флангах размещаются по 2 ряда пик и по одному ряду декурионов. В пространство между выступами могут поместиться артиллерия, если она имеется, и обоз. Велиты рассыпаются на флангах по обеим сторонам пикинеров.

Если батальон, построенный в колонну с выступами, хотят перестроить в колонну с пустым пространством внутри, то поступают так: из 15 задних шеренг 8 переводятся на концы выступов, и, таким образом, получается площадь, замкнутая со всех сторон; здесь могут поместиться обозы, начальник батальона и знамя, но не артиллерия, которая выезжает вперед или располагается на фланге. Эти способы построения полезны батальону только в том случае, если он движется под прямой угрозой нападения. Тем не менее и тогда лучше строиться в обыкновенную колонну без площади и выступов; правда, иногда они необходимы, главным образом для прикрытия нестроевых.

У швейцарцев есть еще много других форм боевого построения, между прочим в виде креста, когда фузильеров помещают в промежутках между его сторонами, укрывая их таким образом от ударов неприятеля. Под-

робности я описывать не буду. Построения этого рода хороши только в редких случаях, когда батальон сражается в одиночку, а я хочу дать вам пример совместного боя нескольких батальонов с неприятелем.

Козимо. Кажется, я вполне понял ваш способ обучения солдат в этих батальонах; но, если я не ошибаюсь, вы говорили, что кроме 10 батальонов в вашей бригаде есть еще 1000 запасных пикинеров и 500 запасных велитов. Разве вы не будете их обучать?

Фабрицио. Конечно буду, и весьма тщательно; пикинеры должны обучаться по крайней мере по сотням в том же порядке, как и остальные батальоны; я предпочитал бы их правильным батальонам при всякого рода частных действиях, как, например, прикрытие обоза, сбор продовольствия в неприятельской местности и другие подобные операции; велиты же должны, по-моему, обучаться у себя дома, без военных сборов; ведь их дело — это бой врассыпную, и поэтому незачем собирать их вместе с прочими войсками на общее учение; достаточно обучить их действовать в одиночку. Я уже говорил вам и не перестану это повторять, что солдаты батальона должны быть обучены так, чтобы они умели держать равнение, знали свои места, умели делать быстрые повороты, когда это нужно по условиям местности или при появлении неприятеля; если это усвоено, батальон будет знать свое место и свое дело среди целого войска. Князь или республика, не жалеющие забот и труда на боевое устройство и обучение, получают для своей страны хороших солдат, одолеют своих соседей и будут предписывать законы другим, а не подчиняться. В наши же дни, среди общей смуты, о которой я уже говорил, эти правила забыты и забро-

шены; поэтому войска наши плохи, и, если даже попадают способные полководцы и возникают войны, у полководцев нет никакой возможности показать свою военную доблесть.

Козимо. Как должны быть устроены батальонные обозы?

Фабрицио. Прежде всего у меня ни центурионы, ни декурионы не ехали бы верхом, да и начальник батальона получит лошака, а не лошадь, если не захочет идти пешком. Ему я бы дал две повозки, центурионам — по одной и на каждых трех декурионов — по две, ибо они именно так будут размещены в лагере, как я скажу дальше. Таким образом, у каждого батальона будет 36 повозок, нагруженных палатками, котлами для варки пищи, топорами и железными кольями для разбивки лагеря; остальное можно нагрузить на них, если окажется свободное место.

Козимо. Я понимаю, что начальники, которых вы определяете в свои батальоны, необходимы, но я боюсь, не слишком ли их много и как бы из-за этого не было замешательства.

Фабрицио. Это могло бы случиться, если бы они все не подчинялись одной высшей власти, но при правильном подчинении они только поддерживают порядок и, наоборот, без них невозможно руководить войсками. Если стена грозит обвалом, то лучше поддержать ее во многих местах слабыми подпорками, чем поставить их мало, хотя бы и очень прочных; с одной подпоркой, как бы она ни была крепка, стена все равно рухнет. Так и в войске: на каждый десяток людей должен быть человек более деятельный и храбрый, чем другие, или хотя бы обладающий большей властью, который сво-

им мужеством, словом и примером поддерживает солдат и воодушевляет их к бою.

Насколько в войске необходимо все, о чем я говорил, именно начальники, знамена, музыка, видно хотя бы из того, что все это есть и у нас, но только никто не делает своего дела. Возьмите декурионов: если вы хотите, чтобы они выполняли свой долг, то каждый из них должен в совершенстве знать своих солдат, жить с ними, стоять вместе с ними в карауле и вместе сражаться.

Когда декурион на посту, шеренга равняется по нему, как по шнуру, и держится так крепко, что не может расстроиться, а если бы это все же произошло, она сейчас же собирается вновь. У нас же они годны только для того, чтобы получать больше жалованья и выполнять разные частные поручения. То же происходит и со знаменем: у нас оно служит больше для красоты смотров, чем для настоящего военного дела, между тем как у древних знамя указывало путь и место сбора, ибо, как только оно останавливалось, каждый солдат уже знал, куда ему идти, и всегда точно занимал свое место. Остановка или движение знамени означали остановку или движение вперед всего батальона.

Поэтому войско должно разделяться на многочисленные отдельные части, имеющие свои особые знамена и начальников; это сообщает ему душу и жизнь.

Пехота должна следовать за знаменем, а знамя — за музыкантами. Если музыканты хороши, то войском командуют они, потому что солдат соразмеряет свой шаг с музыкальным тактом и, таким образом, легко сохраняет свое место в строю. У древних были флейты, рожки и другие духовые инструменты, тон которых был установлен в совершенстве. Как танцор двигается в такт и

не собьется, если он его соблюдает, так и войско не расстроится, если правильно идет под музыку.

Разнообразие музыки означало у древних разнообразие движений; одна музыка сменяла другую, когда надо было воспламенить, сдержать или совсем остановить воинов. У каждого музыкального строя было свое назначение: дорийский строй внушал спокойствие и твердость, фригийский — приводил людей в неистовство. Рассказывают, что Александр, услышав за столом фригийскую музыку, так взволновался, что схватился за оружие.

Все эти мелодии следовало бы восстановить, а если бы это оказалось слишком трудно, то надо бы по крайней мере не пренебрегать теми, которые помогают солдату различать команду. Каждый может изменять их как хочет, лишь бы ухо солдата привыкло их узнавать. Теперь у нас тоже есть музыка, но толку от нее большей частью нет никакого — один только шум.

Козимо. Мне хотелось бы знать от вас, если только вы сами об этом задумывались, каким образом нынешние войска пали так низко и откуда пошел их развал и пренебрежение военными званиями?

Фабрицио. Я охотно поделюсь с вами своими мыслями. Вы знаете, что выдающихся воинов было много в Европе, мало в Африке и еще меньше в Азии. Происходило это оттого, что две последние части света знали только одну или две монархии, республик в них почти не было; наоборот, в Европе монархий было мало, а республик — бесчисленное множество. Люди выделяются и проявляют свои таланты, поскольку их выводит из низов и поощряет властитель, будь то республика или князь.

Поэтому там, где повелителей много, выдающиеся люди рождаются во множестве, в противном случае их бывает мало. В Азии мы встречаем имена Нина, Кира, Артаксеркса, Митридата, рядом с которыми можно поставить еще очень немногих. В Африке, если оставить в стороне египетскую древность, мы видим только Масиниссу, Югурту и нескольких полководцев Карфагенской республики.

По сравнению с Европой число их ничтожно, ибо в Европе выдающихся людей бесконечно много, и их было бы еще больше, если бы к именам, до нас дошедшим, можно было прибавить имена, преданные забвению завистливым временем. Ведь даровитых людей всегда было много там, где было много государств, поощрявших таланты по необходимости или по иной человеческой страсти. Азия дала мало больших людей, потому что вся эта страна была подчинена единому царству, по самой громадности своей пребывавшему большей частью в бездействии и потому не способному создавать замечательных деятелей. То же было и в Африке, но там благодаря Карфагенской республике их все же было больше.

Выдающиеся люди чаще встречаются в республиках, где таланты в большем почете, чем в монархиях, где их боятся. Там воспитывают дарования, а здесь — их истребляют. Если посмотреть теперь на Европу, то вы увидите, что она испещрена республиками и княжествами, которые боялись друг друга и поэтому были вынуждены поддерживать в силе военные установления и окружать почетом людей, отличившихся боевыми заслугами. В Греции, кроме Македонии, было множество республик, и каждая из них была родиной за-

мечательнейших людей. В Италии были римляне, самниты, этруски, цизальпинские галлы. Галлия и Германия сплошь состояли из республик и княжеств; Испания — точно так же.

Если от этих стран сохранилось по сравнению с Римом мало имен, то виновато в этом только лукавство писателей, которые поклоняются счастью и прославляют поэтому только победителей. Совершенно неправдоподобно, чтобы не было многого множества замечательных людей среди самнитов и этрусков, сто пятьдесят лет воевавших с римским народом, раньше чем ему покориться. То же относится, конечно, и к Галлии и к Испании.

Однако если писатели умалчивают о мужестве отдельных граждан, они зато обычно восхваляют величие народов и превозносят до небес их стойкость в защите своей свободы. Если верно, что больших людей тем больше, чем больше на свете государств, то надо, естественно, признать, что с уничтожением их пропадает понемногу и человеческое величие, ибо исчезает сила, его порождающая. С возвышением Римской империи, поглотившей все республики и царства в Европе, Африке и большей части Азии, доблесть исчезла всюду, сохранившись только в Риме.

Последствия этого сказались в том, что выдающиеся люди и в Европе, и в Азии стали появляться реже. В дальнейшем доблесть окончательно упала, ибо она целиком сосредоточилась в Риме. И когда в Риме началось падение нравов, оно распространилось почти на весь мир, так что скифские орды могли спокойно явиться и расхитить империю, уничтожившую доблесть в других странах и не сумевшую сохранить ее у

себя. Потом империя при нашествии варваров распалась на несколько частей, но доблесть от этого не возродилась; первая причина заключалась в том, что трудно восстанавливать рухнувший порядок вещей, вторая — в том, что современный образ жизни людей при господстве христианской религии не создает для них необходимости вечной самозащиты, как это было в древности. Ведь тогда побежденные на войне или истреблялись, или становились вечными рабами, ведущими самую жалкую жизнь; покоренные земли опустошались, жители изгонялись, имущество отбиралось, а сами они рассеивались по свету, так что побежденным приходилось терпеть самую страшную нищету.

Этот страх заставлял людей неустанно заниматься военным делом и почитать всех, кто в нем отличался. Теперь же страх этот почти пропал, побежденных очень редко убивают, никто долго не томится в плену, и все легко выходят на свободу. Города могут тысячу раз восставать — их за это не разрушают, оставляют жителям имущество, и самое худшее, чего они могут опасаться, — это военной дани. При таких обстоятельствах люди вовсе не хотят подчиняться требованиям строгого военного устройства и переносить всякого рода тяготы во избежание опасностей, которые для них не страшны. Наконец, страны Европы по сравнению с прежними временами подчинены власти очень немногих государей: вся Франция подчинена одному королю, Испания — другому, Италия делится на небольшое число государств. Таким образом, слабые города защищаются тем, что отдаются на волю победителя, а сильные, по всем описанным причинам, не боятся разрушения.

Козимо. Однако за последние двадцать пять лет мы были свидетелями разрушения многих городов и падения царств. Казалось, этот пример должен был бы предостеречь уцелевших и показать им, что следовало восстановить некоторые древние учреждения.

Фабрицио. Вы правы, но, если вы внимательнее присмотритесь к этим разгромам, вы увидите, что разрушались не столицы, а второстепенные города. Действительно, разграбили ведь Тортону, а не Милан, Капую, а не Неаполь, Брешию, а не Венецию, Равенну, а не Рим. Такие события не заставляют правителей пересматривать свою политику, а, наоборот, укрепляют их в мысли, что от всего можно откупиться. Поэтому они не хотят подвергаться трудностям строгой постановки военного дела — это кажется им или ненужным, или непонятным.

Остаются побежденные; примеры эти могли бы их утратить, но они уже бессильны что-нибудь предпринять. Князья, лишившиеся власти, уже опоздали, а те, которые правят, не умеют или не хотят ничего делать; у них только одно желание — без труда ловить счастье, а не надеяться на собственную силу; они видят, что там, где этой силы не хватает, все вершит судьба, и хотят подчиняться, а не повелевать ею.

В подтверждение своих слов приведу Германию, где сохранилось много княжеств и республик, и благодаря этому там еще сильна военная доблесть. Всем хорошим, что есть в современных войсках, мы обязаны этим народам; они ревниво оберегают свое положение, боятся рабства не в пример другим и поэтому все сохранили господство и окружены почетом.

Кажется, я достаточно пояснил вам, каковы, по моему мнению, причины нынешнего ничтожества войск.

Не знаю, согласитесь ли вы со мной, или у вас остались еще какие-нибудь сомнения?

Козимо. Никаких. Вы убедили меня вполне. Мне хочется только вернуться к главному предмету нашего разговора и узнать от вас, как будет устроена кавалерия при ваших батальонах, сколько ее должно быть, кто ею командует и каково ее вооружение.

Фабрицио. Вы, по-видимому, думаете, что я это упустил; не удивляйтесь, так как много об этом по двум причинам говорить не приходится. Прежде всего важнейшая жизненная сила войска — это пехота; далее, наша кавалерия лучше пехоты, и если она не сильнее конницы древних, то равна ей.

Я уже раньше говорил о том, как ее обучать. Что касается оружия, я оставил бы существующее вооружение одинаково как для легкой, так и для тяжелой конницы. Мне только казалось бы полезным дать всей легкой коннице арбалеты и присоединить к ним некоторое количество фюзильеров, которые, правда, мало полезны в бою, но великолепны для устрашения противника и лучше всего могут заставить его бросить охраняемый проход; одно ружье стоит двадцати штук любого другого оружия.

Обращаясь к численности этих войск, я должен сказать, что подражал бы римскому примеру и образовал бы при каждом батальоне отряд не больше чем в 300 лошадей, причем 150 пришлось бы на тяжеловооруженных жандармов, а остальные — на легкую конницу. Во главе каждого эскадрона стоял бы особый начальник, и при нем — 15 декурионов, знамя и музыканты. Каждые 10 жандармов получают 5 повозок, а 10 всадников легкой конницы — 2 повозки, нагружаемые

палатками, котлами для пищи, топорами и кольями, а если будет возможно, то и другим походным снаряжением.

Не считайте, что это вызовет беспорядок, потому что сейчас в распоряжение каждого жандарма представлено 4 лошади, а это уже большое злоупотребление. В Германии у жандарма есть только одна его лошадь; на каждые 20 человек полагается одна повозка, на которую взвалено все, что им необходимо.

Римская конница тоже обходилась без прислуги; правда, ее размещали рядом с триариями, которые обязаны были помогать ей в уходе за лошадьми. Это легко ввести и у нас, как вы увидите, когда мы будем разбирать устройство лагеря. То, что делали римляне и теперь делают немцы, вполне возможно для нас, и с нашей стороны было бы ошибкой поступать иначе.

Оба эскадрона, составляющие часть бригады, можно иногда собирать вместе с батальонами и устраивать между ними примерные сражения, больше для того, чтобы приучать их различать друг друга в бою, чем для каких-нибудь других целей.

Однако довольно об этом; теперь нам надо узнать, каково должно быть боевое расположение войска, чтобы оно могло заставить противника принять бой и победить. В этом — цель всякого войска и смысл труда, потраченного на его обучение.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Козимо. Предмет нашего разговора сегодня меняется, и вместе с тем должен перемениться и вопрошатель. Мне не хотелось бы заслужить упрек в самонадеянности, которую я всегда осуждал в других. Поэтому я слагаю диктатуру и передаю ее кому угодно из присутствующих моих друзей.

Заноби. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы сохранили вашу диктатуру, но, если вы настаиваете на своем отказе, назначьте, по крайней мере, кого-нибудь из нас своим преемником.

Козимо. Предоставляю это синьору Фабрицио.

Фабрицио. Охотно принимаю полномочие и предлагаю следовать венецианскому обычаю, т. е. предоставить первое слово самому младшему. Война — это ремесло молодых, и я считаю, что говорить о нем лучше всего юношам, потому что они раньше всех покажут себя на деле.

Козимо. Итак, очередь за вами, Луиджи. Приветствую своего преемника и думаю, что и вы, синьор Фабрицио, останетесь довольны таким вопрошателем. Вернемся теперь к предмету разговора и не будем терять время.

Фабрицио. Несомненно, что для ясного понимания искусства боевого построения войска надо рассказать вам о том, как поступали в этом случае греки и римляне. Однако вы сами можете прочесть об этом у античных писателей; поэтому я опускаю целый ряд подробностей и буду говорить только о том, чему, по-моему, необходимо подражать, если мы хотим хотя бы в некоторой мере усовершенствовать наши современные войска. Я собираюсь пояснить вам одновременно построение войска в боевой порядок, подготовку его к предстоящему бою и обучение примерным сражениям.

Самая большая ошибка начальника, строящего войско в боевой порядок, — это вытянуть его в одну линию и поставить судьбу сражения в зависимость от удачи единого натиска. Корень ошибки в том, что забыты действия древних, у которых линии войск располагались последовательно одна за другой. Ведь иначе нельзя ни помочь передним войскам, ни прикрыть их при отступлении, ни сменить их во время боя; римляне знали это лучше всех.

Для большей ясности надо сказать, что каждый легион состоял у них из гастатов, принципов и триариев. Гастаты ставились в первую линию войск, образуя крепкие сомкнутые ряды, за ними более редкими рядами стояли принципы; сзади всех находились триарии, построенные таким образом, что между рядами у них оставались широкие промежутки, которые в случае нужды могли быть заняты и гастатами, и принципами.

Кроме того, в каждом легионе были пращники, стрелки из лука и другие легковооруженные воины, которые не стояли в одних рядах с пехотой, а располагались впереди войска, между конными и пешими сол-

датами. Эти-то легковооруженные и завязывали бой; если они побеждали — что бывало редко, — то сами довершали успех; если их отбрасывали, они отступали, обходя фланги сомкнутых войск, или занимали нарочно оставленные для этого промежутки между рядами, располагаясь затем позади. После отхода легковооруженных с неприятелем схватывались гастаты, которые при неудаче отходили к принципам, занимая промежутки в их рядах, и тогда бой возобновлялся. Если эта вторая линия оказывалась также разбитой, она отступала к триариям, заполняла широкие промежутки между их рядами, и все дело начиналось сызнова. При новой неудаче бой был проигран, потому что опять собрать войско было невозможно.

Конница размещалась на флангах войска, образуя как бы два крыла. Она сражалась, смотря по необходимости, верхом или спешившись. При таком порядке троекратного возобновления боевой линии поражение было почти невозможно, потому что счастье должно изменить тебе три раза подряд, а доблесть врага должна быть такова, чтобы трижды победить.

Греческая фаланга не знала этого способа возобновления боя; правда, она строилась большим числом шеренг со многими начальниками, но располагалась всегда в одну линию.

Подкрепление разбитых войск производилось не по римскому способу взаимослияния рядов, а путем замены выбывшего солдата другим. Делалось это так. Представьте себе фалангу, построенную в 50 шеренг; когда начинался бой, сражаться могли первые шесть, так как их копья, или сариссы, были настолько длинны, что из шестой шеренги выступали остриями даль-

ше передних рядов. На место убитого или раненого бойца сейчас же становился солдат из второй шеренги; его, в свою очередь, заменял стоявший за ним в третьей, и таким образом задние шеренги последовательно покрывали убыль передних. При этом способе подкрепления шеренги всегда были заполнены и пустых мест не было нигде, кроме задней шеренги, которая постепенно таяла, ибо пополнять ее было уже некому. Вследствие убыли в первых шеренгах задние понемногу истощались, но передние оставались всегда цельными, и надо сказать, что эту фалангу можно было скорее истребить, чем прорвать, так как глубокий строй делал ее почти непроницаемой.

Римляне вначале пользовались построением фаланги и применительно к нему обучали свои легионы. Позднее этот строй их уже не удовлетворял, и они стали разделять легионы на части, именно на когорты и манипулы. Они считали, как я уже говорил, что войско тем сильнее, чем больше в нем отдельных живых тел и частей, каждая из которых может действовать сама. В наше время фаланга целиком применяется швейцарцами, воспринявшими и ее глубокий строй, и способ пополнения убыли первых шеренг, причем бригады во время боя вытянуты в одну линию. Иногда они располагаются друг за другом, но это делается не для того, чтобы одна бригада при отступлении могла влиться в ряды другой, а для того, чтобы части, находящиеся сзади, могли поддерживать передние. Одна бригада стоит впереди, а другая — за ней несколько вправо, так что может быстро двинуться на выручку, если передним войскам потребуется подкрепление. Третья бригада находится сзади первых двух на расстоянии ружейно-

го выстрела. Делается это с той целью, чтобы в случае поражения передних войсковых частей у них было место для отхода, а третья бригада могла двинуться вперед, не рискуя при этом столкнуться с отступающими. Ведь крупная часть не в состоянии влиться в ряды другой, что легко осуществимо для небольшого отряда. Поэтому мелкие и точно обособленные подразделения, составлявшие римский легион, могли быть размещены так, что легко проходили одни через другие и таким образом взаимно друг друга поддерживали.

Для доказательства превосходства древнего римского боевого порядка над швейцарским достаточно вспомнить, что в боях с легионами греческие фаланги всегда терпели самые страшные поражения, и причина заключалась именно в том, что, как я уже говорил раньше, вооружение римлян и их способ возобновлять битву были большей силой, чем стойкость фаланги.

Представим себе теперь, что мне предстоит по образцу этих примеров образовать войско; я воспользуюсь для этого оружием и приемами как греческой фаланги, так и римского легиона; в бригаде у меня было бы 2000 пик, т. е. македонское оружие, и 3000 щитоносцев с мечами, т. е. римское вооружение. Бригада моя будет разделена на 10 батальонов, как это было у римлян, деливших легион на 10 когорт. Велиты, или легковооруженные солдаты, которые начинают бой, поставлены у меня так же, как у них.

Таким образом, мы заимствуем у обоих народов оружие и боевое построение, так как в первых рядах каждого батальона стоят 5 шеренг пик, а за ними поставлены щитоносцы с мечами. Это позволит мне выдержать натиск конницы неприятеля и вместе с тем

прорвать его пехоту, потому что при первом столкновении у меня, как и у него, будут пикинеры, которые его отбросят, а дальше в бой вступят щитоносцы и уже довершат победу.

Изучая этот боевой порядок внимательно, вы поймете его силу, заключающуюся в том, что оба вида оружия могут быть использованы до конца: пики хороши не только против конницы, но и против пехоты и становятся бесполезны, только когда начинается рукопашная. Чтобы обойти это неудобство, швейцарцы ставят между каждыми 3 шеренгами пик 1 шеренгу алебард. Делается это с целью дать пикам больше простора, но места им все же остается слишком мало. В нашем же построении пики, поставленные впереди и поддержанные сзади щитоносцами, могут отразить натиск конницы неприятеля, а при начале боя прорвать и расстроить его пехоту. Когда же бой переходит в рукопашную схватку и пики уже бесполезны, их сменяют щитоносцы с мечами, которые могут действовать в самой большой тесноте.

Луиджи. Мы с нетерпением ждем, чтобы вы нам рассказали, как вы расположите вооруженное и устроенное вами войско в боевой порядок.

Фабрицио. Я как раз собираюсь вам это объяснить. Вы должны прежде всего знать, что обычное римское, так называемое консульское, войско состояло не более чем из 2 легионов римских граждан, т. е. из 600 человек конницы, около 11 000 пехоты и такого же количества пехоты и конницы, присланных союзниками и разделявшихся на две части, которые назывались правым и левым крылом войск.

Римляне никогда не допускали, чтобы пехотинцев в союзных войсках было больше, чем в римских легио-

нах, но в отношении конницы это даже поощрялось. С этим войском в 22 000 человек пехоты и приблизительно 2000 конницы консул предпринимал любые боевые действия и отправлялся в любой поход. Только в редких случаях, когда надо было дать отпор превосходящим неприятельским силам, оба консульских войска соединялись.

Заметьте дальше, что при трех главных действиях всякого войска, т. е. марше, лагерной стоянке и бое, римляне всегда располагали свои легионы в середине, так как хотели возможно теснее сплотить самые надежные свои силы; далее я скажу об этом подробнее. Впрочем, союзническая пехота, постоянно общавшаяся с легионерами, была так же полезна в бою, как и римская, потому что проходила ту же военную школу и строилась в том же боевом порядке.

Если мы познакомимся теперь с боевым построением одного римского легиона, мы будем знать боевой порядок всего войска. Когда я вам говорил раньше о разделении легиона на 3 боевые линии, взаимно сменявшие друг друга, я, собственно, уже изобразил вам боевое построение целого войска.

Я хочу строить свои войска в боевой порядок наподобие римлян; поэтому вместо 2 легионов я возьму 2 бригады, построение коих определит построение всего войска, потому что большая численность его только удлинит боевую линию. Мне кажется ненужным напоминать вам о количестве пехоты в бригаде, о том, что бригада состоит из 10 батальонов, кто ими командует, каково вооружение солдат, кто такие действующие и запасные велиты; обо всем я только что говорил достаточно подробно и думаю, что все это живо в ва-

шей памяти, так как эти основные вещи надо знать для понимания дальнейших подробностей. Перехожу теперь прямо к объяснению боевого порядка войска.

10 батальонов первой бригады составят левое крыло войска, 10 батальонов второй бригады — правое. Войска левого крыла располагаются так: впереди, на линии фронта, стоят рядом 5 батальонов на расстоянии 4 локтей друг от друга, занимая в общем пространство в 141 локоть в ширину и 40 локтей в глубину. За этими 5 батальонами, на расстоянии 10 локтей по прямой, находятся еще 3, из которых 2 выравниваются по прямой линии по флангам первых 5 батальонов, а третий занимает срединный промежуток. Таким образом, 3 батальона второй линии занимают в глубину и в ширину то же пространство, что и 5 батальонов первой, но между первыми батальонами остается промежуток в 4 локтя, а между вторыми — в 33 локтя. Дальше расположены 2 последних батальона, отстоящие от 3 батальонов второй линии на 40 локтей и выравненные по их флангам так, что между ними останется свободный промежуток в 91 локоть.

Таким образом, все батальоны вместе займут пространство в 141 локоть в ширину и 200 локтей в глубину. На расстоянии 20 локтей от левого фланга батальонов стоит прикрывающая его семирядная колонна запасных пикинеров, построенная в 143 шеренги так, что глубина их равна глубине всего левого фланга 10 батальонов, построение которых я уже описал; 40 шеренг выделяются для охраны обозов и нестроевых, следующих за войсками; декурионы и центурионы занимают свои обычные места. Из трех начальников батальонов один находится в голове, другой — в середине и третий — в

хвосте всей колонны, исполняя обязанность *tergiductor*'а, как называли римляне начальника, находившегося сзади войска.

Возвращаюсь теперь к построению головы колонны. Влево от запасных пикинеров стоят 500 запасных велитов, занимающих пространство в 40 локтей, а еще дальше влево рядом с ними будут расположены жандармы, для которых я отвожу пространство в 150 локтей. Наконец, на оконечности левого крыла находится легкая конница, занимающая такое же пространство, как и жандармы. Действующие велиты должны быть при своих батальонах и стоят в оставленных между ними промежутках; задача их — прикрывать фланг каждого батальона, но, может быть, я присоединил бы их к запасным пикинерам. Это решается по обстоятельствам. Начальнику всей бригады я отвожу место или между первой и второй линией батальонов, или впереди, между первым батальоном слева и запасными пикинерами; при нем находятся 30—40 отборных солдат, достаточно толковых, чтобы передать его приказы, и достаточно сильных, чтобы защитить его от вражеского нападения; тут же должны быть знамя и музыканты.

Таков боевой порядок бригады, стоящей на левом крыле и составляющей половину моего войска; оно расположено на пространстве в 541 локоть в ширину и, как я уже говорил, в 200 локтей в глубину, не считая еще около 100 локтей в глубину, которые придутся на долю запасных пикинеров, охраняющих нестроевые части. Совершенно так же построится и другая бригада на правом крыле; между бригадами остается свободное пространство в 30 локтей, защищаемое несколь-

кими пушками, а за ними следует командующий с главным знаменем, музыкой и отборным отрядом в 200 человек, главным образом пехоты, из коих по крайней мере десять или более могут выполнять любое приказание. Командующий должен быть так вооружен, чтобы он мог, смотря по обстоятельствам, ехать верхом или идти пешком во главе войска.

Для осады крепостей достаточно иметь при войске 10 пушек, стреляющих ядрами весом не больше 50 фунтов, но в поле они служили бы у меня не столько для боя, сколько для защиты лагеря. Всю остальную артиллерию я бы составил из десятифунтовых орудий, которые, по-моему, удобнее пятнадцатифунтовых, и расположил бы ее перед фронтом войска, если только по свойству местности нельзя так поставить ее на флангах, чтобы вполне обезопасить от нападения неприятеля. Боевое построение, которое я вам только что описал, соединяет выгоды греческой фаланги и римского легиона. Впереди густыми, сомкнутыми рядами стоят пики, так что при наступлении на врага или при обороне вполне возможно, по примеру греческой фаланги, пополнять убыль передних шеренг людьми, стоящими позади.

С другой стороны, если вражеский удар так силен, что фронт пик будет прорван и придется отступить, они вольются в свободное пространство между батальонами второй линии и, соединившись с ними, возобновят сражение единой массой. Если они и тут будут разбиты, то могут тем же порядком снова отойти и опять начать бой уже в третий раз. Таким образом, при этом порядке бой ведется и возобновляется одновременно и по греческому, и по римскому образцу.

Впрочем, едва ли можно представить себе войско более мощное: начальников у него множество, оба крыла его в огромном изобилии защищены всеми видами оружия. Единственное слабое место — это тыл, с обозами и нестроевыми частями, да и здесь для защиты поставлены на фланге отряды запасных пикинеров. Они готовы отбить всякое нападение, откуда бы оно ни пришло. Что касается тыла, то он обеспечен от удара, так как никакой враг не может быть так силен, чтобы напасть на тебя со всех сторон одновременно; если такой неприятель найдется, с ним вообще нечего воевать.

Пусть противник будет даже втрое сильнее, а войска его устроены не хуже наших, он неминуемо ослабит себя, пытаясь охватить нас с разных сторон, и стоит опрокинуть его в одном месте, чтобы все пошло прахом. Нападения конницы, если она даже сильнее нашей и одолевает ее, бояться нечего, так как пики отразят любую атаку. Начальники поставлены так, что им удобно распоряжаться и передавать полученные приказания.

Промежутки между батальонами и между шеренгами не только позволяют одной части войск пройти через линии другой, но и очень удобны для пропуска воинов, прибывших с приказаниями командующего. Войско наше, как и римское, должно насчитывать около 24 000 человек; вспомогательные силы, присоединенные к нашим двум бригадам, должны быть устроены по их образцу, так же как союзнические войска строились и сражались по примеру римского легиона. При боевом порядке, который я вам только что объяснил, это очень просто: если вы усиливаете ваше войско еще 2 бригадами или двойным количеством солдат, вам надо только соразмерно удлинить боевую линию,

поставив 20 батальонов вместо 10, или увеличить глубину фронта, в зависимости от действий неприятеля или от условий местности.

Луджи. Знаете, синьор, я уже как будто вижу это войско и горю желанием посмотреть на него в деле. Я ни за что на свете не хотел бы, чтобы вы были Фабием Максимом, избегали бы врага и откладывали бой. Я бы возмущался вами еще больше, чем римляне Фабием.

Фабрицио. На этот счет не беспокойтесь. Разве вы не слышите уже грома пушек? Наши открыли огонь, но причинили неприятелю лишь малый урон. Запасные велиты выступают теперь вместе с легкой конницей и с отчаянным криком бросаются на неприятеля, рассыпаясь как можно шире. Неприятельская артиллерия дала один залп, но снаряды пронеслись через головы нашей пехоты и не причинили ей никакого вреда. Чтобы помешать ей выстрелить второй раз, наши велиты и конница уже напали на нее, неприятель двинулся им навстречу, и как нашим, так и вражеским пушкам приходится замолчать.

Посмотрите, как мужественно бьются наши воины, как крепка их дисциплина, выработанная постоянными военными упражнениями и верой в войско, которое идет за ними вслед. Вот оно мерным своим шагом, в полном боевом порядке выступает вместе с тяжелой конницей навстречу противнику. Наша артиллерия, чтобы пропустить его, отходит на места, только что очищенные велитами. Полководец воодушевляет воинов, обещая им верную победу. Вы видите, что велиты и легкая конница отошли, расположились по сторонам войск и выжидают, нельзя ли налететь на противника с фланга.

Вот войска сошлись! Посмотрите, с каким мужеством и безмолвием наши выдержали удар неприятеля; полководец отдал тяжелой коннице приказ только поддерживать пехоту, не наступая самой и не отдаляясь от пехотных линий. Видели вы, как наша легкая конница ударила по отряду неприятельских стрелков, собиравшихся зайти нам во фланг, как бросились им на помощь эскадроны противника и как стрелки, стиснутые между двух колонн атак, не в состоянии открыть огонь и отступают за линию своих батальонов? Смотрите, с какой яростью разят противника наши пики, но тяжелая пехота обеих сторон сблизилась настолько, что пикинеры уже не могут работать, и, по правилам нашего боевого построения, они медленно отступают сквозь ряды тяжеловооруженных солдат.

Между тем большой отряд вражеской тяжелой конницы смял наших жандармов на левом крыле. Наши, твердо соблюдая правило, отступили под защиту запасных пик, возобновили с их помощью бой и опрокинули противника, перебив у него множество людей.

Тем временем действующие пики передних батальонов прошли назад сквозь ряды пехоты, и теперь в бой вступают щитоносцы. Смотрите, с какой доблестью, уверенностью и легкостью они уничтожают неприятеля! Разве вы не видите, что ряды так сомкнулись в бою, что солдатам только с большим трудом удастся действовать мечами? Смотрите, с какой бессильной злобой умирают враги! Ведь они вооружены только пиками и мечами, а щитов у них нет. Пика бесполезна, потому что слишком длинна, меч бессилён против сильнейшего вооружения наших воинов, и неприятельские солдаты частью падают, убитыми или ранеными, ча-

стью спасаются бегством. Они бегут и на правом и на левом крыле. Победа за нами!

Не правда ли, как счастливо прошла битва? Скажу только, что я испытал бы гораздо большее счастье, если бы мне было суждено видеть это сражение на деле. Заметьте, что мне даже не пришлось посылать в дело ни вторую, ни третью линию войск; враг побежден силами одной первой. Вот все, что я мог вам сказать, и хочу только спросить, все ли для вас ясно.

Луиджи. Вы победили так стремительно, что я не могу еще опомниться от восторга. Я так ошеломлен, что даже не могу сказать, остались у меня какие-нибудь сомнения или нет. Моя вера в вашу мудрость не имеет границ, но я все же позволю себе высказать то, что мне приходит на ум. Скажите прежде всего, почему ваша артиллерия стреляла только один раз? Почему вы сейчас же увели ее назад и больше о ней не упоминали? Мне кажется, далее, что вы слишком легко распорядились неприятельскими пушками, заставляя их стрелять слишком высоко; это, конечно, вполне возможно, но ведь бывает же, и, вероятно, часто, что ядра ударят прямо по вашим солдатам. Что же вы стали бы тогда делать?

Раз я уже заговорил об артиллерии, я скажу об этом все, чтобы исчерпать свой вопрос и больше к этому не возвращаться. Я часто слышал пренебрежительные отзывы о вооружении и боевом порядке древних. При этом обычно говорят, что в наши дни эти войска были бы недостаточны и, пожалуй, даже вовсе бесполезны перед мощью артиллерийского огня, который уничтожает самый глубокий строй и пробивает самые мощные латы. Сторонники этого мнения считают безуми-

ем вводить боевое построение, которое все равно не может устоять, и мучиться под тяжестью оружия, которое не в состоянии тебя защитить.

Фабрицио. Ваш вопрос касается очень многих вещей и требует поэтому подробного ответа. Верно, что я приказал своей артиллерии выстрелить только раз, да и то не без колебания. Дело в том, что для меня гораздо важнее защититься от неприятельских ядер, чем поражать противника своими. Вы должны знать, что спастись от артиллерии можно только двумя способами: надо поставить войска в такое место, куда ядро не долетит, или укрыть их за стеной или валом. Других средств нет, да и первые удадутся только при особой крепости вала и стены. Полководец, решающийся на бой, не может ни укрыть свои войска, ни поставить их в такое место, где ядра их не достанут.

Раз нельзя защититься от пушек, надо найти средство терпеть от них как можно меньше урона. Средство есть только одно — захватить их сейчас же. Для этого надо стремительно кинуться на орудия врассыпную, а не наступать медленно и густыми рядами. Быстрота удара не позволит неприятелю выстрелить второй раз, а потери при рассыпном строе будут меньшие. Такое движение невозможно для воинской части, построенной по-боевому. Если она бежит, ряды расстраиваются, а когда колонна идет в беспорядке, то неприятелю не приходится тратить силы на то, чтобы ее рассеять, потому что она рассыпается сама.

Я построил свое войско с расчетом достигнуть двойной цели: расположив на крыльях 1000 велитов, я приказал им сейчас же, после того как наша артиллерия выстрелит, броситься вместе с легкой конницей на не-

приятельские пушки. Я не велел своей артиллерии стрелять вторично именно потому, что не хотел дать неприятелю лишнее время; ведь невозможно самому выигрывать время и вместе с тем не позволить этого другому.

Я не продолжал обстрел по той же причине, по которой колебался стрелять с самого начала, — именно потому, что боялся, как бы неприятель не открыл огонь первым. Ведь если ты хочешь обезвредить артиллерию противника, надо на нее напасть; если он не защищает свои орудия, ты их захватываешь; если он хочет их отстоять, ты должен двинуться вперед, а когда друг и недруг смешаются в общей свалке, то из пушек стрелять нельзя.

Доводы эти, как мне кажется, достаточно убедительны и не нуждаются в примерах; однако древняя история дает нам некоторые образцы, и я хочу их привести. Вентидий перед боем с парфянами, вся сила которых была в стрельбе из луков, подпустил их почти к самому валу лагеря, раньше чем вывести свои войска. Сделал он это только с одной целью — сейчас же вступить в рукопашную схватку, не дав им времени для нового обстрела.

Цезарь рассказывает, что во время одной из битв галльского похода враги бросились на него с таким бешенством, что его воины не успели бросить свои дротики, как это полагается у римлян. Ясно теперь, что спастись в поле от орудия, бьющего издалека, можно только одним путем — захватить его с величайшей быстротой.

Была и другая причина, по которой я шел на врага, не вводя в дело артиллерию. Вы, может быть, сейчас засмеетесь, но я считаю, что пренебрегать ею нельзя.

Самая большая опасность для войска, при которой легче всего начинается смятение, — это невозможность видеть неприятеля. Сильнейшие армии часто бывали разбиты потому, что солдат ослепляли пыль или солнце. Между тем ничто не вызывает такого густого мрака, как пороховой дым; я считаю поэтому, что лучше предоставить неприятелю ослеплять самого себя, чем разыскивать его, ничего не видя.

Поэтому я предпочел бы не стрелять из пушек, или во избежание упреков ввиду большой славы артиллерии я расставил бы орудия на флангах, чтобы не ослеплять дымом солдат, так как видеть врага для них — самое важное.

Чтобы показать вам, насколько полезно испортить врагу видимость поля битвы, я сошлюсь на Эпаминонда, который именно с этой целью выслал против наступавшего неприятеля свою легкую конницу, рассчитывая на то, что поднятая ею густая пыль скроет его войска от лакедемонян. Расчет оправдался и доставил ему победу.

Вы говорите далее, что я по-своему распорядился чужой артиллерией, заставив ее стрелять через головы моей пехоты. Должен сказать, что большей частью так и бывает и что огонь тяжелой артиллерии для пехоты почти безвреден. Обратное случается крайне редко. Пехота — очень низкая мишень, а стрелять из тяжелых пушек так трудно, что стоит сделать малейшую ошибку, нацелиться немного выше — и ядро летит через головы, а если цель взята ниже, чем нужно, оно попадает в землю и не доходит вовсе.

Кроме того, пехоту спасает любая неровность почвы, так как самый мелкий кустарник или холмик, от-

деляющий ее от артиллерии, уже портит меткость пушечного огня. Легче, конечно, попасть в конницу, особенно в тяжелую, которая вообще выше легкой и построена более густыми рядами, но и этого можно избежать, отведя конницу в тыл, пока огонь не прекратится.

Несомненно, что гораздо опаснее ружья небольшие орудия, но лучшее средство против них — это рукопашный бой. Если при первом столкновении многие будут убиты, это ничего не значит — убитые бывают всегда. Хороший полководец и хорошее войско бояться не частных потерь, а общего крушения и должны подражать в этом швейцарцам, которые никогда не уклоняются от боя из страха перед артиллерией и карают смертью того, кто, испугавшись огня орудий, покинет ряды или проявит малейший признак страха.

Итак, я отвел свою артиллерию назад после первого выстрела, для того чтобы очистить место батальонам. В дальнейшем я о ней не упоминал потому, что с началом общего боя она стала ненужной.

Вы сказали еще, что, по мнению многих, оружие и боевой порядок древних сейчас уже бесполезны ввиду разрушительной силы пушек. Можно заключить из ваших слов, что наши современники изобрели для успешной борьбы с артиллерией какое-то новое оружие и боевое построение. Если эта тайна вам известна, я был бы вам очень признателен за ее раскрытие, ибо пока я такого оружия не знаю и не думаю, чтобы его можно было найти. Действительно, мне хотелось бы услышать от этих людей, почему наши пехотинцы носят железные латы и нагрудники, а конные вообще закованы в броню; ведь если отрицать древнее оружие

вследствие его бесполезности перед артиллерией, то надо отказаться и от нынешнего.

Хотелось бы также знать, почему швейцарцы, в полном согласии с античным боевым порядком, строят свою бригаду густой колонной в 6000 или 8000 человек пехоты и почему все другие народы им в этом подражают, несмотря на то что артиллерийский огонь при этом построении так же опасен, как и при любом другом, позаимствованном у древних.

Думаю, что ответа не найдется. Если же вы спросите любого знающего военного, он ответит вам так: прежде всего латы надеваются потому, что они защищают если не от ядер, то от самострелов, пик, мечей, камней и всякого другого неприятельского оружия. Далее, он сказал бы вам, что при построении густыми рядами, по швейцарскому примеру, можно легче отбросить пехоту противника, отразить нападение конницы и вместе с тем затруднить врагу прорыв собственной линии.

Из всего этого ясно, что войскам угрожают не только пушки, но и многое другое, от чего их предохраняют латы и предлагаемый мною боевой порядок. Следовательно, чем лучше вооружено войско, чем плотнее и крепче его ряды, тем надежнее оно защищено. Поэтому приходится сказать, что сторонники мнений, о которых вы здесь говорили, люди или малоопытные, или не продумавшие дело до конца. Ведь если самое слабое оружие древних, употребляемое ныне, т. е. пики, и наименее совершенное из их боевых построений, т. е. швейцарская бригада, приносят огромную пользу и обеспечивают войскам такое превосходство, то почему надо считать бесполезными другие виды древнего оружия и те боевые построения, которые сейчас за-

быты? Наконец, если мы, несмотря на артиллерию, все же сохраняем построение густыми рядами, как это делают швейцарцы, то какой же из боевых порядков древности будет для нас еще более опасен? Ведь всем известно, что артиллерийский огонь всего страшнее для войск, наступающих плотной массой. Наконец, ведь не мешает же артиллерия осаждать крепость, хотя, укрываясь за стенами, она может обстреливать мои войска в полной безопасности и усиливать огонь, как ей угодно, тогда как я захватить ее не могу и вынужден ждать, пока ее не смирит ответный огонь моих собственных пушек; тем более мне нечего бояться артиллерии в поле, где ею можно сейчас же овладеть.

Из всего этого я вывожу, что артиллерия не препятствует восстановлению воинских учреждений древних и доблести их. Я бы развил свою мысль подробнее, если бы уже не беседовал с вами об этом роде оружия; предпочитаю сейчас сослаться на то, что говорилось раньше.

Луджи. Мы вполне поняли ваши мысли об артиллерии, и, в общем, вы, по-моему, показали, что лучшее средство борьбы с нею в поле на глазах у врага — это немедленный захват ее в самом начале боя. Однако у меня все же появляется сомнение: мне кажется, что неприятель может прикрыть артиллерию с флангов и расставить ее так, что она будет поражать ваших солдат, а захватить ее вам не удастся. Вы, помнится, говорили, что при построении в боевой порядок вы оставляете между батальонами свободное пространство в 4 локтя, а между батальонами и запасными пиками оно расширяется у вас до 20 локтей. Если враг построит свое войско по вашему образцу и поместит свою ар-

тиллерию в эти интервалы, он сможет, по-моему, расстреливать вас совершенно спокойно, ибо вам уже не удастся ворваться в неприятельские линии, чтобы захватить орудия.

Фабрицио. Ваше сомнение более чем основательно, и я постараюсь сейчас его рассеять или найти средство борьбы с подобной опасностью. Я уже говорил вам, что батальоны как в походе, так и в бою находятся в постоянном движении, причем ряды, естественно, все время смыкаются. Если вы оставите между ними узкие интервалы и затем поставите туда свою артиллерию, то ряды скоро настолько сомкнутся, что артиллерия не сможет больше стрелять. Если вы, наоборот, оставите широкие интервалы, то избавляетесь от одной опасности, но навлекаете на себя другую, худшую, потому что неприятель получает полную возможность не только захватить ваши орудия, но и прорвать ваш фронт.

Заметьте, впрочем, что артиллерию, особенно перевозимую на колесах, ставить между рядами нельзя: дело в том, что пушка стреляет не в ту сторону, куда она движется, а в обратную, так что для стрельбы она должна повернуться кругом, а это требует такого пространства, что 50 артиллерийских повозок приведут в расстройство целое войско. Поэтому орудия приходится держать вне рядов, подвергая их опасности захвата, о чем я вам уже говорил.

Допустим, однако, что артиллерия разместится между рядами и что неприятелю удастся избежать обеих крайностей, т. е. и чрезмерного смыкания рядов, мешающего стрельбе, и слишком широких интервалов, открывающих врагу возможность прорыва. Я утверждаю, что и в этом случае легко обезопасить себя, оста-

вив между частями своих войск свободное пространство, куда будут попадать ядра; таким образом, самый яростный обстрел пропадает даром. Трудностей это не представляет никаких, потому что неприятель ради безопасности своей артиллерии должен расположить ее сзади, у крайней линии интервалов, и чтобы не попадать в своих, ей придется всегда стрелять по одному направлению — прямо перед собой; поэтому стоит только очистить ядрам место, и они станут безвредными.

Есть общее правило: оставлять свободный проход силе, которую нельзя сдержать; так поступали древние, когда им приходилось встречаться со слонами и военными колесницами. Я думаю и даже уверен, что вы представляете себе дело так: я разыграл сражение по собственному произволу и потому его выиграл. Однако если все мною сказанное вас еще не убедило, я должен повторить, что войско, вооруженное и построенное по моему способу, непременно при первом же столкновении должно опрокинуть противника, построенного по образцу современной армии, вытянутой большей частью в одну линию, не имеющей щитов и вооруженной так плохо, что она не может защищаться в рукопашной схватке.

Принятый у нас боевой порядок негоден, потому что если батальоны размещаются рядом в одной линии, то нет глубокого строя, если же они стоят друг за другом, то при неумении пропускать одну часть войск через ряды другой они смешиваются и могут легко прийти в полный беспорядок. Правда, мы даем своим войскам разные наименования, разделяя их на авангард, главные силы и арьергард, но разделение это соблюдается только в походе и в лагере; в сражении же все

войска бросаются вперед разом, и судьба их решается первым ударом.

Луджи. В вашем описании сражения я обратил внимание также и на то, что ваша конница была опрокинута неприятельской и укрылась под защиту запасных пик; затем она с их помощью возобновила бой и, в свою очередь, опрокинула противника. Я верю, что пикинеры могут остановить кавалерию, если они построены густой глубокой массой, как швейцарцы, в вашем же войске имеются только 5 шеренг пик во фронте и 7 — на фланге, так что я не понимаю, как они могут устоять против конного натиска.

Фабрицио. Я вам уже сказал, что в македонской фланге могли действовать в одно время только 6 передних шеренг, скажу вам также, что в швейцарской бригаде, будь она даже глубиной в 1000 шеренг, сражаться могут только первые четыре или пять: длина пики — 9 локтей, древко на $1\frac{1}{2}$ локтя отведено назад и закрыто рукой, так что пики первой шеренги выдаются вперед на $7\frac{1}{2}$ локтя. Вторая шеренга теряет эти $1\frac{1}{2}$ локтя и еще столько же на пространство, отделяющее ее от первой. Следовательно, острия ее пик выдаются из-за первой шеренги только на 6 локтей; пики третьей шеренги выдаются из-за первой на $4\frac{1}{2}$ локтя, четвертой — на 3, пятой — на $1\frac{1}{2}$.

Все остальные шеренги в бою не участвуют; они служат только для замены людей, выбывших из первых шеренг, и образуют для них нечто вроде стены с бойницами. Итак, если 5 швейцарских шеренг могут выдержать напор конницы, то почему это невозможно для моих пикинеров, которых точно так же поддерживают сзади другие войска, вооруженные, правда, не

пиками, а мечами? Если строй запасных пикинеров, расположенных на флангах, кажется вам недостаточно глубоким, то можно перестроить их в каре и поставить на флангах двух батальонов задней линии; оттуда их можно легко двинуть к фронту или к тылу войска, на помощь нашей кавалерии.

Луиджи. Будете ли вы всегда пользоваться только той формой боевого построения, которую вы нам описали?

Фабрицио. Конечно, нет! Боевой порядок меняется в зависимости от условий местности, от количества и качества неприятельских войск. Я покажу это потом на примерах. Я привел вам свое построение не потому, что оно сильнее всех других, хотя оно действительно сильнейшее, а для того, чтобы дать вам правила и указания, с помощью которых вы можете познать и другие формы боевого порядка. У каждой науки есть общие положения, на которых она большей частью и основывается. Об одном только вы должны помнить всегда: никогда не стройте войска так, чтобы сражающиеся впереди не могли получить помощи от находящихся сзади; тот, кто делает эту ошибку, обречет большую часть своего войска на бездействие и никогда не победит, если встретит сильного врага.

Луиджи. У меня явился новый вопрос. В вашем построении вы ставите 5 батальонов впереди, 3 — в середине и 2 — в последней линии. Мне казалось бы, что надо поступать наоборот, потому что прорыв, по-моему, труднее, если наступающий по мере проникновения его в наши ряды встречает все более плотную массу войск. При вашем способе дело, по-моему, обстоит так, что чем сильнее нападение, тем слабее становится защита.

Фабрицио. Ваши сомнения должны несколько рассеяться, если вы припомните, что триариев, составлявших третью линию римского легиона, было не больше 600 человек и они стояли позади всех. Следуя этому примеру, я поставил в задней линии 2 батальона, т. е. 900 человек пехоты. Таким образом, подражая римскому порядку, я снимаю с передовой линии не слишком мало, а скорее слишком много солдат.

Можно было бы просто сослаться на этот пример, но я хочу вам объяснить, почему я так поступаю. Первая линия войск должна быть крепкой и плотной, так как ей предстоит выдержать неприятельский натиск, а впереди нее нет своих войск, которые отступали бы сквозь ее ряды. Здесь должен быть даже излишек людей, иначе сила линии неминуемо уменьшится вследствие недостаточно глубокого строя или малочисленности солдат.

Наоборот, вторая линия, раньше чем встретит врага, должна быть готова к тому, что в ряды ее вольются свои же отступающие части. Поэтому здесь необходимы большие интервалы, и она должна быть малочисленнее первой линии; если делать ее сильнее первой или равносильной, то пришлось бы или обойтись без интервалов, что вызвало бы беспорядок, или выдвинуть ее с обеих сторон за пределы первой линии войск, что испортило бы боевое построение.

Вы ошибаетесь, если думаете, что чем дальше неприятель проникает в ряды нашей бригады, тем сопротивление становится слабее. Ведь противник вообще не может столкнуться со второй линией, пока она не соединилась с первой, и тогда она будет сильнее, а не слабее, между тем как врагу придется сражаться с двумя линиями сразу.

То же произойдет, если неприятель доберется до третьей линии, так как ему надо будет вступить в бой не с двумя последними свежими батальонами, а со всей бригадой. Эта последняя линия должна вместить еще больше войск. Поэтому свободное пространство между батальонами должно быть еще шире, а состав ее все-го меньше.

Луиджи. Вы меня вполне убедили, но ответьте мне, пожалуйста, еще на один вопрос. Если 5 первых батальонов отступают сквозь ряды 3 вторых, а затем 8 батальонов второй линии отойдут к 2 батальонам третьей, то как могут эти 8, а затем и 10 батальонов уместиться на пространстве, занятом первоначально первыми пятью?

Фабрицио. Прежде всего это не одно и то же пространство, потому что первые 5 батальонов разделены четырьмя интервалами, которые постепенно заполняются по мере отступления их к войскам второй и третьей линии. Остаются затем интервалы между бригадами, а также между батальонами и запасными пиками, образующие, в общем, достаточно большое пространство.

Прибавьте к этому, что батальоны, построженные в боевой порядок и еще не понесшие убыли, занимают не то пространство, как после боя, когда их ряды уже поредели; потери приводят или к смыканию, или, наоборот, к расширению рядов. Ряды расширяются, когда людей охватывает такой страх, что они бросаются бежать; наоборот, они смыкаются, если страх заставляет людей искать спасения не в бегстве, а в самозащите. В этом случае вы всегда увидите, что строй сомкнется, а не рассыплется.

Заметьте далее, что передовые пять шеренг пикинеров, начавшие бой, отступают потом сквозь ряды

батальонов за последнюю линию войск и очищают место боя щитоносцам с мечами. При отступлении их в тыл командующий может распорядиться ими по своему усмотрению, тогда как в рукопашной схватке они совершенно бесполезны.

Таким образом, интервалы, установленные заранее, могут вполне вместить остаток солдат. Допустим, что этого пространства не хватит, — остаются фланговые войска; ведь это не стены, а люди, которые могут расступиться и очистить столько места, сколько понадобится.

Луиджи. Как поступаете вы с запасными пиками, поставленными на флангах? Должны ли они при отступлении батальонов первой линии оставаться на месте, образуя как бы два выступа, или отступать вместе с батальонами? Если им надо отступать, то как могут они это выполнить, не имея за собой батальонов с широкими интервалами?

Фабрицио. Если неприятель, принудивший батальоны к отступлению, на них не нападает, они могут оставаться на месте в боевом порядке и тревожить противника с фланга, когда первые батальоны уже отступят. Если же он, что вероятнее всего, на них нападет, так как он достаточно силен, чтобы потеснить другие войска, то надо отходить. Выполнить это очень легко, хотя интервалов за ними нет: стоит только вдвоить ряды по прямому направлению, влив одну шеренгу в другую, как мы об этом уже говорили, когда речь шла о вздваивании рядов.

Верно, что при отступлении вздваивание производится иначе, чем я вам объяснял; я ведь говорил вам, что вторая шеренга вступает в первую, четвертая — в

третью и так далее. Теперь надо идти не вперед, а назад и начать не с передних, а с задних шеренг, так чтобы при вздваивании получилось не прямое, а попятное движение.

Однако, чтобы ответить на все возможные ваши возражения против разыгранного мною сражения, я снова повторяю, что я показал вам это построение и битву с целью объяснить вам две вещи: как строится войско и как оно обучается. Мой боевой порядок для вас как будто вполне ясен; что касается обучения, то сборы батальонов должны устраиваться как можно чаще, чтобы начальники привыкли сами и могли обучить солдат всем действиям, о которых мы говорили. Солдату надо хорошо знать все действия батальона, а начальники должны понимать значение батальона в целом войске, и только тогда они будут верно исполнять распоряжения командующего.

Они должны уметь распоряжаться несколькими батальонами одновременно и быстро занимать назначенное им место; поэтому на знамени каждого батальона должен быть ясно обозначен его номер, причем таким образом удобнее передавать приказания командующего, а начальник и солдат легче узнают по номеру свое знамя. Бригады также должны иметь особые номера на главном знамени. Необходимо, чтобы каждый знал номера бригад, стоящих на левом или правом фланге, номера батальонов первой и второй линии и т.д.

Чины войска должны также различаться по номерам: например, номер первый означает декурионов, второй — начальника 50 действующих велитов, третий — центуриона, четвертый — начальника первого батальона, пятый — второго, шестой — третьего и так да-

лее — до начальника десятого батальона, выше которого стоит уже командир бригады. Получить этот последний чин может только тот, кто раньше пройдет все низшие степени.

Кроме того, есть еще три начальника запасных пикнеров и два начальника запасных велитов, которые, по-моему, должны быть равными по чину начальнику первого батальона. Меня несколько не смущает, что шесть человек окажутся в одном чине: каждый из них будет от этого еще усерднее и постарается превзойти остальных, чтобы быть произведенным в начальники второго батальона. Зная место своего батальона, каждый начальник займет его в ту минуту, как по трубному звуку взвьется главное знамя и все войско будет построено в боевой порядок. Уметь строиться мгновенно — первое, к чему непременно надо приучить войско. Упражнение это необходимо проделывать ежедневно и даже несколько раз в день.

Люджи. Должны ли быть на знаменах еще какие-нибудь знаки кроме номеров?

Фабрицио. На главном знамени должен быть герб князя; на прочих может быть тот же герб в другом поле или иной знак — по усмотрению командующего. Это не важно, лишь бы знамена ясно отличались одно от другого.

Перейдем, однако, к следующему упражнению. Когда войско построено, оно должно научиться двигаться мерным шагом, строго сохраняя при этом равнение.

Третье обучение — боевые приемы; артиллерия должна выстрелить и отъехать назад; запасные велиты выступают вперед и после притворной атаки отходят; батальоны первой линии отступают в интервалы второй,

точно они разбиты; обе линии отступают к третьей и возвращаются затем на свои места. Надо так приучить солдат к этим приемам, чтобы они стали естественными и повседневными движениями, а при некотором опыте и навыке это достигается очень легко.

Четвертое упражнение — научить солдат понимать распоряжения командующего по звуку музыки или движению знамени, так как приказания с живого голоса понятны без всякого объяснения. Особенно важны распоряжения, подаваемые музыкой, и потому я скажу вам несколько слов о боевой музыке древних. У лакедемонян, по рассказу Фукидида, господствовала флейта, так как они считали, что под ее звуки войска идут мерно и спокойно, без ненужных порывов. У карфагенян этой же цели служила цитра. Лидийский царь Алиат употреблял на войне цитру и флейту. Александр Великий и римляне ввели у себя рога и трубы, находя, что эти инструменты зажигают сердца и заставляют воинов биться с удвоенной силой.

Мы же последуем и в этом примере обоих народов так же, как уже сочетали греческий образец с римским, выбирая оружие войска. При командующем должны быть трубачи, потому что звук трубы не только воспламеняет мужество солдат, но и лучше всякого другого инструмента будет слышен среди самого ужасного шума. При начальниках батальонов и бригад находятся барабанщики и флейтисты; они будут играть не так, как сейчас, а как обычно играют на пирах. Звукотрубы командующий укажет, должны ли войска стоять на месте, идти вперед или отступать, надо ли стрелять артиллерии или выбегать запасным велитам; разнообразие трубного звука ясно покажет солдатам все необходи-

мые движения, а после труб ту же команду повторяют барабаны.

Упражнение это очень важно и должно повторяться часто. В кавалерии должны быть трубы, но менее громкие и с иным звуком. Вот все, что я мог вам сказать о боевом порядке и обучении войска.

Луиджи. Я все же попрошу вас объяснить мне еще одну вещь: почему ваша легкая конница и велиты бросаются на врага с дикими криками, а остальное войско идет навстречу врагу в полном безмолвии? Я не понимаю этой разницы.

Фабрицио. Древние полководцы держались разных мнений насчет того, надо ли бежать на неприятеля с криком или медленно идти молча. В молчании лучше сохраняется порядок и яснее слышны приказания начальника, а крик возбуждает боевой пыл. Я считаю, что и то и другое одинаково важно, и потому приказываю одним частям с криком бросаться на врага, а другим велю идти молча.

Впрочем, я вовсе не считаю, что беспрестанный крик полезен: он заглушает команду, и в этом его большая опасность. Трудно предполагать, что римляне после первого столкновения продолжали кричать. В их истории постоянно говорится о том, как бегущие солдаты останавливались по слову и убеждениям полководца и как они в разгаре сражения перестраивались по его команде; это невозможно, если крики заглушают голос начальника.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Луиджи. Под моим командованием одержана столь блистательная победа, что я предпочитаю больше не испытывать судьбу, зная ее изменчивость и непостоянство. Поэтому я слагаю диктатуру и передаю обязанности вопрошателя Заноби, следуя в этом нашему порядку начинать с самого младшего. Знаю, что от этой чести или, лучше сказать, от этого труда он не откажется как по дружбе ко мне, так и по врожденной смелости, которой у него больше, чем у меня. Его не устранишь дело, которое может одинаково принести победу и поражение.

Заноби. Я готов повиноваться, хотя предпочел бы участвовать в разговоре как простой слушатель. Ваши вопросы до сих пор удовлетворяли меня больше, чем мои собственные, приходившие мне на ум во время беседы. Однако вы теряете время, синьор Фабрицио, и мы должны просить у вас прощения за то, что утомляем вас этими любезностями.

Фабрицио. Наоборот, вы доставляете мне удовольствие, так как смена вопрошателей позволяет мне лучше узнать ваш образ мыслей и ваши склонности.

Надо ли мне еще что-нибудь добавить ко всему сказанному?

Заноби. Я хочу спросить вас о двух вещах, раньше чем идти дальше: первое — признаете ли вы возможность иного боевого порядка; второе — какие предосторожности должен предпринять полководец до того, как идти в бой, и что он может сделать, если во время битвы произойдут какие-либо неожиданности?

Фабрицио. Постараюсь вас удовлетворить и не буду отвечать на ваши вопросы отдельно, потому что ответ на первый вопрос во многом разъяснит вам и второй. Я уже говорил вам, что мною предложена известная форма боевого построения, дабы, исходя из нее, вы могли свободно менять ее в зависимости от условий местности и образа действий неприятеля. Ведь от местности и от противника зависят вообще все ваши действия.

Заметьте только одно: самая страшная опасность — это растягивать линию фронта, если только вы не располагаете войском, совершенно исключительным по силе и величине. Во всяком ином случае глубокий строй густыми рядами всегда лучше растянутого и тонкого. Ведь если твое войско меньше неприятельского, надо стараться как-нибудь уравновесить эту невыгоду, именно обеспечить фланги, прикрыв их рекой или болотом, чтобы не оказаться окруженным, или защищаться рвами, как это сделал Цезарь в Галлии.

Знайτε общее правило — что фронт растягивается или сокращается в зависимости от численности ваших и неприятельских войск. Если противник слабее, а твои войска хорошо обучены, надо избирать для действия обширные равнины, потому что ты можешь тогда не

только охватить врага, но и свободно развернуть свои силы. В местности обрывистой и трудной, в которой невозможен сомкнутый строй, это преимущество пропадает. Поэтому римляне почти всегда избегали неровных мест и предпочитали сражаться на открытой равнине.

Совершенно по-иному поступают, если войско невелико или плохо обучено: тогда надо постараться возместить малочисленность или неопытность людей выгодами местоположения. Хорошо располагаться на высотах, откуда легче обрушиться на противника. Во всяком случае, остерегайтесь размещать войско на скатах или где-нибудь близко от подножия горы, если в этой местности ожидается неприятель. Высота позиции будет тогда только вредна, потому что противник, занявший вершину, поставит на ней пушки и сможет непрерывно и спокойно тебя громить, не опасаясь отпора; ты же будешь стеснен собственными солдатами и потому не сможешь отвечать на его огонь.

Полководец, выстраивающий войско к бою, должен также позаботиться о том, чтобы ни солнце, ни ветер не были ему в лицо. И то и другое не позволяет разглядеть врага: солнце — своими лучами, а ветер — поднятой пылью. Ветер, кроме того, обессиливает удар метательного оружия, а относительно солнца надо еще иметь в виду следующее: мало позаботиться о том, чтобы оно не светило войскам в лицо при начале боя, это преимущество должно сохраниться и дальше, когда солнце поднимется выше.

Самое лучшее — это располагать войска так, чтобы они стояли к солнцу спиной, потому что тогда пройдет много времени, прежде чем оно окажется прямо над

ними. Предосторожности эти соблюдались Ганнибалом при Каннах и Марием в борьбе с кимврами.

Если у тебя мало конницы, располагай войска среди виноградников, кустарников и тому подобных препятствий, как поступили в наше время испанцы под Чериньолой в Неаполитанском королевстве, где они разбили французов. Часто наблюдалось, как те же самые солдаты с переменной боевого порядка местности превращаются из побежденных в победителей. Так было с карфагенянами, неоднократно разбитыми Марком Регулом и победившими затем под начальством лакедемонянина Ксантиппа, который построил войска в долине, где им удалось восторжествовать над римлянами благодаря коннице и слонам.

Вообще, вдумываясь в древние примеры, я вижу, что почти все выдающиеся античные полководцы, уяснив себе сильнейшую сторону неприятельского войска, противопоставляли ей свою слабейшую и наоборот. При начале боя они приказывали самым сильным частям только сдерживать противника, а слабым частям отдавалось распоряжение пробиться и отступить за последнюю линию войска.

Такой способ сражения расстраивает неприятеля двояко: сильнейшая часть его войска оказывается охваченной, а с другой стороны — обманчивая видимость победы слишком часто порождала беспорядок и внезапный разгром. Корнелий Сципион, действуя в Испании против карфагенянина Гасдрубала, ставил обычно свои лучшие легионы в центре; когда же ему сообщили, что Гасдрубал знает этот порядок и собирается сделать то же самое, он перед боем изменил свое построение: расположил свои легионы на флангах, а худшие войска поместил в центре.

Когда бой начался, Сципион лишь очень медленно продвигал войска в центре, а крыльям отдал приказ стремительно напасть на врага; таким образом, сражение шло только на флангах того и другого войска, а части, стоявшие в середине, не могли сойтись, так как были друг от друга слишком далеко. Сильнейшие войска Сципиона бились со слабейшими войсками Гасдрубала и, конечно, одолели их.

Такая хитрость была полезна в те времена, но сейчас она неприменима, так как существует артиллерия, которая открыла бы огонь, пользуясь свободным пространством между центрами обеих войск, а это, как мы уже говорили, страшно опасно. Поэтому следует отказаться от римского образца и вводить в дело все войска, отводя постепенно назад его слабейшее крыло.

Если полководец располагает сильнейшим войском и хочет неожиданно окружить противника, он должен построить войска так, чтобы длина его фронта совпала с неприятельской. Затем, когда бой разгорится, надо постепенно осадить свой центр, растянуть войска на флангах, и таким образом, неприятель всегда будет охвачен совершенно незаметно.

Когда полководец хочет дать бой почти без всякого риска, он должен строить войска в местности, поблизости от которой можно найти верное убежище в болотах, горах или крепости: неприятель преследовать его не будет, но сам он неприятеля преследовать может. К этому способу прибегал Ганнибал, когда судьба стала ему изменять и он стал остерегаться встречи с Марком Марцеллом. Некоторые начальники в расчете на замешательство противника приказывали своим легковоруженным войскам начать бой и затем сейчас же от-

ступить сквозь ряды, а когда войска сталкивались и по всему фронту кипела битва, легкая пехота, собранная за флангами, снова вводилась в сражение, ошеломляла неприятеля ударом во фланг и довершала успех.

При недостатке конницы можно помимо действий, о которых я уже говорил, скрыть за лошадьми батальон пик и в самый разгар боя приказать конным дать им дорогу — победа будет обеспечена. Многие приучают легкую пехоту сражаться между конными войсками, что давало кавалерии огромное преимущество над противником. Из всех полководцев самыми замечательными по искусству располагать войска были во время войны в Африке Ганнибал и Сципион.

Ганнибал, войско которого состояло из карфагенян и вспомогательных отрядов различных народов, поставил в первой линии 80 слонов, во второй поместил вспомогательные войска, за которыми шли его карфагеняне, а в самом тылу оставил итальянцев, на которых не полагался. Построение это было рассчитано на то, чтобы вспомогательные войска не могли бежать, так как перед ними был неприятель, а сзади им закрывали дорогу карфагеняне; поэтому им волей-неволей приходилось по-настоящему сражаться, и Ганнибал надеялся, что они опрокинут или по крайней мере утомят римлян, а он в это время ударит на них свежими силами и легко добьет уже уставшие римские войска.

В противовес этому Сципион поставил гастатов, принципов и триариев обычным порядком, при котором одни части могут вливаться в ряды других и друг друга поддерживать. В первой линии он оставил множество интервалов. Дабы скрыть это от неприятеля и убедить его, что перед ним сплошная стена, Сципион

заполнил интервалы велитами, которым при появлении слонов приказано было немедленно очистить дорогу и отходить сквозь ряды; таким образом, удар слонов пришелся по пустому месту, а в сражении победа осталась за римлянами.

Заноби. Вы напомнили мне рассказом об этой битве, где Сципион приказал своим гастатам не отступать в интервалы линии принципов, а разделил их и направил на фланги, очистив дорогу принципам, когда пришло время двинуть их вперед. Не скажете ли вы мне, почему он уклонился от обычного порядка?

Фабрицио. Конечно. Дело в том, что Ганнибал сосредоточил сильнейшие войска свои во второй линии. Сципиону пришлось противопоставить ему такую же силу, и он соединил для этого принципов с триариями. Интервалы в линии принципов были заняты триариями, так что для гастатов места уже не было; поэтому Сципион не укрыл их среди принципов, а приказал раздаться в обе стороны и расположиться на флангах.

Заметьте, однако, что раскрывать таким приемом первую линию, чтобы очистить место для второй, можно только при очевидном преимуществе. Движение это происходит тогда в полном порядке, как оно и было выполнено Сципионом. При неудаче такие действия кончаются полным разгромом, и потому необходимо оставить себе возможность оттянуть войска во вторую линию.

Вернемся, однако, к нашему разговору. У азиатских народов среди всяких изобретений, придуманных ими для устрашения врагов, употреблялись колесницы с косами по сторонам; они не только прорывали ряды, но и уничтожали косами противника. Римляне боро-

лись с ними тройко: строили войска глубокими масса-ми, расступались перед колесницами, как перед сло-нами, очищая им дорогу, или прибегали к другим сред-ствам, как, например, Сулла в войне с Архелаем, у ко-торого этих колесниц с косами было очень много. Римский полководец вбил в землю за первой линией войск ряд кольев и остановил этим налет колесниц.

Заметьте, что Сулла при этом построил свои войс-ка по-новому: он поместил велитов и конницу позади, а всю тяжелую пехоту выдвинул вперед, оставив при этом достаточно широкие интервалы, чтобы в случае необходимости заполнить их своими запасными сила-ми; в самый разгар сражения конница пронеслась че-рез интервалы и решила этим победу.

Если вы хотите во время боя привести неприятель-ские войска в замешательство, то надо придумать что-нибудь, способное утратить противника, например распространить весть о прибывших подкреплениях или обмануть его видимостью их, дабы ошеломленный про-тивник легче поддался. Подобными приемами с успе-хом пользовались римские консулы Минуций Руфф и Ацилий Глабрион. Другой полководец, Гай Сульпи-ций, во время битвы с галлами посадил на мулов и дру-гих животных непригодные для войны нестроевые ча-сти и, расположив их порядком, напоминающим тя-желую конницу, велел им выехать на соседний холм; эта хитрость дала ему победу. То же сделал Марий, воюя с тевтонами.

Если во время боя полезны ложные нападения, то неизмеримо действеннее настоящие атаки, особенно когда они в разгар дела неожиданно производятся с тыла или с фланга. Сделать это трудно, если тебе не

благоприятствует местность; ведь для таких действий часть войска должна быть скрыта, а на голой равнине это невозможно. Наоборот, воюя в лесах или горах, очень удобных для засад, можно прекрасно спрятать часть своих сил и нанести противнику сокрушительный и внезапный удар, который всегда доставит тебе верную победу.

Очень важно иной раз распустить во время боя слух о гибели неприятельского полководца или о бегстве части его войска; хитрость эта часто приводила к успеху. Неприятельскую кавалерию легко испугать неожиданным звуком или зрелищем. Так поступил Крез, выставивший верблюдов против лошадей, а Пирр одним видом своих слонов расстроил и разогнал всю римскую конницу. В наши дни турки разбили персидского шаха и сирийского султана громом ружейного огня, который так напугал непривычную к такому звуку конницу их, что одолеть ее было уже легко. Испанцы в борьбе с Гамилькаром поставили в первой линии повозки, запряженные быками и набитые соломой, которую в самом начале боя зажгли; испуганные быки бросились на линию войск Гамилькара и прорвали их ряды.

Многие полководцы любят обманывать противника, заманивая его в засады, когда этому способствует местность. На открытых и широких равнинах выкапывают ямы, слегка прикрытые хворостом и землей; между ними оставлены проходы, и, когда завяжется бой, собственные войска отступают, а преследующие их неприятельские солдаты проваливаются в рвы и погибают.

Если во время боя произойдет событие, которое может испугать людей, то очень важно суметь его скрыть и даже извлечь из него пользу, как поступали Тулл Гос-

тилий и Луций [Корнелий] Сулла. Заметив измену части своих солдат, перешедших к неприятелю, и страшное впечатление, произведенное этим на всех остальных, Сулла немедленно распорядился объявить по всему войску, что все происходит по его приказу. Это не только успокоило воинов, но и воодушевило их настолько, что победа осталась за римлянами. Тот же Сулла отдал однажды отряду солдат приказ, при исполнении которого все они погибли. Чтобы не утратить войско, он велел объявить, что истребленная часть состояла из предателей и он нарочно отдал ее в руки неприятеля. Серторий во время войны в Испании убил своего же воина, сообщившего ему о гибели его легата, и сделал это из боязни, что известие распространится и перепугает все войско.

Самое трудное — это остановить бегущее войско и заставить его возобновить сражение. Необходимо сразу отдать себе отчет, побежало ли все войско или только часть его; если все — то дело пропало, если часть — то можно еще попытаться как-нибудь помочь. Многие римские полководцы бросались бегущим наперерез, заставляли их остановиться и грозно стыдили за трусость, как поступил, например, Луций [Корнелий] Сулла. Увидав, что части его легионов опрокинуты солдатами Митридата, он с мечом в руке бросился к беглецам и крикнул: «Если кто-нибудь спросит вас, где вы покинули своего начальника, отвечайте: мы покинули его в бою на полях беотийских». Консул Аттилий выставил против бегущих стойкие части и приказал объявить, что, если беглецы не повернут обратно, они будут перебиты одновременно и своими, и врагами. Филипп Македонский, знавший, что солдаты его боятся

скифов, поставил в задней линии войска отборнейшие конные части и приказал им убивать всякого, кто побежит. Солдаты его предпочли погибать в бою, а не в бегстве, и победили.

Многие римские полководцы вырывали знамя из рук знаменосца, бросали его в самую гущу неприятельских воинов и объявляли награду тому, кто принесет его обратно; делалось это не столько для того, чтобы предупредить бегство, сколько для возбуждения еще большей отваги.

Мне кажется уместным сказать теперь несколько слов о том, что бывает после боя, тем более что замечания об этом будут кратки и, естественно, связаны с предметом нашей беседы. Битва кончается поражением или победой.

Если ты победил, преследуй неприятеля со всей возможной быстротой и подражай в этом Цезарю, а не Ганнибалу, который остановился после победы при Каннах и этим лишился власти над Римом. Цезарь же после победы не задерживался ни на минуту и обрушивался на разбитого противника с еще большей стремительностью и яростью, чем во время боя на грозного врага.

Если же ты разбит, то полководец должен прежде всего сообразить, нельзя ли извлечь из поражения какую-нибудь выгоду, особенно в тех случаях, когда хотя бы часть его войска сохранила боевую силу. Случай может представиться благодаря непредусмотрительности врага, который после победы обычно становится беспечным и дает тебе возможность его побить, как побил карфагенян римский консул Марций: карфагеняне после гибели обоих Сципионов и разгрома их

войск не обращали никакого внимания на остатки легионов, уцелевших у Марция, который напал на них врасплох и совершенно разбил.

Легче всего удастся то, что враг считает для тебя невозможным, и удар большей частью обрушивается на людей в ту минуту, когда они всего меньше о нем думают. Если же ничего нельзя сделать, то искусство полководца состоит в том, чтобы по крайней мере смягчить последствия поражения. Для этого надо принять меры, чтобы затруднить противнику преследование или задержать его. Некоторые полководцы, предвидя неудачу, приказывали начальникам отдельных частей быстро отступить в разных направлениях и разными дорогами, заранее назначив место встречи; это озадачивало противника, боявшегося разделить свои силы, и давало возможность благополучно уйти всему войску или большей его части.

Другие, чтобы задержать неприятеля, оставляли ему самое ценное свое имущество, надеясь, что он прельстится добычей и позволит им убежать. Тит Дидий проявил немалое искусство, чтобы скрыть потери, понесенные в бою. После битвы, продолжавшейся до ночи и очень дорого ему обошедшейся, он приказал ночью же зарыть большую часть трупов. Утром неприятель, увидав, что поле сражения завалено телами его солдат, между тем как римских трупов почти не было, решил, что дела его плохи, и обратился в бегство.

Мне кажется, что, в общем, на ваши вопросы я ответил; остается только сказать о возможном построении войск. Некоторые полководцы строили свои войска клином, надеясь таким образом легче прорвать неприятельский фронт. Другие противопоставляли этому

вогнутое расположение, в виде клещей, дабы зажать в них клин противника и сдавить его со всех сторон. Я хотел бы указать вам по этому поводу на общее правило: лучшее средство расстроить намерение врага — это сделать добровольно то, что он хочет заставить тебя сделать насильно. Если твои движения добровольны, ты выполняешь их в полном порядке к выгоде для себя и ушербу для неприятеля; если они вынужденны — ты погиб.

В подтверждение этой мысли я снова напомним вам кое-что уже сказанное раньше. Противник строится клином, чтобы прорвать ваши ряды. Разомкните их сами, и тогда вы расстроите его войска, а не он ваши. Ганнибал выставляет впереди слонов, чтобы опрокинуть легионы Сципиона, — Сципион размыкает ряды и этим приемом предопределяет свою победу и крушение врага. Гасдрубал ставит сильнейшие части свои в центре, чтобы опрокинуть солдат Сципиона, — тот приказывает им отступить самим и побеждает.

Словом, разгаданный замысел дает победу тому, против кого он направлен. Остается теперь, если память мне не изменяет, объяснить вам предосторожности, которые полководец обязан принять перед сражением. Прежде всего военачальник никогда не должен вступать в бой, если у него нет явного преимущества или он не вынужден к этому необходимостью. Преимущество определяется свойствами местности, боевым порядком, превосходством в численности и качестве войск.

Необходимость наступает, когда ты видишь, что бездействие тебя погубит, потому ли, что у тебя нет денег или продовольствия и войско твое может в лю-

бую минуту разбежаться, или потому, что неприятель ждет больших подкреплений. В таком случае надо всегда давать бой даже с невыгодой для себя, потому что гораздо лучше испытать судьбу, которая может оказаться к тебе благосклонной, чем бояться ее и идти на верную гибель. Уклониться от битвы в этом случае — это такой же тяжкий грех полководца, как упустить возможность победы по неведению или трусости. Преимущество дается тебе или промахом противника, или собственной проницательностью.

Бдительный неприятель не раз разбивал многих полководцев при переправах через реки, выжидая для нападения минуты, когда войско противника разрезано рекой пополам. Цезарь истребил таким образом четвертую часть войска гельветов.

Нельзя упускать также случая напасть свежими и отдохнувшими силами на врага, утомившего своих солдат неосторожным преследованием. Если неприятель старается вовлечь тебя в бой на рассвете, оставайся в лагере как можно дольше и нападай сам, когда противник уже устанет от долгого стояния под оружием и утратит первоначальный боевой пыл. Этого приема держались в Испании Сципион и Метелл, первый — в борьбе против Гасдрубала, а второй — против Сертория.

Если силы неприятеля уменьшились вследствие разделения войск, как это было у Сципионов в Испании, или по иной причине, надо точно так же испытать счастье. Осторожные полководцы ограничиваются большей частью тем, что отражают нападение неприятеля и редко нападают на него сами, ибо стойкие и сильные солдаты легко выдерживают самую яростную атаку, а безуспешная ярость легко переходит в трусость. Так

действовал Фабий против самнитов и галлов и вышел победителем, а коллега его, Деций, погиб.

Некоторые военачальники из страха перед силой врага начинали бой в конце дня, дабы в случае поражения можно было спастись под покровом ночной темноты. Другие, зная, что неприятель по суеверию воздерживается от битвы в известные дни, выбирали для боя именно этот день и выходили победителями. Так действовали и Цезарь в Галлии против Ариовиста, и Веспасиан в Сирии против иудеев. Самая же необходимая предосторожность для всякого военачальника — окружить себя преданными и благоразумными советниками с большим боевым опытом, постоянно обсуждая с ними состояние своих и неприятельских войск. Особенно важно знать, на чьей стороне численное превосходство, кто лучше вооружен и обучен, чья конница сильнее, кто более закален, можно ли вернее положить на пехоту или на конницу.

Необходимо затем обсудить характер местности и выяснить, благоприятствует ли она больше тебе или неприятелю, кому легче добывать продовольствие, надо ли оттягивать сражение или стремиться к нему, работает ли время на пользу или во вред тебе, ибо затяжка войны часто утомляет солдат, и они бегут от опротивевшей им тягости походной жизни.

Особенно важно знать, каков неприятельский полководец и окружающие его: смел ли он или осторожен, отважен или робок. Надо также знать, можно ли доверять вспомогательным войскам. Однако есть еще правило, которое важнее всех других, — никогда не вести в бой войско, которое боится врага или сколько-нибудь сомневается в успехе, ибо первый залог пораже-

ния — это неуверенность в победе. В таком случае надо всячески избегать боя, действуя по примеру Фабия Максима, который укреплялся в неприступных местах и отбивал этим у Ганнибала всякую охоту искать с ним встречи. Если же ты боишься, что сила позиции не спасет тебя от неприятеля, решившегося на битву, то надо прекратить полевую войну и разместить войска в крепостях, дабы утомить противника трудностями осады.

Заноби. Нельзя ли избежать боя каким-нибудь другим способом, кроме разделения войск и размещения их по крепостям?

Фабрицио. Я, кажется, уже говорил кому-то из вас, что при полевой войне нельзя избежать боя с противником, который во что бы то ни стало хочет сразиться. Здесь есть только один способ — держаться от врага на расстоянии не меньше пятидесяти миль, дабы можно было всегда вовремя отступить. Ведь Фабий Максим не избегал боя с Ганнибалом, но он хотел, чтобы все выгоды были на его стороне. Ганнибал же на этих позициях победить Фабия не надеялся. Если бы карфагенский полководец был уверен в успехе, Фабию оставалось бы только принять сражение или бежать.

Во время войны с Римом Филипп Македонский, отец Персея, тоже хотел уклониться от боя и нарочно расположился для этого на высокой горе, но римляне пошли на приступ и разбили его. Галльский вождь Верцингеторик, избегавший сражения с Цезарем, который неожиданно для него перешел какую-то реку, отошел со своим отрядом на много миль. В наши дни венецианцы, если они не хотели сражаться с королем Франции, должны были бы ему подражать и не дожидаться перехода Адды французами, а отойти. Между тем они

медлили и не сумели ни избежать сражения, ни дать его в выгодных условиях во время переправы войска через реку. Французы, бывшие поблизости, бросились на венецианцев во время их отступления и разбили их наголову.

Все дело в том, что боя нельзя избежать, если неприятель во что бы то ни стало его ищет. Пусть не ссылаются при этом на Фабия, потому что в этом случае он уклонялся от боя не больше и не меньше, чем сам Ганнибал. Часто бывает, что солдаты твои рвутся вперед; ты же понимаешь, что по численности войска, по характеру местности, наконец, по ряду других причин победы не будет, и стремишься их остановить. Бывает и обратное: необходимость или обстановка требуют боя, а солдаты не уверены в себе и никакого желанья драться не проявляют. В одном случае надо их напугать, а в другом — увлечь.

Когда требуется охладить солдат и убеждения не помогают, то лучше всего отдать небольшую часть на расправу неприятелю, и тогда все остальные, бывшие и не бывшие в бою, сразу тебе поверят. Здесь можно обдуманно применить то, что у Фабия произошло случайно. Войско его, как вы знаете, требовало сражения с Ганнибалом; добивался этого и начальник конницы. Сам Фабий боя не хотел, но ввиду таких разногласий войско разделили. Фабий держал свои части в лагере, а начальник конницы пошел на битву, попал в тиски и был бы совершенно разбит, если бы тот же Фабий его не выручил. Этот пример вполне убедил и начальника конницы, и все войско, что Фабия надо слушаться.

Наоборот, когда нужно увлечь солдат в бой, то лучше всего обозлить их, передав им вражескую ругань, а

также убедить их в том, что у вас во вражеском стане есть связи, благодаря которым часть неприятельского войска подкуплена. Надо расположиться близко от неприятеля и завязывать легкие стычки, потому что люди легко теряют страх перед всем, что повторяется ежедневно. Наконец, надо изобразить гнев, вовремя произнести солдатам речь, упрекая их в трусости, и устыдить их тем, что ты пойдешь в бой один, если они не хотят за тобой следовать.

Чтобы ожесточить солдат, лучше всего принять еще такую предосторожность: запретить им до конца войны отсылать добычу домой и куда бы то ни было ее прятать; тогда они поймут, что бегством можно спасти жизнь, но не добро, которое они ценят не меньше, и будут драться за него с таким же упорством, как и за себя.

Заноби. Вы сказали, что можно словом увлечь солдат в бой. Надо ли, по-вашему, обращаться ко всему войску или только к начальникам?

Фабрицио. Убеждать или разубеждать немногих очень легко, потому что там, где слова не действуют, помогает власть или сила. Труднее расшевелить толпу, заставить ее отказаться от мнения, противного твоему собственному или вредного для общего блага. Здесь можно действовать только словом, и если вы хотите убедить всех, то надо говорить перед всеми. Поэтому выдающиеся полководцы должны быть ораторами, ибо едва ли можно чего-нибудь добиться, если не умеешь говорить перед целым войском. В наше время это искусство совершенно исчезло. Прочтите жизнь Александра Великого, и вы увидите, как часто приходилось ему увещевать людей речами, обращенными ко всему войску; без этого он никогда не мог бы провести по

аравийским пустыням в Индию солдат, разбогатевших от военной добычи, среди величайших лишений и опасностей. Ведь война — это бесконечная цепь случайностей, каждая из которых может погубить войско, если полководец не умеет или не привык говорить с солдатами, ибо слово рассеивает страх, зажигает души, укрепляет стойкость, раскрывает обман, обещает награду, разоблачает опасность и указывает пути к спасению, дает надежду, восхваляет или клеймит, вообще вызывает на свет все силы, способные воспламенить или уничтожить человеческую страсть.

Поэтому князь или республика, замышляющие создание нового войска, должны приучить своих солдат выслушивать речь вождя, а самого вождя — научить говорить с солдатами. В древности могучим средством удерживать солдат в повиновении были религия и клятва верности, произносившаяся перед выступлением в поход; за всякий проступок им грозила не только человеческая кара, но и все ужасы, какие может ниспослать разгневанный Бог. Эта сила, наряду с другими религиозными обрядами, часто облегчала полководцам древности их задачу и облегчала бы ее всюду, где сохранился страх Божий и уважение к вере. Серторий уверял свои войска, что победа обещана ему ланью, которая общается с богами; Сулла толковал им о своих беседах со статуей, увезенной из храма Аполлона; а во времена отцов наших французский король Карл VII, воевавший с англичанами, говорил, что ему подает советы девушка, ниспосланная Богом, которую всюду называли Девой Франции и приписывали ей победу.

Полезно также возбудить в своих солдатах пренебрежение к противнику; так поступал спартанец Агеси-

лай, показавший своим солдатам нескольких персов голыми, дабы его воины, увидев эти хилые тела, поняли, что таких врагов бояться нечего. Другие вынуждали своих воинов к бою, заявив, что единственная надежда на спасение — это победа. Последнее средство — самое сильное и лучше всего развивает в солдате стойкость. Стойкость эта еще укрепляется любовью к родине, привязанностью к вождю и доверием к нему. Доверие же создается хорошим оружием и боевым строем, одержанными победами и высоким мнением о полководце. Любовь к родине дана природой, любовь к вождю создана его талантами, которые в этом случае важнее всяких благодеяний. Необходимость многолика, но она безусловна, если на выбор остаются победа или смерть.

КНИГА ПЯТАЯ

Фабрицио. Я объяснил вам, как строится войско в боевой порядок для битвы с наступающим на него противником, рассказал о том, какими путями достается победа, и прибавил к этому много подробностей о случайностях, возможных во время сражения. Надо показать вам теперь, как располагается войско против врага невидимого, нападения которого можно ждать с минуты на минуту. Это бывает при движении войска в земле неприятельской или затаенно враждебной.

Надо прежде всего сказать вам, что римляне обычно высылали вперед часть конницы для осмотра дороги. За ней следовало правое крыло со всем своим обозом. Позади шли два легиона с обозами, за ними левое крыло с обозом и, наконец, остальная конница. Таков был обычный походный порядок. Если войско в пути подвергалось нападению спереди или с тыла, все обозы сейчас же удалялись в сторону, вправо или влево, в зависимости от характера местности. Остальные войска, освободившись от вешей, немедленно выстраивались в боевой порядок и двигались навстречу врагу.

Если нападение шло с фланга, обозы отводились в противоположную безопасную сторону, а войска отражали неприятеля. Я считаю этот хороший и точно продуманный порядок прекрасным образцом и буду точно так же высылать вперед легкую конницу для разведывания местности; далее пойдут одна за другой мои 4 бригады с обозами. Обозы бывают двоякие: одни служат для перевозки солдатских вещей, другие нагружены имуществом, принадлежащим всему войску. Поэтому я разделяю полковые обозы на четыре части и отдаю каждой бригаде свою; артиллерия и все нестроевые тоже делятся по бригадам, дабы разложить этот груз одинаково на всех. Однако иногда войску приходится идти по стране не просто подозрительной, а настолько враждебной, что ты можешь всегда опасаться нападения. Тогда надо, ради большей безопасности, изменить походный порядок и двигаться таким строем, который вполне обезопасил бы тебя как от местных жителей, так и от всякого внезапного нападения неприятельского войска.

Полководцы древности в этих случаях двигались в каре — строе, называвшемся так не потому, что он вполне воспроизводил форму квадрата, а потому, что он хорошо приспособлен для боя на четыре стороны. Они говорили, что, идя этим порядком, они готовы и к походу, и к битве. Я не намерен отдаляться от этого образа и буду следовать ему при построении 2 бригад, составляющих мое войско.

Итак, я принимаю все меры к безопасному движению по неприятельской стране и вместе с тем хочу быть готовым отразить внезапное нападение, откуда бы оно ни шло; следуя древним, я располагаю войско в каре,

внутри которого остается пустое пространство в 212 локтей с каждой стороны. Прежде всего я выстраиваю фланги на расстоянии 212 локтей друг от друга и устанавливаю на каждом из них колонну в 5 батальонов на расстоянии 3 локтей один от другого; каждый батальон занимает в глубину 40 локтей, а все вместе — 212, считая оставленные между ними интервалы.

Между флангами размещаются в голове и в хвосте остальные 10 батальонов, по 5 с каждой стороны, причем 4 пристраиваются к головному батальону правого фланга и столько же к заднему батальону левого фланга с интервалами в 4 локтя; далее пристраиваются по 1 батальону к голове левого и к хвосту правого фланга. Батальоны, построенные таким образом, вширь, а не вглубь, занимают вместе с интервалами пространство в 134 локтя, между тем как пространство, разделяющее фланги, равно 212 локтям. Таким образом, между 4 батальонами, примыкающими к голове правого фланга, и пятым, пристроенным к голове левого, остается интервал в 78 локтей. Такой же промежуток образуется и между батальонами, поставленными в хвосте, с той только разницей, что у задних батальонов он будет с правой, а у передних — с левой стороны.

Весь левый интервал в 78 локтей будет занят 1000 действующих, а правый — другой 1000 запасных великов. Мы уже сказали, что интервал внутри моего каре составляет 212 локтей с каждой стороны; поэтому батальоны, поставленные в голове и в хвосте, не должны занимать ни одной части пространства, приходящегося на фланги. Придется, следовательно, осадить заднюю линию так, чтобы передняя ее шеренга выровнялась с задней шеренгой флангов, а головную продви-

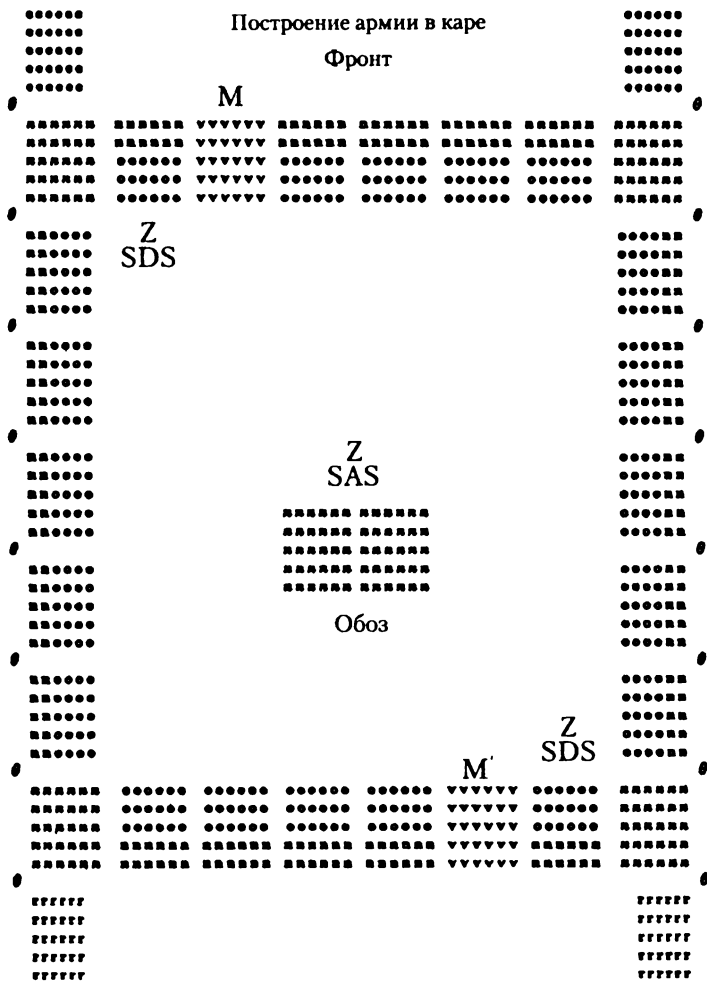

Рис. 5

нуть настолько, чтобы задняя шеренга соприкасалась с передней шеренгой на флангах. Таким образом, на крайних участках всего построения образуются входящие углы, которые могут принять в себя по 1 батальону, т. е., в общем, еще 4 батальона запасных пикинеров; оставшиеся 2 батальона пикинеров станут внутри каре, где будет находиться и командующий всем войском со своим отборным отрядом.

Батальоны, построенные таким образом, двигаются все в одну сторону, но сражаются в разных направлениях; поэтому надо разместить войска так, чтобы прикрыть все части, которым особенно грозит нападение. Головные 5 батальонов защищены со всех сторон, кроме фронта. Следовательно, по нашему боевому порядку пикинеры ставятся у них в первые шеренги; задние 5 батальонов открыты для нападения только с тыла; поэтому пикинеры стоят у них в последних шеренгах, как я вам уже в свое время объяснял. 10 батальонов правого и левого флангов могут ждать нападения только с внешней стороны флангов; поэтому, выстраивая их в боевой порядок, надо разместить пикинеров на угрожаемых сторонах.

Декурионы идут в голове и в хвосте, дабы в случае боя все части по их указаниям были на местах; подробности я уже объяснял, когда мы говорили о построении батальона в боевой порядок. Артиллерию я считаю нужным разделить и расположить ее за флангами с правой и с левой стороны. Легкая конница будет выслана вперед на разведку. Тяжелая конница идет сзади на правом и левом флангах на расстоянии 40 локтей от хвоста последних батальонов.

Заметьте себе как общее правило, что при любом боевом порядке конница всегда ставится позади или

на флангах. Если вы располагаете ее впереди, необходимо выдвинуть ее настолько далеко, чтобы она в случае поражения могла отступить, не расстраивая пехоту, или оставить между батальонами широкие интервалы для свободного пропуска всадников. Не пренебрегайте этим правилом: многие полководцы, забывшие о нем, были разбиты по собственной вине. Обозы и нестроевые помещаются внутри каре, оставляя интервалы для прохода от одного фланга к другому или от головы войска к его хвосту. Батальоны без артиллерии и конницы занимают с внешней стороны каждого фланга пространство в 282 локтя. Все каре составлено из двух бригад, так что необходимо точно указать их места. Бригады, как вы знаете, обозначаются по номерам; каждая состоит из 10 батальонов, соединенных под начальством командира бригады. Поэтому батальоны первой бригады занимают линию фронта и левый фланг, а начальник становится в левом углу фронта. Вторая бригада занимает правый фланг и заднюю линию, а начальник становится в правом углу, выполняя обязанности римского *tergiductor'a*.

Войско, построенное таким образом, выступает в поход и должно строго соблюдать во время движения этот боевой порядок, вполне обеспечивающий его от нападений местных жителей. Командующему не приходится принимать против них никаких особенных мер; достаточно отдать иной раз приказ легкой коннице или отряду велитов отбросить их подальше. Беспорядочная толпа никогда не решится подойти к войску на расстояние меча или пики, ибо разрозненная масса всегда боится правильно устроенной силы; она будет подбегать к войску с устрашающими криками, будет грозить

ему, но никогда не сунется слишком близко. Когда Ганнибал, на несчастье римлян, явился в Италию, он прошел всю Галлию, не обращая никакого внимания на полчища туземцев.

Во время марша следует высылать для починки дорог пионеров, защищая их конными отрядами, отправленными на разведку. Войско может проходить в таком порядке 10 миль в день, и у него останется в запасе еще достаточно времени, чтобы разбить лагерь и поужинать, так как при обыкновенном порядке движения покрывается 20 миль.

Представим себе теперь, что против нас выступают правильные неприятельские силы. Это не может произойти неожиданно, так как всякое настоящее войско идет мерным воинским шагом и этим дает себе время построиться в боевой порядок в форме, описанной мною раньше или близкой к ней. Если нападение идет спереди, достаточно выслать вперед артиллерию, расположенную на флангах, и конницу, следующую позади, приказав им занять места, указанные заранее. 1000 велитов, находящихся впереди, разделяются на два отряда по 500 человек и отходят на свои места между конницей и фланговыми частями пехоты. Оставшиеся пустоты заполняются двумя батальонами запасных пикинеров, стоящих внутри каре. 1000 велитов, идущих сзади, рассыпаются по флангам батальонов для их прикрытия. Обоз и нестроевые части отъезжают назад через образовавшийся проход и располагаются в тылу. Когда внутреннее пространство очищено и все стали на свои места, 5 задних батальонов подаются вперед и направляются через интервал, разделяющий фланги, к головным батальонам; первые 3 останавливаются на

расстоянии 40 локтей от первой линии, сохраняя между собой равные интервалы, а 2 батальона остаются позади, тоже на 40 локтей.

Такое построение производится быстро и очень похоже на тот боевой порядок, который я вам объяснял первым; фронт его несколько короче, но фланги защищены лучше, и это дает ему не меньшую крепость. У 5 батальонов задних линий пики, как мы уже говорили, стоят в задних шеренгах; теперь надо выдвинуть их вперед на подкрепление передовой линии. Поэтому нужно или сделать побатальонно контрмарш, или немедленно пропустить пикинеров через интервалы, оставленные между щитоносцами, и вывести их вперед. Этот способ короче и проще. Такое продвижение задних батальонов вперед необходимо при всяком нападении, как я вам покажу это далее.

Если неприятель появляется с тыла, то прежде всего поверните все войско налево кругом; задняя линия каре станет передней, а дальше вы будете распоряжаться, как я уже говорил. Если враг нападает на правый фланг, все войско поворачивается направо, и угрожаемый фланг становится фронтом, для защиты которого надо делать все, что я вам только что описал. Само собой понятно, что конница, велиты и артиллерия занимают места соответственно с новой линией фронта. Разница только в том, что при изменении фронта одни части продвигающихся войск должны ускорить, а другие, наоборот, замедлить шаг.

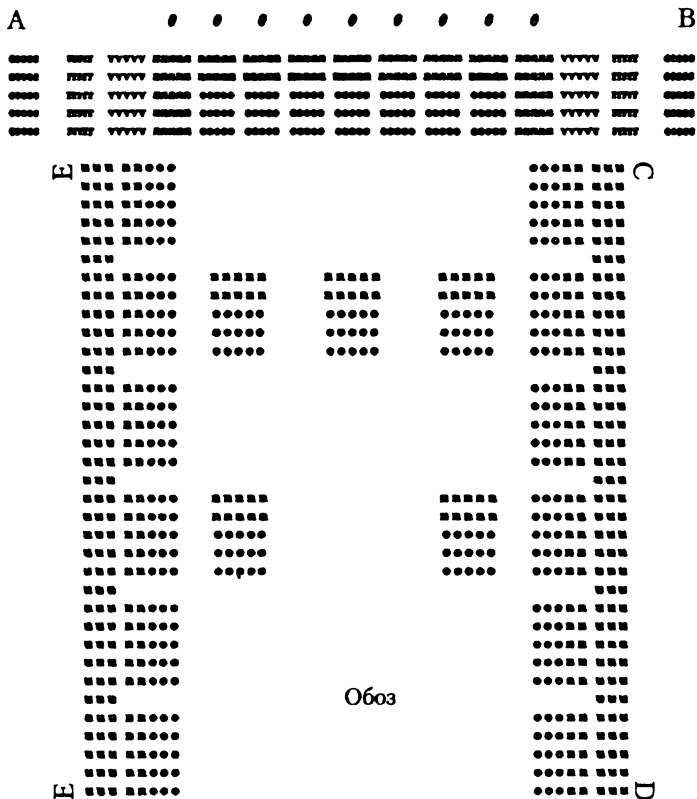
Если фронтом становится правый фланг, то велиты, которым надо пройти в интервалы между крайними батальонами пехоты и конницей, окажутся ближе всех к левому флангу, а место их займут два батальона

запасных пикинеров, расположенных внутри каре, пропустив сперва обозы и нестроевые части, отъезжающие за левый фланг, ставший теперь тылом всего войска. Остальные велиты, находившиеся по первоначальному построению в хвосте, останутся на месте, чтобы не было пустот в тылу войска. Все остальное происходит без изменений.

Все, что я говорил о том, как отражать нападение на правый фланг, вполне применимо и к атаке на левый, так как в обоих случаях соблюдается тот же порядок. Если враг превосходными силами нападает на тебя с двух сторон, подкрепи сражающиеся войска батальонами неатакованных фасов каре, удвой число шеренг и расположи в полосах наступления противника артиллерию, велитов и конницу. Если неприятель появляется с трех или с четырех сторон, это значит, что или он, или ты не знаете своего дела. Умный военачальник никогда не допустит, чтобы враг мог напасть на него со всех сторон многочисленными и благоустроенными войсками. Сделать это с уверенностью в успехе противник может только при огромном численном превосходстве, позволяющем ему наступать с каждой стороны каре силами, равными почти всему твоему войску. Если ты так безрассуден, что углубляешься во вражескую страну при тройном перевесе сил у противника и тебе потом придется плохо, то пенять можно только на самого себя. Если это случится не по твоей вине, ты погибнешь с честью, как Сципионы в Испании и Гасдрубал в Италии.

Наоборот, если силы врага немногим больше твоих и он нападает с нескольких сторон, рассчитывая привести твои войска в замешательство, он делает глу-

ПОСТРОЕНИЕ БОЕВОГО ПОРЯДКА ИЗ КАРЕ

Примечание. АВ означает фронт боевого порядка; CD — правый фронт; ЕЕ — левый фланг.

Рис. 6

пость, выгодную только тебе. Ведь он неминуемо должен при этом так ослабить себя на всех пунктах, что ты легко можешь опрокинуть одну из наступающих частей, сдерживая в то же время остальные, и в короткое время разбить противника начисто.

Я объясняю вам способ построения войска против врага невидимого, но угрожающего нападением. Знать его необходимо, и будет очень полезно, если вы приучите солдат строиться и двигаться в этом порядке, располагаться на походе для головного боя, переходить затем обратно в походный порядок, превращать заднюю линию во фронтную, перестраиваться для фланговой битвы и возвращаться, наконец, к первоначальному построению.

Все эти упражнения безусловно необходимы, если вы хотите создать благоустроенные войска, годные для войны. Над этим обязаны трудиться полководцы и правители, ибо все военное дело не что иное, как искусство правильного приказанья и точного выполнения описанных мною действий. Хорошо обучена только та армия, которая приобрела большой навык во всех этих упражнениях. Поэтому не может быть разбит полководец нашего времени, давший своим войскам настоящее военное воспитание. Правда, построение в каре, которое я вам излагал, несколько сложнее других, но сложность здесь важна именно для упражнений, и, когда войско привыкнет к этому строю и научится его сохранять, оно уже совсем легко будет выполнять менее трудные движения.

Заноби. Я согласен с вами, что все эти действия безусловно необходимы, и ничего не могу ни прибавить, ни убавить. Однако мне хотелось бы спросить вас о двух

вещах: как подается команда, когда армия, на которую напали с тыла или с фланга, поворачивается лицом к врагу, — голосом или боевой музыкой? Второй вопрос: берете ли вы рабочих, высылаемых на починку и прокладывание дорог, из числа своих же нестроевых солдат или набираете на эту черную работу народ со стороны?

Фабрицио. Первый вопрос ваш очень важен, так как часто случалось, что из-за ошибки в передаче или понимании приказа в войсках начиналось замешательство. Поэтому команда в опасную минуту должна быть ясной и отчетливой. Если пользуются музыкой, звуки ее должны так точно различаться, чтобы смешение их было немыслимо. Если команда подается словом, необходимо избегать всяких общих выражений, а употреблять слова вполне определенные и выбирать из них только такие, которые исключают всякое недоумение. Слово «назад» много раз приводило к поражению войска, поэтому так говорить нельзя, а команда должна быть — «кругом». Если вы хотите изменить линию фронта, повернув армию вправо или кругом, никогда не говорите: «Повернитесь!», а командуйте: «Направо!», «Налево!», «Кругом!», «Во фронт!» Точно так же всякая другая команда должна быть простой и ясной, например: «Сомкни ряды!», «Смирно!», «Вперед!» Вообще, когда это только возможно, надо командовать словом. Команда, не передаваемая голосом, подается музыкой.

Что касается вашего второго вопроса, т. е. о рабочих, то я бы употреблял для этих работ своих же солдат. Во-первых, потому, что так поступали древние; во-вторых, потому, что это уменьшило бы в моих войсках число нестроевых и избавило бы их от лишнего груза.

Я нарядил бы из каждого батальона столько народу, сколько требуется, снабдив его необходимым инструментом, а оружие велел бы передать людям, идущим в голову батальона; эти люди при появлении неприятеля должны были бы только возвратить оружие пионерам и принять их в свои ряды.

Заноби. Кто же понесет инструменты?

Фабрицио. Они погружаются на особые повозки.

Заноби. Боюсь, что вам никогда не удастся постащить ваших солдат на земляные работы.

Фабрицио. Я отвечу в свое время. Сейчас я об этом говорить не буду, а скажу вам о другом, именно о продовольствии войск. Мы, кажется, так утомили солдат, что пора освежить их и подкрепить пищей.

Каждый правитель должен стараться обеспечить своим войскам наибольшую подвижность и устранить все, что задерживает их и затрудняет военные действия. Одна из самых больших трудностей — это снабжение войск вином и хлебом. О вине древние не заботились и, когда его не было, пили воду, слегка разбавленную для вкуса уксусом; поэтому для них одним из главных предметов продовольствия войск был уксус, а не вино. Они не выпекали хлеба, как это делается теперь у нас в городах, а запасались мукой, которую каждый месил как хотел, приправляя ее салом и свиным жиром. Это придавало хлебу вкус и хорошо поддерживало силы солдат.

Таким образом, продовольствие войска состояло из муки, уксуса, сала, свиного жира и ячменя для лошадей. За войском следовало обычно несколько стад крупного и мелкого скота, не требовавшего перевозки и не причинявшего поэтому особенных затруднений. При

таким порядке войско могло делать многодневные переходы по пустынным и трудным местам, не испытывая лишений, так как все продовольствие было тут же в тылу и могло легко доставляться.

Совершенно по-иному обстоит дело в современных войсках, которые не хотят обходиться без вина и требуют хлеба, выпеченного домашним способом; запастись его надолго невозможно, так что солдаты часто остаются голодными, а если снабжение удастся наладить, то лишь ценой невероятных трудов и расходов. Поэтому я изменил бы все снабжение продовольствием своих войск и кормил бы их только тем хлебом, который они выпекали бы сами. Что касается вина, то я не запрещал бы ни пить, ни доставлять его войску, но не прилагал бы ни малейших трудов, чтобы его получить. В отношении других запасов я следовал бы целиком античным образцам. Если вы внимательно обдумаете мою мысль, то увидите, от какого множества затруднений, неудобств и тягот избавляются этим путем полководец и войско и насколько облегчается их задача.

Заноби. Мы разбили неприятеля в бою и прошли затем по его земле. Естественно, что при этом захвачена добыча и взяты пленные, а города обложены данью. Мне хотелось бы знать, как поступали в этих случаях древние.

Фабрицио. Ответить очень легко. Я, помнится, уже обращал ваше внимание на то, что современные войны разоряют одинаково и победителей, и побежденных, так как одни теряют свои владения, а другие — деньги и имущество. В древности было не так, и победитель от войны только богател. Причины здесь в том, что теперь с добычей поступают не так, как в те време-

на, а оставляют ее целиком на разграбление солдатам. Это приносит огромный, и притом двойной, вред. Об одном я только что сказал. Вред другого рода в том, что люди становятся все более алчными и все менее думают о своих обязанностях. Как часто уже одержанная победа превращалась в поражение, потому что солдаты бросались грабить!

Римляне, наши учителя в военном искусстве, предотвращали эту двойную опасность прежде всего тем, что вся добыча была по закону собственностью государства, распределявшего ее по своему усмотрению. Далее, при войске находились квесторы, нечто вроде наших казначеев, обязанные собирать всю дань и добычу, из которой консул платил обычное жалованье солдатам, помогал раненым и больным и покрывал все другие расходы по войску. Консул, конечно, мог отдать и часто отдавал добычу солдатам, но эта милость не вызывала никакого беспорядка, так как после победы вся добыча сносилась в одно место и раздавалась каждому, в зависимости от чина.

Этот порядок заставлял солдат драться для победы, а не для грабежа. Римские легионы разбивали неприятеля, а не гнались за ним, так как солдат никогда не смел уйти из рядов. Врага преследовали только конница, легковооруженные и прочие солдаты — не легионеры. Если бы добыча предоставлялась всякому, кто ее захватил, то удержать легионы не было бы ни возможности, ни смысла, и это повлекло бы за собой множество опасностей. Наоборот, римский способ обогащал государство, и каждый консул, возвращавшийся с триумфом, отдавал огромные сокровища казне, составлявшей целиком из дани и добычи.

Римляне применяли и другой прием, тоже весьма разумный: каждый солдат обязан был отдавать треть жалованья знаменосцу своей когорты и получал его обратно только по окончании войны. Это делалось с двойной целью: во-первых, приучить солдата накапливать из жалованья некоторую сумму, так как большая часть войска состояла из людей молодых и беспечных, которые чем больше получают денег, тем лучше бросают их зря; во-вторых, римляне считали, что солдат будет заботливее охранять знамя и упорнее защищать его, зная, что здесь хранится его имущество. Таким образом, в людях развивались одновременно бережливость и храбрость. Все это — правила, которые надо соблюдать, если вы хотите восстановить настоящие устои всякого войска.

Заноби. Мне кажется, что поход не может пройти без каких-нибудь неожиданностей и опасностей, от которых войско может быть спасено только искусством начальника и доблестью солдат; если вы во время беседы вспомните какие-нибудь примеры, я очень просил бы вас о них рассказать.

Фабрицио. Очень охотно, тем более что это необходимо для полного понимания военного дела. Во время похода командующий должен больше всего бояться засад, в которые обычно попадают или нечаянно, или неосторожно, поддавшись какой-нибудь ловкой хитрости неприятеля. Чтобы избежать первой возможности, надо выслать двойные отряды на разведку и быть особенно внимательным, если местность удобна для засад, как это бывает в странах лесистых и гористых, где враг всегда прячется в лесу или где-нибудь за холмом.

Засада, которую ты не сумел вовремя рассмотреть, может погубить все войско, но она безвредна, если ты разгадал ее заранее. Часто удавалось обнаружить врага благодаря птицам и пыли. Выступающий неприятель всегда поднимает целую тучу пыли, предупреждающую о его приближении. Наблюдая во время похода стаи голубей и других птиц, кружащихся в воздухе, но никуда не опускающихся, полководцы множество раз догадывались, что здесь скрывается засада, и высылали вперед отряды, которые обнаруживали неприятеля; они спасались этим сами и били врага.

Другая возможность — это попасть в засаду, в которую враг заманивает тебя хитростью. Чтобы избежать ее, надо всегда быть настороже и не верить никаким неправдоподобным вещам. Например, если враг легко позволяет тебе захватить какую-нибудь добычу, знай, что ты можешь попасться на крючок и что здесь скрывается обман. Если многочисленный неприятель убегает от нескольких твоих солдат или, наоборот, кучка врагов бросается на большой отряд твоих войск, если противник неожиданно и безрассудно обращается в бегство — бойся обмана и никогда не думай, что враг не знает, что делает. Избежать хотя бы отчасти этих ловушек и вообще меньше рисковать можно только одним путем — чем слабее и неосторожнее противник, тем ты должен быть осмотрительнее сам. При этом действуй двояко: бойся неприятеля мысленно и принимай все необходимые меры, но на словах и внешне относись к нему пренебрежительно, ибо ты этим ободряешь солдат и усиливаешь в них надежду на победу. Первое же правило научает тебя осторожности и уменьшает риск попасться в расставленные сети. Знай, что движение

по вражеской земле таит в себе большие опасности, чем битва.

Поэтому командующий войском обязан быть осторожным вдвойне; прежде всего у него должны быть точное описание и карта местности, по которой приходится проходить, дабы он знал в ней все: число поселений, расстояние, дороги, горы, реки, болота и свойства их.

Для лучшей осведомленности при полководце должны быть местные люди, знатоки края, которых он будет усердно расспрашивать и затем сличать их показания, отмечая все, что в них совпадает. Он должен высылать вперед конные отряды с толковыми начальниками, которым поручается не столько обнаруживать неприятеля, сколько изучать страну, дабы командующий мог убедиться, согласуются ли их сведения с картами и с известиями, полученными из других источников. Кроме того, впереди должны идти под конвоем проводники, знающие, что их ожидает либо награда, либо жестокое наказание за измену.

Само войско не должно знать, в какое дело его ведут; и это самое важное, ибо самое главное на войне — это умение скрывать свои намерения. Дабы солдаты не растерялись от внезапного нападения, надо предупреждать их, что возможен бой и они должны быть наготове; ведь все ожидаемое этим самым уже не так страшно. Многие полководцы во избежание замешательства в походе помещали обоз и нестроевых отдельными частями при знаменах каждого батальона и приказывали им следовать за ними, дабы войскам легче было остановиться на отдых или отступить. Такие распоряжения полезны, и я их вполне одобряю.

Точно так же необходимо принять в походе все меры, чтобы одна войсковая часть не отрывалась от другой и чтобы солдаты шли ровно, так как, если один идет быстро, а другой медленно, колонна разъезжается и начинается беспорядок. Поэтому на флангах должны быть начальники, наблюдающие за равномерностью движения, удерживая слишком рьяных и подгоняя отсталых; вообще шаг лучше всего устанавливается музыкой.

Необходимо также расширять дороги, чтобы по ним можно было проходить по крайней мере фронтом одного батальона. Следует изучить привычки и свойства врага, т. е. знать, предпочитает ли он нападать утром, в полдень или вечером и силен ли он пехотой или конницей. Сообразно с этими сведениями делаются распоряжения и принимаются нужные меры.

Однако приведем какой-нибудь пример. Случается, что ты отступаешь под напором сильнейшего врага, с которым ты по этой причине стараешься избежать боя; отходя, ты оказался у берега реки, переправа через которую тебя задержит и позволит противнику догнать твои войска и напасть на них. Некоторые полководцы, очутившиеся в такой опасности, приказывали окопать войско рвом, набить его паклей и зажечь; переправа совершалась беспрепятственно, так как огонь останавливал неприятеля.

Заноби. Мне не верится, чтобы подобный пожар мог остановить противника; я слышал когда-то, что карфагенский полководец Ганнон, окруженный врагами, приказал развести огни именно с той стороны, где он решил прорваться. Неприятель считал ненужным подстергать его в этих местах, и Ганнон провел свои вой-

ска через пламя, приказав солдатам закрыть себе лица щитами, чтобы не обжечься и не задохнуться.

Фабрицио. Вы правы, но обратите внимание на разницу между тем, что я сказал, и тем, что сделал Ганнон. Я говорил, что полководцы окапывали войско рвом, набитым горячей паклей, так что преследователям надо было преодолеть и пламя, и ров. Ганнон же не выкапывал никакого рва, но просто велел развести огонь, а так как он хотел пройти, то огонь был, вероятно, не очень сильный, иначе он помешал бы ему даже и без рва. Разве вы не помните, что спартанский царь Набис, осажденный римскими войсками, велел поджечь часть города, чтобы остановить римлян, уже ворвавшихся в ограду? Пожар не только преградил им дорогу, но и заставил их уйти.

Вернемся, однако, к предмету разговора. Римский консул Квинт Лутаций Каттул, преследуемый кимврами, подошел к какой-то реке и, желая выиграть время для переправы, притворился, что хочет дать врагу бой. Он сделал вид, будто располагает лагерем, велел выкопать рвы, разбить несколько палаток и послал небольшие отряды конницы за фуражом в окрестные поля. Кимвры, решив, что он остановился, тоже расположились на отдых и разделили свое войско на несколько частей, чтобы легче добыть продовольствие. Заметив это, Лутаций сейчас же перешел реку на глазах неприятеля, совершенно бессильного ему помешать. Чтобы перейти реку, на которой не было мостов, некоторые полководцы отводили ее течение и выкапывали ей в тылу у себя новое русло; река мелела, и солдаты легко переходили ее вброд.

Если хотят переправить пехоту вброд через очень быструю реку, то тяжелая конница частью въезжает в

воду несколько выше места переправы, чтобы ослабить стремительность течения, а частью становится ниже для спасения солдат, унесенных водой. Если река непереходима вброд, то переправа происходит по мостам, на лодках или бурдюках; эти перевозочные средства всегда должны иметься в необходимом количестве.

Случается, что при переправе через реку на другом берегу появляется неприятель и преграждает тебе дорогу. Лучше всего поступить тогда по примеру Цезаря, когда он в Галлии оказался с войском у берегов какой-то реки, на другом берегу которой находился галльский вождь Верцингеторик со своими отрядами. Цезарь несколько дней подряд двигался вдоль берега — и то же самое делал неприятель. Наконец он остановился в густом лесу, где можно было легко спрятать войско, отделив от каждого легиона 3 когорты, приказав им оставаться на месте и сейчас же после его ухода перебросить через реку мост и укрепить его; сам же с остальной частью войска пошел дальше. Верцингеторик опять двинулся за ним, так как видел перед собой то же число легионов и не думал, что какая-нибудь часть их осталась позади. Цезарь же, рассчитав время, когда мост должен был быть готов, повернул обратно и, найдя все в порядке, переправился через реку без всякого затруднения.

Заноби. Знаете ли вы какой-нибудь способ находить брод?

Фабрицио. Да. Стоячие воды реки всегда отделены от текущих особой полосой; в этом месте река обычно мелка, и можно перейти ее вброд, так как здесь наносится песок, увлеченный течением со дна. Этот способ определять брод множество раз проверялся на опыте и безусловно точен.

Заноби. Как поступите вы, если дно окажется вязким и лошадей начнет затягивать?

Фабрицио. В этих случаях в воду бросают фашины и переправляются по ним. Однако не будем отклоняться от главного. Бывает иногда, что полководец зайдет со своим войском в ущелье между двумя высокими горами, из которого есть только два выхода и оба заняты неприятелем. Тогда остается лишь пуститься на хитрость, уже испытанную в таких обстоятельствах: надо перекопать ущелье сзади глубоким, труднодоступным рвом и внушить неприятелю, что вы постараетесь задержать его на этом участке и, обеспечив свой тыл, будете всеми силами прорываться через свободный проход.

Неприятель, поддавшийся на эту уловку, укрепляется со стороны свободного выхода из ущелья и перестает обращать внимание на часть ущелья, закрытую рвом. Тогда вы перебрасываете через ров деревянный мост, заготовленный уже раньше, и, беспрепятственно пройдя по нему, ускользаете от противника. Римского консула Луция Минуция, воевавшего в Лигурии, враги загнали в ущелье, отрезав ему все выходы. Решив все же прорваться, консул выслал в направлении, занятом неприятелем, несколько бывших у него в войске нумидийских всадников, плохо вооруженных, ехавших на маленьких тощих лошадаках. Враги заметили их и сначала приготовились к защите прохода, но, увидев, что эти люди едут в беспорядке на лошадях, которые, по их понятиям, никуда не годятся, успокоились и перестали за ними следить. Нумидийцы сейчас же воспользовались этой оплошностью, дали шпоры лошадям, ударили по врагу и пробились с такой быстротой, что неприятель ничего с ними сделать не мог; вы-

рвавшись на волю, они грабили и опустошали местность и этим заставили противника отойти, выпустив войска Луция из ловушки.

Некоторые полководцы, защищаясь против сильнейшего противника, стягивали все свои силы на небольшом пространстве и позволяли окружить себя, а потом, заметив слабейшее место неприятельской линии, направляли на него главный удар, пробивали себе дорогу и благополучно уходили.

Марк Антоний, преследуемый парфянами, обратил внимание на то, что они всегда нападали на него в самый момент выступления, на рассвете, и потом всю дорогу не переставали его тревожить; поэтому он отдал приказ не выступать до полудня. Парфяне решили, что он в этот день дальше не двинется, и возвратились в свои палатки, а Антоний весь день шел совершенно спокойно. Тот же полководец придумал для защиты от парфянских стрел такое средство: он приказал солдатам опуститься при появлении неприятеля на одно колено, причем вторая шеренга щитами своими закрывала первую, третья — вторую, четвертая — третью и так далее; все войско оказалось таким образом прикрытым как бы кровлей, защитившей его от вражеских луков.

Вот все, что я мог сказать вам о неожиданностях, возможных во время похода. Если у вас нет вопросов, перейдем теперь к другому предмету беседы.

КНИГА ШЕСТАЯ

Заноби. Мне кажется, я должен сейчас сложить свои обязанности и передать их Баттисте, так как разговор наш переходит на другие предметы. Мы последуем в этом примеру хороших полководцев, которые, по словам синьора Фабрицио, размещают лучших солдат спереди и сзади, дабы передовые линии отважно начали бой, а задние так же отважно его завершили. Козимо разумно повел беседу, и Баттиста столь же разумно ее закончит. Мы с Луиджи поддерживали ее, как могли. Каждый из нас нес свою долю охотно, и Баттиста, думается мне, тоже не откажется.

Баттиста. Я подчинялся до сих пор руководству друзей, готов подчиняться ему и дальше. Итак, синьор, благоволите продолжать вашу речь и простите, что мы прерываем вас этими любезностями.

Фабрицио. Я уже говорил вам, что это мне только приятно. Прерывая меня, вы не утомляете, а, наоборот, освежаете мою мысль.

Вернемся, однако, к главному предмету беседы — нам надо теперь устроить лагерь для войск. Вы знаете, что все в мире стремится к отдыху и безопасности, ибо,

когда нет настоящего спокойствия, отдых не полон. Может быть, вы считали бы более правильным, чтобы я сначала расположил войско в лагере, затем рассказал бы вам о походном порядке и закончил боевым построением, между тем как мы шли обратным путем. Мы были вынуждены так поступить, ибо, описывая вам походный порядок и перестройку его из походного в боевой, мне нужно было сначала показать, как войско строится к бою.

Возвращаясь, однако, к началу беседы, я должен сказать, что лагерь безопасен только тогда, когда он крепок и благоустроен. Благоустройство дается распорядительностью полководца, крепость — природой и искусством. Греки любили защищенные места и никогда не остановились бы лагерем там, где нет ни скал, ни речного обрыва, ни леса, ни другой естественной защиты. Римляне же полагались в этих делах не столько на природу, сколько на искусство и никогда не устроили бы лагеря в местности, где было бы невозможно развернуть все войско по принятым у них правилам. Это давало им возможность всегда придерживаться одной формы лагерного устройства, ибо они не подчинялись природе местности, а, наоборот, подчиняли ее себе.

Греки не могли так поступать, ибо приноравливались к местности, а так как характер ее меняется, то им точно так же приходилось изменять лагерное расположение войск и форму самого лагеря. Римляне же действовали иначе, и, если природа защищала их слишком слабо, они восполняли этот недостаток искусством и знанием.

В течение всей нашей беседы я настаивал на подражании римлянам и сейчас буду следовать им в деле

лагерного устройства войск, но возьму не все установления, а лишь то, что, по-моему, применимо к нашему времени.

Я вам уже несколько раз говорил, что консульские войска состояли из 2 легионов римских граждан, т. е. примерно 11 000 пехоты, 600 всадников, помимо этого еще 11 000 вспомогательных союзнических войск. Численного превосходства союзнических сил над своими никогда не допускалось, и только для конницы делалось исключение, так как в этих частях союзников могло быть даже больше, чем римлян; кроме того, римские легионы всегда сражались в центре, а союзники — на флангах. Такое же расположение войск сохранялось и в стане, как вы могли прочесть об этом у древних историков. Поэтому я не собираюсь описывать вам во всех подробностях устройство римского лагеря, а хочу рассказать только о том, как бы я расположил войско в лагере теперь, в наше время. Вы увидите тогда, в какой мере я следую римским образцам.

Вы знаете, что я, сообразуясь с силами двух римских легионов, составил свое войско из двух бригад пехоты, по 6000 пехоты и 300 человек конницы на бригаду, вы помните также, на какое число батальонов делится бригада, их вооружение и обозначение. Вы знаете, что при описании походного и боевого порядков я не вводил никаких новых войск, а только указал, что при удвоении сил достаточно вдвоить ряды.

Сейчас, когда я намерен показать вам лагерное расположение, я уже не ограничусь двумя бригадами, а возьму настоящее войско, составленное по римскому примеру из двух бригад и такого же числа вспомогательных сил. Делаю я это потому, что форма лагеря,

вмещающего целую армию, будет более правильной и законченной. Для предыдущих рассуждений этого не требовалось.

Итак, нам надо расположить лагерем войско полного состава, т.е. 24 000 пехоты и 2000 конницы, разделенное на 4 бригады, из коих 2 вспомогательные. Как только место для лагеря будет выбрано, я прикажу поставить в середине его главное знамя; вокруг него будет очерчен квадрат, стороны которого отстоят от знамени на 50 локтей каждая и обращены к четырем странам света — востоку, западу, югу и северу; в этом пространстве должна находиться ставка командующего. Я считал бы правильным, отчасти подражая в этом римлянам, отделить войска от нестроевых и обозов. Все строевые части или большинство их размещаются в восточной, нестроевые и обоз — в западной части лагеря, причем восточная часть будет фронтом, западная — тылом, южная и северная — флангами.

Теперь нам надо отметить участок лагеря, отведенный строевым войскам. Для этого от главного знамени к востоку проводится черта 680 локтей длиной. По обеим сторонам ее, на расстоянии 15 локтей, проводятся еще две параллельные линии такой же длины, крайняя точка которых обозначит место восточных ворот, а пространство между ними образует улицу, идущую от восточных ворот к ставке командующего. Ширина улицы — 30 локтей, длина — 630, так как пространство в 50 локтей отходит под ставку; улица эта называется Главной. Другая улица проводится от южных ворот к северным; соприкасаясь с концом Главной, она идет мимо ставки командующего к востоку от нее и пересекает весь лагерь; эта улица называется Перекрестной; длина ее — 1250 локтей, ширина — 30 локтей.

ПЛАН ЛАГЕРЯ

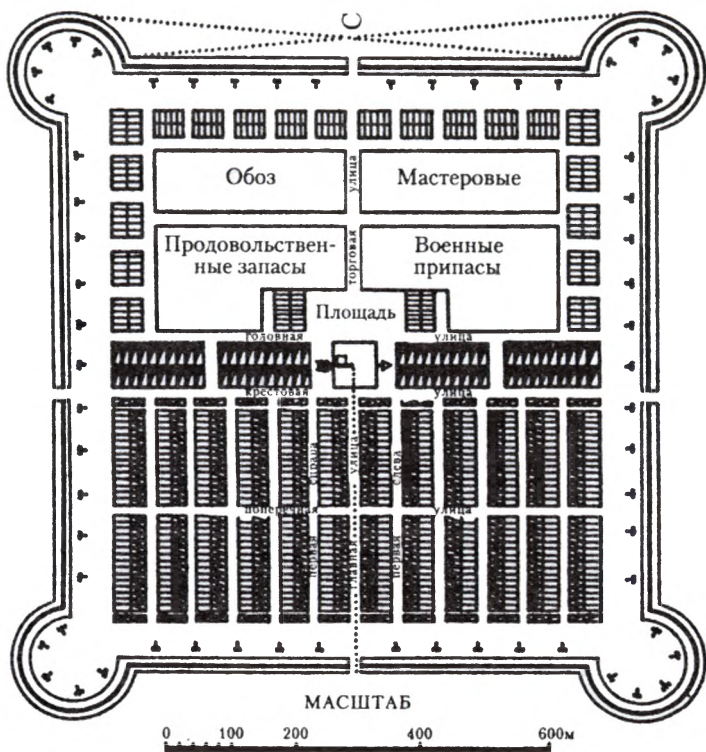

Рис. 7

Обозначив таким образом место ставки командующего и проложив две основные улицы, я приступаю к расположению 2 бригад собственных войск; одна из них будет размещена справа, другая — слева от Главной улицы. Перейдя Перекрестную улицу, я расположу справа и слева от Главной по 32 ставки, причем между 16-й и 17-й остается свободное пространство в 30 локтей, об-

разующе новую улицу, так называемую Поперечную, пересекающую все пространство, занятое ставками войск, как это будет видно из их распределения.

Первые две ставки с обеих сторон Перекрестной улицы отводятся начальникам тяжелой конницы; в остальных пятнадцати с каждой стороны ее размещаются жандармы, по 10 человек на ставку, так как на всю бригаду жандармов приходится 150. Ширина ставки начальника — 40 локтей, длина — 10 локтей, причем под шириной я всегда понимаю протяжение с юга на север, а под длиной — линию с запада на восток. Ставки жандармов рассчитаны на длину в 15 и ширину в 30 локтей.

За Поперечной улицей начинаются с обеих сторон новые ряды по 15 ставок, одинаковых по объему со ставками тяжелой конницы и занятых легкой кавалерией. В каждой ставке по тому же расчету помещается десять человек; 16-я, свободная ставка отводится начальнику и по размерам своим равна помещению начальника жандармов. Таким образом, ставки всей конницы обеих бригад расположатся по обе стороны Главной улицы и будут основой для разбивки походного лагеря, о чем я скажу дальше. Прошу вас запомнить, что я разместил 300 человек конницы каждой бригады с их начальниками в 32 ставках по Главной улице, начиная от Перекрестной, оставив между 16-й и 17-й ставками пространство в 30 локтей, образующее новую улицу — Поперечную.

Приступим теперь к расположению 20 батальонов, составляющих мои 2 бригады; для этого я отвожу каждым 2 батальонам помещение прямо за конницей. Размеры пехотных ставок — 15 локтей длины и 30 ширины, т.е. одинаковы со ставкой конницы, к которой они

непосредственно примыкают. Первое помещение с каждой стороны, начиная от Перекрестной улицы, в одном ряду со ставкой командира жандармов, назначается начальнику батальона; протяжение его — 20 локтей в ширину и 10 в длину. В остальных 15 отделениях с каждой стороны до Поперечной улицы размещается походный батальон в 450 человек, так что в каждой ставке будет по 30 солдат.

Следующие 15 отделений примыкают к ставкам легких конных частей и одинаковы с ними по размерам; здесь расположится другой батальон пехоты. Последняя ставка отводится начальнику пехоты и стоит в одном ряду с помещением командира легкой конницы; длина ее — 10, а ширина — 20 локтей. Таким образом, первые два ряда ставок будут заняты частью кавалерией, частью пехотой. Я считаю, что вся конница должна быть строевой, и не даю ей людей для чистки и присмотра за лошадьми, а возлагаю эту обязанность на пехотных солдат, помещенных в примыкающих ставках и освобожденных, по римскому примеру, от всякой другой лагерной службы.

За первыми двумя рядами ставок остается с каждой стороны Главной улицы свободное пространство в 30 локтей, образующее новые улицы, которые будут называться Первой улицей справа и Первой улицей слева; по их сторонам располагается опять двойной ряд из 32 отделений, примыкающих друг к другу; размеры их одинаковы с первыми, а 16-е и 17-е отделения разделены той же Поперечной улицей.

В этих рядах будут размещены с каждой стороны по 4 батальона пехоты с их начальниками в том порядке, о котором я уже говорил. За ними снова идет с каж-

дой стороны Главной улицы свободное пространство в 30 локтей для новых улиц, которые мы назовем Второй улицей справа и Второй улицей слева. По сторонам их располагается двойной ряд из 32 ставок, в которых разместятся еще по 4 батальона пехоты с их начальниками.

Таким образом, три двойных ряда помещений с каждой стороны улицы будут заполнены конницей и пехотой, составляющими вместе 2 обыкновенные бригады. Другие 2 вспомогательные бригады такого же состава размещаются, как и первые 2 бригады своих войск, т. е. в таких же двойных рядах ставок, причем первые ряды, назначенные для пехоты и конницы, отделяются от последних рядов основных бригад пространством в 30 локтей, образующим Третью улицу справа и Третью улицу слева. Сзади этих рядов расположатся с каждой стороны еще два ряда помещений совершенно такого же устройства, как и ставки основных бригад, образуя другие две улицы, обозначаемые по номеру и по их положению справа или слева от Главной.

Таким образом, для размещения всего войска потребуется 12 двойных рядов ставок и 13 улиц, включая Главную и Перекрестную. Наконец, между крайними лагерными помещениями и валом остается свободное пространство в 100 локтей, а вся площадь, занятая войсками, составит 680 локтей, считая от середины ставки командующего до восточных ворот.

Теперь у нас есть еще две незанятые площади от ставки командующего до южных и северных ворот, каждая в 625 локтей. Если вычтеть отсюда пространство в 50 локтей, занятое ставкой командующего, 45 локтей, оставленных с обеих сторон главной ставки,

улицу в 30 локтей, разделяющую каждое из этих пространств надвое, и 100 локтей между крайними ставками и валом, то с каждой стороны главной ставки остается еще место в 400 локтей ширины и в 100 локтей длины для лагерных помещений, считая длину их одинаковой с длиной ставки командующего. Разделив это пространство в длину пополам, я размещу с каждой стороны по 40 ставок в 50 локтей ширины и в 20 локтей длины, т. е. всего у меня получится 80 ставок для командующих бригадами, казначеев, квартирьеров и всех служащих, оставляя некоторые помещения для приезжающих иностранцев и для добровольцев, отправившихся на войну под покровительством командующего.

Сзади главной ставки прокладывается с юга на север улица в 30 локтей шириной, идущая вдоль всех этих 80 помещений и называемая Головной, так что ставка командующего и 80 других по обеим сторонам ее окажутся между улицами Головной и Перекрестной. От этой Головной улицы против главной ставки пройдет другая улица к западным воротам в 30 локтей шириной; она будет продолжением Главной и называется Торговой.

Затем я устрою в начале Торговой и напротив ставки командующего площадь для рынка, примыкающую к Головной улице; она должна иметь форму квадрата в 121 локоть по каждой стороне. Справа и слева от Рыночной площади идут два ряда помещений по 8 двойных ставок в каждом; длина их — 20 локтей, ширина — 30 локтей. Таким образом, с каждой стороны этой площади будет по 16 ставок, всего — 32. В них разместится излишек конницы вспомогательных бригад, и, если

места не хватит, им будут отведены ставки в одном ряду с главной, прежде всего ближайšie к лагерному валу. Остается устроить запасных пикинеров и велитов, состоящих при каждой бригаде. Ведь вы помните, что по нашему порядку в каждой бригаде помимо 10 батальонов имеется 1000 запасных пик и 500 запасных велитов. Таким образом, в 2 бригадах запасных пикинеров будет 2000, запасных велитов — 1000 при таком же числе их у вспомогательных войск. Приходится, следовательно, подумать о помещениях еще для 6000 пехотинцев; все они разместятся на западной стороне лагеря по валу. Для этого я оставляю вдоль вала свободное пространство в 100 локтей и расположу, начиная от северного конца Головной, двойной ряд из пяти ставок в 75 локтей длины и в 60 — ширины, так что при разделении их поперек длина каждой ставки будет 15, а ширина — 30 локтей. В этих десяти помещениях расположатся 300 пехотинцев по 30 человек в каждом.

На расстоянии 31 локтя от первого ряда будет поставлен другой двойной ряд, также по 5 ставок такого же размера, и так далее до 5 двойных рядов, расположенных по прямой в 100 локтях от вала и вмещающих 1500 человек пехоты. Затем я поворачиваю налево, к западным воротам, и возвожу от угла лагеря по валу еще 5 двойных рядов совершенно таких же ставок, с той только разницей, что промежутки между рядами будут не более 15 локтей. Получается помещение еще для 1500 пехотинцев. Таким образом, я устраиваю между северными и западными воротами вдоль вала 100 помещений, расположенных в десяти рядах по 5 двойных ставок в каждом, и располагаю в них всех запасных пикинеров и велитов моих собственных бригад.

Далее, между западными и южными воротами пойдут также 10 рядов помещений для запасных пикинеров и велитов вспомогательных войск. Начальники их, в частности командующие батальонами, могут выбрать на стороне, обращенной к валу, ставки, которые они сочтут более удобными. Артиллерия будет расположена вдоль всего окопа, а все оставшееся свободное пространство на западной половине лагеря назначается для нестроевых и лагерного обоза.

Вы знаете, что древние называли нестроевыми всех людей, следовавших за войском и необходимых для него, кроме солдат. Сюда, например, относятся плотники, слесари, кузнецы, каменщики, инженеры, бомбардиры (последние могли бы считаться строевыми), пастухи со стадами быков и баранов, необходимых для пропитания войска, наконец, всякого рода мастеровые при обозе с военными припасами и продовольствием. Не буду входить в подробности их размещения и укажу только на места, которых они не должны занимать. Нестроевым отводится все свободное пространство между улицами, разделенное на четыре части; одна часть назначается для пастухов, другая — для мастеровых, третья — для повозок с продовольствием, четвертая — для боевых припасов. Незанятыми остаются Торговая, Головная и еще одна улица, которая будет называться Средней и пройдет с севера на юг, пересекая Торговую и вполне соответствуя Поперечной улице восточной части лагеря. Наконец, сзади, вдоль помещений запасных пикинеров и велитов, пройдут еще особые улицы в 30 локтей ширины. Артиллерия, как я уже сказал, расставляется по внутренней стороне вала.

Баттиста. Признаюсь, что я в этих делах плохой знаток, и могу сказать это не стыдясь, так как военное

искусство никогда не было моим призванием. Тем не менее все, что вы сказали, удовлетворяет меня вполне, и мне хотелось бы только спросить о двух вещах; во-первых, почему улицы и свободные места вашего лагеря так широки, а во-вторых, и это меня больше затрудняет, как размещаются люди на отведенном для них пространстве?

Фабрицио. Я провожу улицы шириной в 30 локтей, чтобы по ним мог свободно проходить пехотный батальон в боевом порядке, занимающий по линии фронта от 25 до 30 локтей. Пространство в 100 локтей между валом и лагерем необходимо для свободного движения войск и артиллерии, провоза добычи и возведения в случае необходимости второго ряда окопов.

Кроме того, лучше устраивать лагерь подальше от вала, чтобы противнику было труднее его обстреливать или иным способом ему вредить.

Что касается второго вопроса, то я вовсе не имею в виду, что каждое место, отведенное под лагерные помещения, будет всегда занято только одной палаткой; оно используется, как это удобно живущим в нем, и они могут ставить там больше или меньше палаток, лишь бы не переходить указанную им границу.

Вообще для разбивки лагеря нужны люди очень опытные и прекрасные строители, которые сейчас же по указанию командующего устанавливают форму лагеря, делят его на участки, проводят улицы, обозначают помещения посредством веревок и кольев и выполняют это с такой быстротой, что все готово мгновенно.

Во избежание замешательства необходимо всегда разбивать лагерь одинаково, чтобы каждый солдат знал, на какой улице и на каком участке он найдет свою па-

латку. Это должно соблюдаться в любое время и в любом месте, дабы лагерь походил на подвижный город, сохраняющий, куда бы он ни перемещался, те же улицы, те же дома и тот же внешний вид. Этой выгоды лишены полководцы, ищущие для лагеря неприступную позицию, ибо тогда необходимо изменять его форму, в зависимости от характера местности. Римляне же укрепляли самый лагерь рвами, валами и насыпями, обносили его палисадом и выкапывали кругом ров шириной в 6 локтей и глубиной в 3 локтя, увеличивая его размеры, если собирались долго пробывать на одном месте или опасались неприятеля.

Лично я в настоящее время устроил бы палисад только в том случае, если бы мне пришлось стоять на месте всю зиму. Ров и вал были бы у меня не меньше римского, а даже больше, смотря по необходимости. Кроме того, я устроил бы для артиллерии в каждом углу лагеря окоп в виде полукруга и получил бы таким образом возможность обстреливать продольным огнем неприятеля, штурмующего ров.

Необходимо обучить войска этим работам по устройству лагеря, чтобы начальники умели быстро набрасывать его план, а солдаты знали, как найти свою палатку. Упражнение это совсем нетрудное, и я потом скажу об этом подробнее. Сейчас же я буду говорить об охране лагеря, ибо без точного указания обязанностей часовых все наши труды пропадут даром.

Баттиста. Прежде чем вы перейдете к часовым, я просил бы вас сказать мне, какие необходимы предосторожности при разбивке лагеря поблизости от неприятеля. Я не представляю себе, чтобы тогда можно было безопасно производить все необходимые работы.

Фабрицио. Прежде всего вы должны знать, что полководец располагается поблизости к неприятелю только в том случае, если он хочет дать бой, а противник намерен его принять. Опасность тогда не больше обычной, ибо две трети войска готовы к битве и только последняя треть занята устройством лагерных помещений. Римляне в таких обстоятельствах употребляли на работы по укреплению лагеря триариев, а гастаты и принципы стояли под оружием.

Так поступали потому, что триарии вступали в бой последними и, следовательно, при появлении врага успевали бросить работы и занять свое место в строю. Следуя этому примеру, мы точно так же должны употреблять для разбивки лагеря те воинские части, которые, подобно триариям, будут стоять в последней боевой линии.

Однако вернемся к часовым. Я, кажется, не встречал у античных писателей указаний на то, что охрана лагеря ночью велась передовыми постами, стоявшими за валом подобно нашим велетам. Древние, вероятно, считали, что войско, таким образом, легко может быть застигнуто врасплох, так как за часовыми трудно наблюдать, а кроме того, они могут быть подкуплены или захвачены неприятелем. Следовательно, нельзя доверяться этому способу охраны ни всецело, ни даже отчасти. Все часовые были сосредоточены внутри лагеря, и сторожевая служба выполнялась с величайшей точностью и строгостью, так как всякому провинившемуся грозила смертная казнь.

Не буду утомлять вас подробностями, с которыми вы можете ознакомиться сами, если до сих пор об этом не читали. Скажу только коротко о том, какие меры я

бы принял сейчас. Ночью треть войска должна быть под оружием; четвертая часть этой трети — всегда на ногах; она размещается по всему валу и по всем важным пунктам лагеря. На каждом углу лагеря выставлены двойные сторожевые отряды, причем одни стоят на часах, а другие непрерывно переходят от одного конца лагеря к другому. Если неприятель близко, тот же порядок соблюдается и днем.

Не буду распространяться о паролях, о необходимости менять их каждый вечер и о других мерах обычной предосторожности, так как все это известно. Упомяну только об одной мере, потому что она важнее всех и соблюдение ее приносит большую пользу, а небрежность в этом отношении может кончиться несчастьем. Следите самым тщательным образом за всеми отлучающимися вечером из лагеря и за всеми прибывающими вновь. Наш порядок очень облегчает наблюдение, потому что каждая палатка рассчитана на точно определенное число людей, и можно очень легко убедиться, есть ли в ней лишний народ или, наоборот, кого-нибудь не хватает. Самовольно отлучившиеся наказываются, как беглые, а лишним устраивается допрос о том, кто они, зачем пришли в лагерь, и обо всем прочем, их касающемся.

Такая бдительность затрудняет врагу возможность заводить сношения с кем-либо из начальников твоего войска и узнавать твои намерения. Будь карфагеняне более бдительны, Клавдий Нерон никогда бы не мог почти на глазах у Ганнибала тайно выйти из своего лагеря в Лукании, совершить поход в Пицен и вернуться, не возбуждая ни малейшего подозрения у противника. Однако все эти хорошие меры недостаточны,

если они не соблюдаются с величайшей строгостью, ибо нигде не требуется такой точности, как в военном деле. Поэтому все законы воинской дисциплины должны быть суровы и жестоки, а исполнители — беспощадны.

Римляне карали смертью всякого, провинившегося в карауле, покинувшего боевой пост, вынесшего тайком что-нибудь из лагеря, всякого, лживо хваставшегося боевым подвигом, вступившего в бой без приказа начальника или бросившего со страху оружие. Если такой проступок совершался когортой или целым легионом, то во избежание общей казни бросали в мешок записки с именами всех солдат и вынимали десятую часть, обреченную жребием на смерть. Наказание, как видите, исполнялось так, что, постигая не всех, оно устрашало каждого.

Однако там, где сильна кара, должна быть велика и награда, дабы в людях одновременно поддерживались надежда и страх. Поэтому римляне щедро награждали всякий боевой подвиг, например того, кто спасет в бою жизнь согражданину, взойдет первым на стену неприятельского города или первым ворвется в неприятельский лагерь, убьет или ранит в бою врага, сбросит его с лошади. Подвиг ознаменовывался открытым признанием его консулом, наградой и всеобщей похвалой, а воины, получившие подарок за храбрость в бою, помимо славы, приобретаемой этим в войске, имели право по возвращении на родину торжественно выставить свою награду напоказ родным и друзьям.

Не приходится удивляться могуществу народа, который так хорошо знал меру наказания и награды для всякого, заслужившего за хорошее или дурное дело

хвалу или осуждение. Все эти установления должны были бы в значительной мере сохраниться и у нас.

У римлян существовало еще одно особое наказание, о котором нельзя не упомянуть; оно состояло в том, что, когда консул или трибун считали подсудимого уличенным, они слегка ударяли его тростью. Виновному после этого позволялось бежать, а солдатам разрешалось его убить; в него летели камни и стрелы, на него со всех сторон сыпались удары, и уйти живым ему удавалось только в самых редких случаях. Вернуться домой виновный тоже не мог, ибо его встречали таким презрением и бесчестьем, что лучше было умереть. Это наказание отчасти перенято швейцарцами, которые приказывают своим солдатам убивать осужденных со товарищей перед всем войском. Мера эта хороша по замыслу и еще лучше — по выполнению. Если вы хотите, чтобы люди не укрывали преступника, то лучшее средство — заставить их самих его карать; когда человек сам является исполнителем наказания, его интерес к осужденному и стремление к возмездию совершенно иные, чем когда исполнение приговора поручено другому.

Поэтому, чтобы не делать народ пособником проступка, лучше всего сделать его судьей. В подтверждение своих слов сошлюсь на пример Манлия Капитолийского: преданный суду сената, он нашел защиту у народа; но тот же народ приговорил его к смерти, как только стал вершителем его судьбы. Вы видите, что это — действительное средство подавления бунтов и соблюдения правосудия.

Римляне понимали, что страх перед законами у людей слишком слаб и этим нельзя держать в руках воору-

женную толпу; поэтому они усиливали закон авторитетом религии, всячески старались укрепить ее в сознании солдат и заставляли их с величайшей торжественностью приносить клятву неуклонного соблюдения воинской дисциплины, дабы нарушителям ее грозили не только законы и люди, но и боги.

Баттиста. Допускалось ли у римлян присутствие в войске женщин и позволяли ли они солдатам забавляться игрой, как это принято сейчас?

Фабрицио. Они запрещали и то и другое. Запрет этот было легко осуществить, ибо ежедневных военных упражнений, занимавших солдат целыми частями или в отдельности, было так много, что воинам некогда было думать ни о Венере, ни об играх, ни о прочих вещах, способствующих безделью или бунту.

Баттиста. Все это прекрасно. Скажите мне теперь, каким образом войска выступали из лагеря?

Фабрицио. Для этого трубили три раза. По первому сигналу палатки свертывались и укладывались на повозки, по второму — вьючили животных, по третьему — выступали в том порядке, о котором я вам уже говорил, т. е. обозы шли в хвосте колонны, а легионы — в центре войска. Поэтому и у нас сперва выступает вспомогательная бригада со своим обозом и четвертой частью общевойскового обоза, размещенного на одной из четырех лагерных площадей, которые я вам только что показал. Необходимо к каждому полку прикрепить его обоз, дабы при выступлении войска было точно известно его место в колонне. Таким образом, за полком пойдет в хвосте его собственный обоз и четвертая часть общего обоза в том порядке, в каком двигалось римское войско.

Баттиста. Были ли у римлян еще другие правила расположения войск в лагерях, кроме тех, о которых вы нам рассказали?

Фабрицио. Повторяю, что римляне всегда стремились сохранять одну и ту же форму лагеря, и это было для них важнее всего. Далее, они главным образом заботились о двух вещах — о здоровой местности для лагеря и об устройстве его там, где неприятель не мог ни обложить их, ни отрезать им воду и подвоз продовольствия. Для предупреждения болезней римляне избегали местностей болотистых или открытых зловредным ветрам. Они судили в этом случае не столько по свойствам почвы, сколько по виду жителей, и если находили их бледными, узкогрудыми или вообще больными, то относили лагерь дальше.

Что касается риска быть обложенным неприятельскими войсками, то надо как следует изучить характер местности, где стоят враги или союзники, и составить себе мнение о том, может ли противник запереть тебя в лагере. Поэтому командующий должен быть опытейшим знатоком местности и окружить себя людьми, столь же хорошо знающими страну, как и он сам. Избежать болезней и голода можно также путем строгого наблюдения за правильным образом жизни солдат: заставьте их ночевать в палатках, разбивайте лагерь там, где деревья дают тень и дрова для варки пищи, не выступайте в самый зной. Поэтому летом надо сниматься с лагеря на рассвете, а зимой во время метелей и морозов позаботиться о разведении костров на привалах, об одежде солдат, о том, чтобы они не пили мутной воды. Больных надо лечить и всегда помнить, что полководец беззащитен, если он должен одновременно воевать и с болезнями, и с противником.

Однако самое полезное для здоровья войск — это упражнения; недаром они производились у древних ежедневно. Ценность их лучше всего подтверждается тем, что в лагере они сохраняют людям здоровье, а в бою доставляют победу. Наконец, надо позаботиться о том, чтобы войска не голодали. Для этого недостаточно следить за неприятелем, который может отрезать вам пути подвоза; надо обеспечить себе места заготовки продовольствия и наблюдать за тем, чтобы запасы не расточались. Поэтому надо всегда обеспечивать себя на месяц, а затем наложить на ближайших по соседству союзников повинность ежедневной доставки. Устраивайте склады в крепостях, а главное — заботьтесь о бережливом расходовании, давайте солдату ежедневный разумно рассчитанный паек и вообще никоим образом не допускайте в этом деле беспорядка. Все трудности на войне преодолеваются со временем, и только в этом единственном деле время сильнее тебя.

Ни один враг, который может победить тебя голодом, не будет стараться победить тебя мечом, ибо победа будет, правда, не столь почетной, но более спокойной и верной. Не может избежать голода войско, не соблюдающее правил и безрассудно истребляющее все, что попадает ему в руки. Если нет порядка в доставке продовольствия, оно не получается вовсе; если нет порядка в выдаче, наличные запасы проедаются зря. Поэтому древние устанавливали и количество, и время еды, ибо ни один солдат не ел, если не ел полководец. Всякий знает, как соблюдается это правило современными армиями, которые являются не благоустроенным и трезвым войском, подобно древнему, а

вполне заслуженно могут быть названы толпой развратников и пьяниц.

Баттиста. Описывая устройство лагеря, вы говорили, что расположите в нем не 2, а 4 бригады, чтобы показать, как размещается настоящее войско. Поэтому я хочу спросить вас о двух вещах: как устроите вы лагерь на большее или меньшее количество солдат и какова должна быть численность войска для успешной борьбы против любого неприятеля?

Фабрицио. На первый вопрос я отвечу, что если войско будет на 4000 или 6000 солдат больше или меньше, то надо прибавить или убавить число рядов, в которых размещаются палатки, и это можно делать до бесконечности. Однако когда римляне соединяли 2 консульских войска, то разбивали 2 лагеря, примыкавших друг к другу площадями, отведенными для нестроевых.

На второй вопрос я скажу, что в обычном римском войске было примерно 24 000 солдат; когда же приходилось воевать с очень крупными неприятельскими силами, римляне выставляли самое большее 50 000. С таким числом войск они вышли против 200 000 галлов, напавших на них после первой Пунической войны; такое же войско было противопоставлено Ганнибалу.

Заметьте, что римляне и греки воевали малыми силами, крепким боевым строем и искусством. Другие народы, западные и восточные, действовали огромными полчищами, причем на Западе главной силой была врожденная безудержность, а на Востоке — слепое повиновение царю. В Греции и Италии не было ни врожденной лихости, ни слепого повиновения, а потому необходимо было прибегнуть к дисциплине, и она оказалась силой, доставившей малочисленному войску

победу над безудержностью и природной стойкостью огромных масс.

Поэтому я и говорю, что, следуя римскому примеру, войско не должно превышать 50 000 солдат. Пусть оно лучше будет меньше, ибо большая численность приводит к замешательству, нарушениям дисциплины и боевого строя. Пирр любил говорить, что с 15 000 солдат он готов идти на весь мир.

Перейдем теперь к другому предмету. Мы одержали победу в бою и показали, какие случайности возможны во время сражения. Мы видели войско в походе и говорили обо всех трудностях, с которыми оно может встретиться. Наконец, мы расположили его лагерем, где надо хоть немного отдохнуть от понесенных трудов и вместе с тем подумать о способах окончания войны. В лагере вообще дела много, особенно если в окрестностях еще есть враги и остались колеблющиеся города. Надо себя от них обезопасить и взять те, которые окажутся враждебными.

Необходимо показать вам, как надлежит поступать во всех этих случаях, дабы преодолеть эти трудности с той же славой, с какой мы победили в бою. Допустим, в частности, что большинство жителей страны или весь народ решается на дело, очень выгодное для тебя и очень вредное для него самого, например на разрушение городских стен или изгнание многих граждан. В этом случае их надо обмануть и внушить всем, что тебе до них никакого дела нет, дабы они не поддерживали друг друга и, таким образом, оказались целиком в твоей власти. Можно также наложить на всех в один и тот же день какую-нибудь тяжелую повинность, дабы каждый был уверен, что она касается только его, и думал

об исполнении приказа, а не о самозащите. Таким образом, повеление твое будет исполнено всеми без малейшего шума. Если ты подозреваешь жителей страны во враждебности и хочешь себя обезопасить или внезапно ее захватить, то для сокрытия своего намерения лучше всего сообщить им о каком-нибудь совершенно другом твоём замысле, просить их помощи и притвориться, что ты против них ровно ничего не имеешь. Они и не подумают обороняться, так как вполне уверены, что ты совсем не собираешься на них напасть, — и дело твое удастся легко.

Если ты чувствуешь, что в войске у тебя есть изменник, сообщающий о твоих планах неприятелю, то надо постараться извлечь пользу из его вероломства, сообщив ему о вымышленном замысле и скрывая этим действительный, или сказать о несуществующих опасениях, умолчав о том, чего ты боишься по-настоящему. Неприятель, в уверенности, что он знает твои намерения, сделает ложный шаг, и тебе будет легко его обмануть и разбить.

Если ты хочешь, подобно Клавдию Нерону, выделить незаметно для врага часть своего войска для помощи союзнику, не сокращай размеров лагеря, оставь на месте все знамена и прежние ряды палаток, не уменьшай числа огней и часовых; точно так же, если ты получишь подкрепление и захочешь это скрыть, не расширяй лагерь, ибо самое полезное — это всегда таить свои дела и мысли.

Когда Метелл командовал войсками в Испании, кто-то задал ему вопрос, что он думает делать завтра. «Если бы об этом знала моя рубашка, — ответил Метелл, — я бы тут же ее сжег». Один из воинов Марка

Красса спросил его, когда он прикажет войску выступать. «Думаешь ли ты, что один не услышишь трубы?» — был ответ.

Чтобы разгадать тайны неприятеля, некоторые полководцы наряжали к нему послов, отправляя с ними под видом служителей опытных воинов, которые высматривали устройство неприятельского войска, узнавали, в чем его сила и слабость, и сообщениями своими облегчали победу. Другие нарочно отдаляли от себя кого-нибудь из приближенных, который притворно передавался неприятелю, а потом открывал своим замыслы противника. Иногда это удавалось сделать через пленных. Марий во время войны с кимврами для испытания верности галлов, живших в нынешней Ломбардии и находившихся в союзе с римским народом, послал им одновременно несколько писем, причем одни были запечатаны, а другие нет. В незапечатанных письмах он предписывал вскрыть остальные только в известное, указанное им время; затем он до срока потребовал письма обратно и, получив их распечатанными, понял, что на галлов рассчитывать нельзя.

Некоторые полководцы, вместо того чтобы идти на встречу наступающему неприятелю, отправлялись грабить его земли и этим вынуждали его уйти обратно, на защиту собственных границ. Этот способ часто удавался, ибо он приучает солдат к успеху, обогащает их добычей и дает им веру в себя, а войска противника, наоборот, падают духом и чувствуют себя уже не победителями, а побежденными. Многие полководцы, прибегавшие к подобным набегам, имели успех. Однако это можно позволить себе только в том случае, когда твоя страна обеспечена и укреплена лучше неприятель-

ской, иначе дело кончится плохо. Полководцу, запертому неприятелем в лагере, иногда удавалось добиться на несколько дней перемирия. Неприятель становился беззаботнее, и это давало осажденному возможность ускользнуть, пользуясь какой-нибудь небрежностью врага.

Сулла таким путем дважды спасался от неприятеля, и та же хитрость помогла Гасдрубалу в Испании уйти от окружившего его со всех сторон Клавдия Нерона.

В такой же обстановке бывает очень полезно озадачить неприятеля каким-нибудь непредвиденным движением. Здесь возможно одно из двух: или бросить в атаку часть своих войск, оттянув на нее неприятельские силы, и этим высвободить остальные, или изобрести что-нибудь совсем неожиданное, дабы удивить врага невиданным зрелищем, напугать его и принудить к бездействию. Вы помните рассказ о Ганнибале, окруженном войсками Фабия Максима, и знаете, что карфагенский полководец велел ночью привязать к рогам волов, следовавших за войском, связки зажженного хвороста. Фабий был настолько встревожен этой небывалой картиной, что не подумал о защите проходов.

Стремление раздробить неприятельские силы является едва ли не самой главной заботой полководца. Он должен употребить на это все свое искусство и либо найти способ внушить противнику недоверие к ближайшим его помощникам, либо заставить его разделить свою армию и этим себя ослабить. Первая цель достигается особой внимательностью к некоторым приближенным неприятельского вождя, которая скажется, например, в том, что во время войны имущество его

уцелеет, а сыновья или родственники будут отпущены без выкупа из плена. Вы знаете, что Ганнибал, сжегший все окрестности Рима, не тронул только владений Фабия Максима, а Кориолан, подойдя к Риму с войском, пощадил имущество патрициев, между тем как все принадлежащее плебеям было сожжено и разграблено. Метелл, начальствовавший над войсками в войне с Югуртой, убеждал всех послов, являвшихся к нему от Югурты, выдать царя; он писал им об этом письма и в короткое время добился того, что Югурта уже не верил никому из своих советников и всех их разными способами истребил. Когда Ганнибал нашел убежище у Антиоха, то римские послы вступили с ним в такие доверительные переговоры, что Антиох встревожился и перестал слушаться его советов.

Для другой цели, именно для разделения вражеских войск, лучше всего вторгнуться в неприятельскую землю и этим заставить противника бросить войну и поспешить на защиту своей страны. Так поступил Фабий, воевавший против соединенных сил галлов, этрусков, умбров и самнитов. Тит Дидий, силы которого были значительно меньше неприятельских, ждал из Рима на подкрепление легион, но враги приготовились загородить ему дорогу. Чтобы не допустить этого, консул объявил по всему войску о назначении боя на следующий день; затем он дал возможность убежать некоторым пленным, которые, в свою очередь, рассказали о его приказе у себя в лагере и произвели этим такое впечатление, что враги из опасения себя ослабить отказались от попытки преградить дорогу римскому легиону, благополучно присоединившемуся к войскам Дидия. Полководец достиг своей цели, состоявшей не

в разделении неприятельских сил, а в удвоении его собственных.

Некоторые вожди, чтобы заставить противника разделиться, позволяли ему углубляться в свою страну и даже завладеть многими городами, дабы необходимость оставлять в них гарнизоны уменьшила его войско; пользуясь его раздробленностью, они переходили в наступление и побеждали. Другие, подготавливая вторжение в какую-нибудь область, притворялись, что собираются идти в совершенно другую сторону, и вели свое дело так искусно, что появлялись внезапно и захватывали край раньше, чем неприятель мог подоспеть на выручку. Противник, не зная, повернешь ли ты опять к месту, которому угрожал первоначально, вынужден оставлять там войска и в то же время спасать другой пункт, а потому он часто не защищал ни того ни другого.

Далее, полководец должен уметь искусно подавлять волнения и улаживать ссоры, начавшиеся между солдатами. Самое лучшее в таких обстоятельствах — наказать главарей, но необходимо при этом захватить их с такой быстротой, чтобы они даже не успели оглянуться. Если они находятся далеко, вызови к себе не только виновных, но и всю войсковую часть, дабы зачинщики не догадались о готовящейся им участи и не успели убежать, а, наоборот, сами облегчили бы тебе суд и расправу. Если все произошло у тебя на глазах, окружи себя надежными войсками и усмиряй мятеж с их помощью. Если между солдатами начинаются ссоры, лучше всего послать их в бой; опасность сейчас же восстанавливает согласие. Однако надо сказать, что единство поддерживается в войске прежде всего авторите-

том главнокомандующего и создается оно единственно его талантом, ибо на войне уважение внушают не род и не власть, а только талант. Начальнику надлежит первым делом карать солдат и платить им жалованье; если нет жалованья, невозможна и кара. Солдата, которому не платят, нельзя наказывать за грабеж, потому что он не может не грабить, если хочет жить. Наоборот, если ты ему платишь, но не наказываешь, солдат наглеет и перестает с тобой считаться; ты уже не можешь заставить себя уважать, а неуважение к начальнику ведет прямо к мятежам и раздорам, т. е. к гибели войска.

У полководцев древности была еще одна забота, от которой современные почти совершенно свободны, — это разъяснение в выгодную для себя сторону дурных предзнаменований; стрела, упавшая в лагерь, затмение Солнца или Луны, землетрясение, падение начальника с лошади — все это толковалось солдатами как дурной знак и вселяло в них такой страх, что, случись в эту минуту бой, поражение было бы неминуемо. Поэтому античные полководцы в таких случаях растолковывали происшедшее солдатам, сводя событие к его естественной причине, или толковали эти случайности в свою пользу. Когда Цезарь упал при высадке на африканский берег, он воскликнул: «Я взял тебя, Африка!» Многие другие объясняли солдатам причину затмений Луны или землетрясения. В наше время все это невозможно как потому, что нынешние солдаты не так суеверны, так и потому, что наша религия вообще исключает подобные страхи. Если бы нечто в этом роде все же произошло, надо подражать примеру древних. Если на тебя идет противник, ожесточенный до последнего предела голодом, нуждой или слепой яр-

стью, оставаясь в лагере и, насколько возможно, избегай сражения. Так поступали лакедемоняне в войне против мессенцев и Цезарь — в войне против Афрания и Петрея. Консул Фульвий, командовавший войсками, действовавшими против кимвров, несколько дней подряд вступал с ними в конные стычки и заметил, что неприятель всегда выходил из лагеря для преследования. Устроив позади неприятельского стана засаду, он опять напал конницей на кимвров, а когда те вышли из окопов на преследование, Фульвий внезапно бросился на вражеский лагерь и разгромил его.

Очень полезной оказывалась и хитрость иного рода. Находясь на виду у противника, командующий раздавал своим войскам знамена, схожие с неприятельскими, и посылал их грабить собственную страну. Враги принимали их за прибывшие к ним подкрепления, присоединялись к грабившим отрядам, теряли боевой порядок и этим давали возможность себя разбить. Этой уловкой с успехом пользовались эфирский царь Александр в войне с иллирийцами и сиракузец Лептен против карфагенян. Многие добивались победы тем, что притворялись уstraшенными и бросали лагерь со всеми стадами и вином, предоставляя врагу объесться и перепиться, а затем нападали на обессилевших от ожорства неприятельских солдат и опрокидывали их. Так действовали Тамира против Кира и Тиберий Гракх против испанцев. Другие старались облегчить себе успех тем, что отравляли вино и пищу.

Я уже говорил вам, что не встречал у древних указаний на обычай высылать ночью ведетов за лагерные укрепления, и объяснял это желанием предупредить возможную опасность. Часто оказывалось, что даже

днем причиной поражения были ведеты, высланные для наблюдения за неприятелем; их брали в плен и силой заставляли подать сигнал к вызову своих из лагеря, а войска, выступившие по данному знаку, истреблялись или захватывались.

Для обмана противника полезно иногда менять какую-нибудь установившуюся твою привычку, потому что неприятель, зная ее, сообразует с ней свои действия и этим себя губит. Так поступил однажды один начальник, который всегда давал знать своим о приближении неприятеля ночью огнями, а днем — густым дымом. Он приказал непрерывно подавать сигналы и светом и дымом, но прекратить все, как только покажется неприятель. Враг, не видя обычных знаков, решил, что идет незамеченным, двинулся без всяких предосторожностей и был разбит.

Желая выманить неприятеля из укрепленной позиции, Мемнон Родосский послал к врагам под видом перебежчика одного из своих воинов, который сообщил, что в войске начались бунты и большая часть его ушла совсем. Для подтверждения этого рассказа Мемнон устроил у себя в лагере притворный мятеж, а противник, решивший, что теперь ему удастся его опрокинуть, пошел на приступ и был разбит. Не следует, однако, доводить врага до отчаяния; это понял Цезарь во время войны с германцами: он заметил, что невозможность отступления заставляет их биться до последней крайности, и открыл им дорогу, предпочитая преследование бегущих победе над защищающимися. Лукулл, увидев, что часть бывшей в его войске македонской конницы переходит к неприятелю, сейчас же велел трубить наступление и приказал всем остальным войскам идти за перебежчиками. Противник решил,

что Лукулл начинает бой, и бросился на македонян с такой яростью, что тем пришлось защищаться и невольно из беглецов превратиться в бойцов.

Очень важно после победы или до нее захватить город, которому ты не доверяешь; древность показывает нам немало примеров этого искусства. Помпей, не доверяя жителям Катины, предложил им впустить к себе нескольких заболевших римских солдат и послал под видом больных отборный отряд, который и захватил город. Публий Валерий, подозревавший эпидаврийцев, пригласил их в загородный храм на религиозные торжества, нечто вроде нашего отпущения грехов, и, когда весь народ собрался, он велел запереть городские ворота и принял обратно только тех, кого считал надежными. Александр Великий, собираясь в Азию и желая обезопасить себя со стороны Фракии, взял с собой первых граждан страны, назначив их на разные должности в войске, и заменил их во Фракии людьми самого низкого происхождения. Таким образом, он удовлетворил аристократию деньгами и удержал в повиновении народ, лишив его вождей.

Однако лучшее средство привлекать на свою сторону народы — это целомудрие и справедливость, примеры чего показал в Испании Сципион, возвративший отцу и мужу плененную дочь и жену и завоевавший этим Испанию больше, чем оружием. Цезарь в Галлии велел заплатить за деревья, срубленные на тын для лагеря, и приобрел этим славу справедливости, облегчившую ему покорение страны. Не знаю, могли ли я еще что-нибудь прибавить, так как рассмотрел как будто все, что можно сказать об этом предмете. Остается объяснить вам способы осады и защиты крепостей, и, если вы не возражаете, я вам охотно о них расскажу.

Баттиста. Ваша любезность так велика, что вы исполняете все наши желания, и мы даже не боимся оказаться нескромными, так как вы щедро даете нам больше, чем мы решились бы попросить. Скажу вам поэтому только одно — что вы не можете сделать нам большего одолжения, чем продолжив вашу речь. Я прошу вас только, ответьте сначала на один вопрос: следует ли продолжать войну также зимой, как это принято сейчас, или вести ее только летом, а на зиму отправляться на стоянку, как это делали в древности?

Фабрицио. Вот что значит мудрый вопрошатель! Ведь я мог бы без него забыть о весьма важном предмете. Повторяю, что древние поступали во всем лучше и осторожнее нас. Если мы часто делаем ошибки в делах гражданских, то в делах военных мы ошибаемся всегда. Нет ничего опаснее и неосторожнее зимней войны, причем для наступающего она еще много опаснее, чем для обороняющегося. Дело вот в чем: вся строгость военной дисциплины нужна только для того, чтобы войска были в полном порядке, когда наступает час сражения. Вот цель, к которой должен стремиться всякий полководец, ибо бой — это выигрыш или проигрыш войны.

Кто сумеет лучше к нему подготовиться и поддержать в своей армии бóльшую дисциплину, тот приобретает безусловное преимущество над противником и может больше рассчитывать на победу. С другой стороны, нет ничего опаснее для движения войск, чем пересеченная местность или холодное и дождливое время. Неровная местность не позволяет развернуть войска по всем правилам военного искусства; ненастье и морозы не дают возможности держать их в совокупности и противопоставить противнику единую массу, а вынуж-

дают располагать их разрозненно и в беспорядке, считаясь с требованиями замков, городов и деревень, которые могут их принять. Таким образом, весь труд, положенный на создание крепко устроенной армии, пропадет даром. Не удивляйтесь, что теперь воюют зимой, ибо плохо обученные войска не понимают вреда разрозненного расположения и вовсе не хотят утруждать себя воинскими занятиями и соблюдением дисциплины, которой у них нет. А ведь им следовало бы подумать о бедствиях, к которым вела зимняя война, и вспомнить, что в 1503 году французов под Гарильяно победила зима, а не испанцы.

Я вам уже говорил, что наступающему приходится особенно плохо, ибо дурная погода больше вредит тому, кто воюет на чужой земле. Чтобы не раздроблять свои силы, он вынужден терпеть ненастье и морозы, а если он захочет избежать этих неудобств, придется разделить армию на части. Обороняющийся может, наоборот, выбрать удобную местность и выжидать со свежими силами, а затем быстро их сосредоточить и напасть на отдельный неприятельский отряд, который перед ним не устоит. Так были разбиты французы и все, кто напал зимой на осторожного противника. Поэтому каждый полководец, который не хочет, чтобы его войска утратили силу, порядок, дисциплину и доблесть, должен решительно восставать против зимней войны. Римляне хотели извлечь пользу из своих трудов и потому одинаково избегали зимних походов, горной войны, трудных условий местности и вообще всего, что мешало бы им показать во всей силе их искусство и доблесть. Этого довольно для ответа на ваш вопрос. А теперь перейдем к обороне крепостей, осаде городов и искусству возводить укрепления.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Фабрицио. Прежде всего вы должны знать, что сила города и крепости дается им или природой, или искусством. Они сильны от природы, если окружены водами или болотами, подобно Мантуе и Ферраре, или построены на скале или крупной горе, как Монако и Сан-Лео. Наоборот, крепости, расположенные на высотах более или менее доступных, очень слабы, особенно при современных пушках и подкопах. Поэтому их строят большей частью на ровных местах и укрепляют с помощью искусства.

Первое требование — это возводить стену в виде ломаной линии, по возможности умножая число исходящих и входящих углов. Противник не может тогда близко подойти, так как подвергает себя опасности нападения не только с фронта, но и с фланга. Если стена высока, она слишком открыта для пушечного огня; если она низка, на нее легко взобраться. Если вырыть перед стеной рвы, чтобы затруднить приступ, то многочисленный неприятель легко их засыплет и стена будет захвачена.

Поэтому я считаю (я, конечно, могу ошибаться), что во избежание этой двойной опасности надо строить высокие стены и устраивать рвы за ними, а не снаружи. Это лучший способ строить укрепления, ибо он защищает тебя одинаково от артиллерии и от приступа, не давая вместе с тем врагу возможности засыпать рвы. Итак, высота стены должна быть, во всяком случае, достаточной, а ширина — не менее 3 локтей, чтобы труднее было ее разрушить.

По крепостной стене стоят башни на расстоянии 200 локтей друг от друга; внутренний ров должен быть шириной не меньше 30 и глубиной в 12 локтей. Вынутая земля вся выбрасывается в сторону города и подпирается стеной, начинающейся от подошвы рва и возвышающейся над насыпью на человеческий рост, благодаря чему увеличится глубина рва. На дне его через каждые 200 локтей будут устроены казематы, вооруженные пушками, которые уничтожат всякого, кто попытается спуститься в ров. Крупные орудия, защищающие город, ставятся за стеной, замыкающей ров, ибо для защиты наружной стены удобны вследствие ее высоты только небольшие или средние орудия.

Если враг решается на приступ, его сразу же задержит высокая внешняя стена. Если он подойдет с артиллерией, то должен будет сначала эту внешнюю стену разрушить, но при этом пострадает сам, так как стена всегда обваливается в сторону обстрела, и образуются огромные груды обломков, которым осыпаться некуда, так что они только еще увеличивают глубину рва. Таким образом, продвинуться нельзя, ибо этому помешают развалины стены, ров и расположенная сзади него артиллерия, которая бьет осаждающего навер-

няка. Остается последнее средство — засыпать ров, но это дело очень и очень трудное: ров широк и глубокий, а приблизиться к нему нелегко, так как стена идет ломаной линией со множеством входящих и исходящих углов, и двигаться между ними по причинам уже указанным можно только с большим трудом. Наконец, неприятель должен перетащить все необходимое ему через развалины стены, и это создает ему жесточайшие затруднения. Таким образом, я считаю, что крепость, устроенная по моему предложению, будет совершенно неприступной.

Баттиста. Не станет ли наша крепость еще сильнее, если кроме внутреннего рва выкопать еще ров снаружи?

Фабрицио. Несомненно, но если выкапывается только один ров, лучше делать это с внутренней стороны.

Баттиста. Какие рвы вы предпочитаете — наполненные водой или сухие?

Фабрицио. На этот счет есть разные мнения, так как водяные рвы предохраняют от подкопов, а сухие труднее засыпать. Однако, взвесив все соображения, я предпочел бы сухие рвы, потому что они безопаснее. Случалось, что водяные рвы зимой замерзали и облегчали этим взятие города, как это и было при осаде Мирандолы папой Юлием II. Для защиты от неприятельского подкопа я выкапывал бы рвы такой глубины, что всякий, кто вздумал бы рыть дальше, непременно наткнулся бы на воду. Стены и рвы крепостей должны устраиваться точно так же, дабы оказать осаждающему столь же сильное сопротивление.

Защитнику города я настойчиво советую помнить одно: не устраивайте отдельных бастионов вне главной

стены. Строителю крепости я советую другое: не устраивайте в ней никаких укреплений, куда гарнизон мог бы укрыться после потери передней стены. Когда я даю первый совет, то думаю о следующем: надо избегать всего, что может сразу и бесповоротно подорвать прежнее высокое мнение о тебе людей; они перестают тогда считаться с твоими распоряжениями, а прежние твои сторонники боятся за тебя заступиться. Между тем это непременно случится, если ты возведешь бастионы отдельно от главной городской стены: они всегда будут взяты, ибо в наши дни невозможно удержать мелкие укрепления, попавшие под уничтожающий огонь пушек, а потеря бастионов будет началом и причиной твоего собственного падения. Когда генуэзцы восстали против Людовика, короля Франции, они возвели некоторые бастионы на холмах, окружающих город, но бастионы эти были сейчас же снесены, и потеря их повлекла за собой взятие самого города.

Скажу теперь о смысле второго совета. Я утверждаю, что самая большая опасность для защиты крепости — это существование в ней укреплений, куда можно отступить после потери переднего вала. Если солдаты надеются на спасение, отдав неприятелю обороняемые места, они не станут защищаться, а потеря важного пункта приведет к падению всей крепости. За примером ходить недалеко: вспомните взятие крепости Форли, которую графиня Катерина защищала против сына папы Александра VI — Цезаря Борджиа, осаждавшего ее во главе французских войск. В крепости было множество укреплений, куда можно было последовательно отступать. Во-первых, там находилась цитадель, отделенная от крепости рвом, через который был переки-

нут подъемный мост; крепость делилась на три части, отделенные водяными рвами и соединявшиеся мостами. Огонь герцогских орудий сосредоточился на одной из частей, и в стене образовался пролом, а комендант, мессер Джованни да Казале, и не подумал защищать брешь, а отступил и отвел войска к другим укреплениям. Солдаты герцога, проникшие без сопротивления в эту часть, овладели мостами, связывавшими ее с другими частями, и мгновенно оказались хозяевами всей крепости.

Так пала твердыня, считавшаяся неприступной, и произошло это по двум причинам: во-первых, в ней было слишком много бесполезных внутренних укреплений; во-вторых, отдельные части крепости не имели возможности самостоятельно и вовремя поднимать мосты. Скверно построенная крепость и бездарность коменданта погубили мужественную графиню, решившую сопротивляться войску, на борьбу с которым не отваживались ни король Неаполя, ни герцог Милана. Усилия ее, правда, не имели успеха, но борьба принесла ей великую честь, вполне заслуженную ее доблестью. Свидетельством этому является множество стихотворений, сложенных тогда в ее похвалу.

Если бы мне пришлось строить крепость, я бы обнес ее крепкими стенами и рвами по способу, о котором мы уже говорили; внутри я оставил бы только жилые постройки и нарочно делал бы их непрочными и низкими, дабы они не мешали коменданту, находящемуся в центре, обозревать все пространство крепостных стен и видеть, куда надо спешить на помощь. Каждому солдату я бы твердо внушил, что с потерей стен и рва крепость погибнет. Наконец, если бы я и решился

устроить внутреннюю оборону, то расположил бы мосты таким образом, что каждая часть крепости могла бы поднимать их самостоятельно; для этого мосты должны опускаться с краев рва на столбы, поставленные в середине его.

Баттиста. Вы сказали, что в наше время невозможно оборонять мелкие укрепления. Помнится, я слышал обратное мнение — что чем укрепление меньше, тем легче его защищать.

Фабрицио. Вы неправильно меня поняли; я хотел сказать, что сейчас крепостью можно назвать только такое укрепленное место, которое достаточно обширно, чтобы гарнизон в случае необходимости мог отступить за новые стены и рвы. Разрушающий огонь артиллерии так силен, что основывать защиту на силе сопротивления только одной стены или одного вала было бы большой ошибкой. Обыкновенный бастион не имеет двойного вала и потому падает немедленно (говорю «обыкновенный», потому что при больших размерах это будет уже крепость или замок).

Поэтому самое основное — это отказаться от таких бастионов и укреплять вход в крепость, прикрывая ворота рavelинами, дабы нельзя было ни войти, ни выйти из них по прямой линии. Рavelин отделяется от ворот рвом с подъемным мостом, а ворота, помимо того, защищаются еще опускаемыми решетками, чтобы при неудачной вылазке можно было укрыть за ними солдат и не дать неприятелю ворваться на их плечах в крепость. Решетки эти, называвшиеся в древности катарактами, были изобретены для того, чтобы при их опускании задержать неприятеля и спасти своих. Дело в том, что в этих случаях нельзя надеяться ни на подъем-

ные мосты, ни на ворота, так как и те и другие забыты бегущей толпой.

Баттиста. Я видел такие опускаемые двери. В Германии их делают из отдельных брусьев в форме железной решетки, между тем как наши двери — это толстые доски, связанные наглухо. Мне хотелось бы знать, откуда эта разница и какие решетки лучше?

Фабрицио. Повторяю вам снова, что воинские устройства древних и военное искусство их заброшены во всем мире, но в Италии они забыты совершенно, так что все более или менее хорошее перенимается нами у северных народов. Вы, может быть, слышали, а некоторые, вероятно, еще помнят о том, как слабы были наши крепости вплоть до похода Карла VIII в Италию в 1494 году. Зубцы стен были толщиной не больше полулуктя, бойницы и амбразуры делались узкими снаружи и очень широкими внутри, да и вообще было много всяких других недостатков, о которых не стоит распространяться. Ничего не стоило сбить тонкие зубцы и разбить ядрами амбразуры, устроенные этим способом.

Теперь мы научились у французов делать толстые и прочные зубцы. Наши амбразуры, широкие внутри, сужаются у середины стены и затем снова расширяются в обе стороны; благодаря этому неприятельским орудиям трудно сбивать наши пушки. У французов в военном деле есть много хорошего, чего мы не заметили и потому не оценили. Таковы, между прочим, их опускаемые решетки из отдельных брусьев, которые, конечно, гораздо лучше наших сплошных. Когда наша решетка спущена, вы можете только стоять за ней и не в состоянии вредить неприятелю, который легко унич-

тожит ее топором и огнем. Наоборот, если опускная дверь сделана в виде решетки, вы можете защищаться через отверстия пиками, самострелами и любым другим оружием.

Баттиста. Я наблюдал в Италии еще один иностранный обычай, именно такое устройство лафетов, при котором спицы колес наклонены к ступице. Мне хотелось бы знать, зачем это делается, ибо, по-моему, лафетные колеса прочнее, если их спицы вставлены отвесно, как у наших обыкновенных колес.

Фабрицио. Не думайте, что все отклоняющееся от обычного образца появляется случайно или что французы это делают для красоты. Где нужна прочность, о красоте не заботятся. Все дело в том, что французские лафетные колеса прочнее и крепче наших. Сейчас я вам это объясню. Когда лафет движется на передке, он либо идет ровно, либо наклоняется в какую-нибудь сторону. Если он идет ровно, то тяжесть его распределена между колесами одинаково, и особенной перегрузки их поэтому нет; когда лафет наклоняется, вся тяжесть его падает на одно колесо. Если спицы вставлены отвесно к ступице, они легко могут сломаться, так как наклоняются вместе с колесом и тяжесть падает на них не по прямой.

Таким образом, обыкновенные колеса всего прочнее, если лафет идет прямо и груз разделен между ними поровну; если лафет наклонен и тяжесть падает на одно колесо, они гораздо слабее. Совершенно иное представляют собой французские лафеты с их наклонными спицами, ибо, когда весь груз лежит на одном колесе, они вследствие своего обычного наклонного положения выпрямляются и легко выдерживают всю тя-

жесть. Если же лафет идет ровно, спицы наклонены к ступице, но выдерживают зато лишь половину тяжести.

Возвратимся, однако, к городам и крепостям. Для лучшей защиты ворот, а также для облегчения вылазок и обратного вступления войск в крепость французы пользуются еще одним способом, который в Италии, по-моему, еще никогда не применялся: у конца подъемного моста ставятся два столба; посередине каждого из них укреплена подвижная балка, половина которой висит над мостом, а другая половина остается за ним; наружные части подвижных балок соединены мелкими брусьями, образующими решетку, а с внутренней их стороны прикрепляются цепи. Чтобы закрыть мост снаружи, спускают цепь и сбрасывают решетку, которая при падении загораживает вход; наоборот, когда надо открыть мост, цепи подтягивают, поднимают решетку, насколько нужно, чтобы пропустить пехотинца или всадника, а затем сейчас же закрывают ее снова, ибо решетка поднимается и опускается подобно заслонам бойницы.

Это приспособление лучше обыкновенной опускающей двери, которая падает прямо, так что ее всегда можно подпереть, между тем как французская решетка спускается не по прямой, и неприятель не может остановить ее движение. Строители крепостей должны соблюдать все эти предписания. Кроме того, на расстоянии одной мили от крепостных стен не должно быть ни пашен, ни построек, дабы кругом была открытая равнина, без единого кустарника, насыпи, дерева или дома, — вообще ничего, что загораживало бы вид и могло бы укрыть подступающего неприятеля. Заметьте, что наружные рвы с насыпями выше уровня местнос-

ти только ослабляют крепость. Насыпи, с одной стороны, прикрывают подступы осаждающего к укреплениям, а с другой — не останавливают действия осадных орудий, так как легко разрушаются.

Перейдем теперь к описанию внутреннего распорядка крепостей. Не буду много говорить о необходимости иметь в них достаточный запас продовольствия и боевого снаряжения, так как это вещи каждому понятные и без них все прочие меры не нужны. Вообще надо постараться снабдить себя в изобилии и вместе с тем помешать противнику пользоваться средствами страны. Поэтому надо уничтожить все продовольствие, а также весь корм и скот, который нельзя ввезти к себе в крепость. Комендант крепости должен строго следить за сохранением в ней полного порядка и принять все меры к тому, чтобы каждый всегда и во всех случаях знал свои обязанности. Женщины, старики, дети и больные должны сидеть по домам, чтобы не мешать юношам и мужчинам. Гарнизон разделяется на части, расставляемые у стен, ворот и важнейших мест крепости, дабы прекратить всякий начавшийся беспорядок. Некоторые отряды не занимают никаких заранее указанных постов, а держатся наготове, чтобы выступить всюду, куда потребуется.

При таком устройстве беспорядки едва ли возможны вообще. Заметьте себе еще одно важное обстоятельство: при осаде и обороне города неприятель больше всего надеется на успех, если знает, что жители вообще никогда еще не воевали. Как часто бывает, что города сдаются просто со страху, даже не испробовав свои силы. Поэтому осаждающий должен всеми силами стараться как можно больше устрашить население. Осаж-

денный со своей стороны должен поставить на всех угрожаемых пунктах крепких людей, которые могут уступить только оружие, а не молве. Неудача первого приступа укрепит мужество осажденных, и врагу надо тогда надеяться только на свою силу, а не на славу непобедимости.

Для обороны крепостей у древних служили различные орудия — баллисты, онагры, скорпионы, аркобаллисты, пращи. Для осады употреблялись тараны, башни, подвижные щиты, защитные плетни, деревянные подступы, косы, черепахи. Вместо всех этих орудий сейчас действуют пушки, служащие одинаково для осады и для обороны, так что о них можно не говорить.

Рассмотрим теперь подробнее средства овладения крепостью. Осажденному грозят, собственно, две опасности: голод и неприятельский приступ. Я уже говорил о том, что для предупреждения голода надо как следует снабдить себя провиантом еще до осады. При истощении запасов защитники часто ухитрялись получить продовольствие от союзников каким-нибудь необычным способом. Это не так трудно, особенно если осажденный город разделен пополам рекой. Во время осады Ганнибалом римской крепости Казилинума римляне, не имея возможности доставить по реке другую пищу, бросали в воду громадное количество орехов, которые беспрепятственно плыли по течению и очень помогли гарнизону. Другие осажденные действовали иначе: желая показать неприятелю, что запасы у них есть, и этим отнять у него надежду взять их измором, они выбрасывали хлеб за городской вал или обкармливали им вола и выпускали его на волю, рассчитывая на то, что неприятель его зарежет и по наби-

тому хлебом желудку животного убедится, что город снабжен в изобилии.

С другой стороны, большие полководцы, осаждавшие города, измышляли самые разнообразные хитрости для истощения неприятеля. Фабий нарочно позволил жителям Кампаньи засеять поля, чтобы лишить их части зерна. Дионисий при осаде Реджо притворился, что готов пойти на соглашение с осажденными, и уговорил их снабдить его продовольствием во время переговоров, а затем, когда город остался без хлеба, он обложил его еще теснее и выморил голодом. Александр Великий, готовясь к осаде Левкадии, захватил все окрестные крепости, так что гарнизонам их осталось только уйти в ту же Левкадию, которая оказалась переполненной народом и была вынуждена из-за голода к сдаче.

О приступах мы уже говорили, и я тогда же доказывал вам, что самое важное — это первый штурм. Римляне много раз брали города первой атакой, нападая сразу со всех сторон. Способ этот назывался у них *aggredi urbem sogona*. Так действовал Сципион под Новым Карфагеном в Испании. Однако если первый приступ отбит, то рассчитывать на взятие города уже трудно. Если неприятелю даже удастся овладеть стеной и ворваться, то для защитников далеко не все потеряно, лишь бы они не растерялись. Сколько раз бывало, что неприятельские войска, уже проникшие в город, должны были отступить или вовсе погибали. Осажденным надо в этих случаях занять господствующие места и поражать противника с высоты домов и башен. Со своей стороны нападающие, уже вошедшие в город, действовали обычно двумя способами: они либо открывали ворота и давали гарнизону возможность бежать,

либо объявляли через вестника, что пощадят всякого, кто бросит оружие, и уничтожат только вооруженных. Это очень часто облегчало победу.

Наконец, город легко взять внезапным штурмом. Для этого надо расположить войска в некотором отдалении, дабы жители поверили, что ты или не собираешься на них нападать, или не можешь сделать это незаметно вследствие дальности расстояния. Если ты потом подойдешь неожиданно и сразу двинешь войска на приступ, то успех почти несомненен. Я неохотно говорю о делах современных, ибо говорить о себе и своих походах мне было бы трудно, а рассуждая о других, я часто не знал бы, что сказать. Тем не менее не могу не сослаться на пример Цезаря Борджиа, герцога Валентино. Находясь с войсками у Нуцерии, он притворился, что собирается идти на Камерино, а затем неожиданно повернул к Урбино и без всякого труда захватил город в один день, между тем как другой полководец потратил бы на это массу времени и денег.

Осажденные должны быть также настороже против всякого рода ловушек и военных хитростей неприятеля. Если они видят, что враг изо дня в день производит одно и то же действие, пусть не успокаиваются и знают, что здесь скрывается обман и готовится на гибель им нечто совсем новое. Домиций Кальвин, осаждавший какой-то город, взял себе в привычку ежедневно обходить вокруг стен с большим отрядом войск. Жители решили, что он производит учение, и несколько успокоились. Как только Домиций заметил, что противник стал менее осторожным, он сейчас же пошел на приступ, и город был взят.

Некоторые полководцы, узнав, что к осажденным идут подкрепления, одевали своих солдат по неприя-

тельскому образцу, вводили их благодаря этому передеванию в крепость и захватывали ее. Кимон Афинский поджег однажды храм, стоявший за городской стеной; жители бросились тушить пожар, а город тем временем достался неприятелю. Некоторые полководцы захватывали неприятельских фуражиров и в их платье передевали своих солдат; эти солдаты проникали в крепость и открывали ворота неприятелю.

Древние полководцы пользовались вообще самыми различными средствами, чтобы ослабить защиту осажденных городов. Сципион во время войны в Африке, желая захватить некоторые карфагенские крепости, не раз делал все приготовления к приступу и затем отступал как бы из опасения неудачи. Ганнибал поверил, что это действительно так, и стянул к себе все их гарнизоны, чтобы получить численный перевес и легче добиться победы. Как только Сципион об этом узнал, он двинул войска своего союзного полководца Масиниссы к этим крепостям, и они были взяты.

Пирр, осаждавший столицу Иллирии, защищенную сильным гарнизоном, притворился, что отчаивается в успехе, и направился к другим крепостям, а иллирийцы попались в западню — послали войска на выручку крепостям и настолько ослабили защиту столицы, что ее уже нетрудно было взять. Многие для овладения городом отравляли воду или отводили течение рек, хотя это средство ненадежное. Иногда осажденных принуждали к сдаче, пугая их ложными известиями о поражении их войск или о прибытии новых подкреплений к осаждающим. Древние полководцы старались также захватить город изменой, подкупая жителей, причем действовали разными способами. Одни

посылали кого-нибудь из своих, он притворялся перебежчиком, входил в доверие к неприятелю, становился влиятельным человеком и пользовался этим в интересах того, кто его послал. Другие этим путем узнавали расположение караулов и благодаря полученным сведениям проникали в город. Третьи под каким-нибудь предлогом загромождали ворота повозкой или бревнами, так что их нельзя было вовремя запереть, и осаждающий легко врвался.

Ганнибал, обложив одну римскую крепость, убедил одного из жителей предать ее. Для этого предатель отправлялся на охоту ночью, притворяясь, что днем боится неприятеля. Через некоторое время, возвращаясь в город, он привел с собой отряд солдат, которые перебили часовых и открыли ворота карфагенянам. Иногда осажденных можно обмануть, выманивая их из города на вылазку и притворно обращаясь в бегство, чтобы завлечь их возможно дальше. Многие полководцы, между прочими и Ганнибал, даже отдавали неприятелю свои лагеря, чтобы отрезать ему отступление и взять город.

Полезно также притворное снятие осады. Так поступил, например, афинянин Формион, который сначала разорил землю халкидян, а затем принял их послов, надавал им всяких хороших обещаний и, воспользовавшись их неосмотрительностью, овладел городом. Осажденные должны тщательно следить за всеми подозрительными людьми из городских жителей. Впрочем, иногда их можно привлечь на свою сторону не только страхом, но и благодеяниями. Марцелл знал гражданина Нолы Луция Банция как сторонника Ганнибала, но обходился с ним настолько великодушно, что превратил его из врага в самого преданного друга.

Когда неприятель отходит от города, осажденным надо быть осторожнее, чем во время осады. Необходимо особенно охранять именно те места, которые кажутся наиболее безопасными, ибо многие крепости были взяты нечаянным нападением с той стороны, откуда никто его не ждал. Ошибка осажденных объясняется двояко: они или преувеличивают мощь крепости, считая ее неприступной, или попадают на обман неприятеля, который производит ложное и шумное нападение с одной стороны, а настоящий приступ готовит совсем в другом месте и в полной тишине. Поэтому осажденные должны смотреть в оба всегда, и особенно ночью, строжайшим образом охранять крепостные стены и пользоваться для этого не только людьми, но и злыми, чуткими собаками, обнаруживающими врага своим лаем. Да и не только собаки спасали иной раз города, а и гуси, как известно по рассказу об осаде галлами Капитолия.

Алкивиад во время осады Афин спартамцами захотел убедиться в бдительности стражи и под страхом жестокого наказания приказал, чтобы в ту минуту, когда он ночью зажжет огонь, все часовые отвечали ему тем же. Афинянин Ификрат убил спавшего часового и сказал затем, что оставил его в том же состоянии, в каком он его застал.

С союзниками осажденные сносятся различно: чтобы не посылать устных сообщений, пишут условленными цифрами и переправляют письма самыми разнообразными способами — их прячут в ножнах меча, запекают в хлебном тесте, скрывают в самых потаенных частях тела, заделывают в ошейник собаки, провозжающей гонца. Некоторые писали самое обычное

письмо, а между строк вписывали все нужное другим составом, позволяющим обнаружить буквы при смачивании или нагревании бумаги. Способ этот особенно развился в наше время и применяется очень хитро. Если кто-нибудь хотел тайно написать друзьям, находящимся в крепости, и не желал никому доверять письмо, он прибывал к церковной двери объявление об отлучении в обычной форме, содержащее между строк сообщение, написанное, как я вам уже говорил, а те, к кому письмо направлялось, узнавали бумагу по условленному знаку, снимали объявление и на досуге его читали. Это очень тонкий и безопасный способ, так как посланный с таким письмом может вовсе и не подозревать о его содержании.

Можно изобрести для сообщений еще бесконечное множество самых разнообразных средств. Все же надо иметь в виду, что легче писать осажденным извне, чем доставлять сведения из обложенной крепости, ибо такие письма могут переносить только мнимые перебежчики, а это — способ ненадежный и опасный, если только неприятель сколько-нибудь осторожен. Наоборот, тот, кто хочет сообщить что-нибудь в крепость, может под разными предлогами послать во вражеский лагерь гонца, который уже всегда найдет возможность туда пробраться.

Обратимся, однако, к другому предмету, именно к современной осаде и обороне. Допустим, что вы осаждены в крепости, не обнесенной рвами внутри, как я уже вам объяснял. Если вы хотите помешать противнику ворваться в пролом, пробитый пушечным обстрелом (самый пролом заделать невозможно), вы должны еще под огнем выкопать за стеной ров шириной по

меньшей мере в 30 локтей и выбрасывать всю вынутую землю в сторону города, чтобы образовать таким образом вал и увеличить глубину рва. Работы эти необходимо вести как можно быстрее, чтобы к тому времени, когда стена начнет рушиться, глубина рва достигала по меньшей мере 5 или 6 локтей. Ров должен с обоих концов замыкаться казематом. Если же стена продержится так долго, что ты успеешь выкопать ров и устроить казематы, то обстреливаемая часть крепости будет сильнее всех остальных, ибо насыпанный вал заменит внутренние рвы, о которых мы уже говорили. Если же стена слаба и у тебя не хватит времени на эти работы, то надо проявить все свое мужество и отразить приступ всеми силами и средствами.

Этот способ сооружения вала был применен пизанцами при осаде их вашими войсками, и он удался благодаря крепости стен, задержавших приступ, и глинистой почве, необычайно удобной для устройства валов и преград. Если бы не эти преимущества, пизанцы, несомненно, потерпели бы поражение. Поэтому всегда лучше произвести все эти работы заранее и выкопать внутренний ров по всей окружности города, ибо, когда вал сооружен, можно ожидать врага с полным спокойствием. Древние часто брали города подкопами, причем действовали двояко: они либо вели подземный ход и проникали через него в город, как это было при взятии города Вейи, либо подрывали стены, чтобы в нужную минуту их обрушить. Второй способ очень употребителен в наше время, и благодаря ему выяснилось, что крепости, построенные на высотах, слабее других: их легче подрывать, а если положить в подкоп порох, воспламеняющийся мгновенно, то не

только стены взлетят на воздух, но и раскроются горы и все укрепления рассыплются на части.

Против этого можно бороться устройством крепости на равнине и сооружением настолько глубокого окружного рва, чтобы неприятель при всякой попытке прорыть его дальше наталкивался на подземные воды, которые одни только и опасны для этих подкопов. Если все же приходится оборонять крепость, расположенную на высоте, то единственное средство — это вырыть в городе множество глубоких колодцев, которые явятся как бы выходами из неприятельского подкопа. Другой способ борьбы — это встречный подкоп, если только ты знаешь, как его направить; этим путем очень легко остановить работы противника, но вся трудность в том, чтобы их открыть, особенно когда имеешь дело с опытным врагом.

Самое страшное для осажденного — это нападение врасплох во время отдыха войск, например после отбитого приступа, перед сменой часовых, т. е. на расвете или в сумерки, и особенно во время еды.

Множество крепостей было взято именно такими атаками, и, наоборот, осаждающие не раз бывали разбиты этими внезапными вылазками гарнизона. Поэтому здесь требуется с обеих сторон неусыпная бдительность, причем часть войск всегда должна быть при оружии. Надо вообще сказать, что оборона крепости или лагеря очень затруднена необходимостью раздроблять войска. Ведь неприятель может по своему желанию нападать единой массой с любой стороны. Поэтому ты должен защищать свои линии на всем их протяжении, и, в то время как враг бросает на тебя все свои силы, ты можешь противопоставить ему только часть их.

Осажденный может быть совершенно уничтожен, а для осаждающего самое худшее — это только отбитый приступ. Такое положение заставляло многих полководцев, осажденных в лагере или в крепости, делать отчаянную вылазку и вступать в решительный бой, который давал им победу, несмотря на численный перевес неприятеля. Так поступили Марцелл в Ноле и Цезарь в Галлии. Обложенный в лагере громадными полчищами галлов, он понял, что, оставаясь в укреплениях, он погибнет, так как должен будет разделить свои силы и не сможет, укрываясь за палисадом, обрушиться на врага. Поэтому он открыл один из выходов лагеря, собрал в этом месте все войска и устремился на галлов с такой яростью и силой, что одержал полную победу.

Твердость духа осажденных много раз устрашала их противника и заставляла его отчаиваться в успехе. Во время войны между Помпеем и Цезарем, когда войско Цезаря сильно страдало от голода, Помпею был доставлен кусок хлеба, которым питались Цезаревы солдаты. Хлеб этот состоял из травы, и Помпей запретил показывать его войску, дабы оно не смутилось, увидав, с каким противником ему приходится сражаться. Величайшая честь римлян в войне с Ганнибалом — это их удивительная твердость, ибо в самую трудную пору, когда счастье как будто окончательно им изменило, они ни разу не просили мира и не проявили ни малейшей слабости. Наоборот, когда Ганнибал стоял почти у ворот Рима, поля, на которых был разбит его лагерь, продавались по более высокой цене, чем в мирное время. Римляне вообще преследовали свою цель с такой непреклонностью, что ради защиты Рима даже не за-

хотели снять осаду Капуи, обложенной ими в то самое время, когда неприятель угрожал их столице.

Многое из того, что я вам сказал, вы могли бы, конечно, узнать сами. Однако я сделал это намеренно, чтобы лучше обнаружить все превосходство предлагаемых мною воинских установлений и принести некоторую пользу тем (если такие найдутся), кто не мог, подобно вам, участвовать в нашей беседе. Все сказанное мною можно выразить в некоторых общих правилах, которые надо твердо себе усвоить.

Вот эти правила.

Все, что полезно неприятелю, вредно тебе, и все, что полезно тебе, вредно неприятелю. Тот, кто на войне бдительнее следит за неприятелем и тщательнее обучает и упражняет свои войска, подвергается меньшей опасности и может больше надеяться на победу.

Никогда не веди войска в бой, пока ты не внушил им уверенности в себе и не убедился, что они вполне снаряжены и не боятся врага. Никогда не начинай сражения, если ты не знаешь, что войска верят в победу.

Лучше сокрушить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше дается счастьем, чем мужеством.

Лучший замысел — это тот, который скрыт от неприятеля, пока ты его не выполнил.

Умей на войне распознавать удобный случай и вовремя за него ухватиться. Это искусство полезнее всякого другого.

Природа редко рождает храбрецов. Они во множестве создаются трудом и обучением.

Дисциплина на войне важнее стремительности. Если часть неприятельских солдат перейдет к тебе и будет

верно служить, это всегда для тебя крупный успех. Беглые больше ослабляют неприятеля, чем убитые, хотя имя перебежчика подозрительно новым друзьям и ненавистно старым.

Выстраивая войска в боевой порядок, лучше оставить за первой линией сильный резерв, чем разбрасывать солдат и растягивать фронт.

Трудно победить того, кто хорошо знает свои силы и силы неприятеля. Храбрость солдат важнее их численности, но выгодная позиция бывает иногда полезнее храбрости. Всякая неожиданность устрашает войско, ко всему привычному и постепенному оно равнодушно; поэтому приучай свое войско к новому врагу и ознакомь его с ним мелкими стычками, раньше чем вести солдат в решительную битву.

Кто в беспорядке преследует разбитого врага, стремится только к тому, чтобы из победителя превратиться в побежденного.

Кто не заботится о продовольствии для войск, будет побежден, не обнажая меча.

Тщательно выбирай место боя, в зависимости от того, полагаешься ли ты на свою конницу больше, чем на пехоту, или наоборот.

Если ты хочешь узнать, не забрался ли днем в лагерь шпион, прикажи всем разойтись по палаткам.

Умей менять решение, если ты замечаешь, что оно разгадано противником.

Советуйся со многими о том, что надо предпринять; сообщай только избранным о том, что уже решено.

Сдерживай солдат во время мира страхом и наказанием; отправляясь на войну, воодушеви их надеждой и наградой.

Хороший полководец никогда не решится на бой, если его не вынуждает необходимость или заманчивый случай.

Позаботься о том, чтобы враг не знал, в каком порядке твои войска будут выстроены в бою; каковы бы ни были твои распоряжения, первая линия должна иметь возможность отступить сквозь вторую и третью.

Не изменяй во время боя первоначального назначения боевых частей, если не хочешь расстроить войска.

С неожиданным бороться трудно, со всем предвиденным заранее — легко.

Люди, оружие, деньги и хлеб — вот жизненная сила войны. Из этих четырех условий всего важнее первые два, ибо с людьми и оружием всегда можно достать деньги и хлеб, но с одним хлебом и деньгами ты не достанешь ни людей, ни оружия. Обезоруженный богач — награда бедного солдата.

Приучай своих воинов презирать изнеженную жизнь и богатую одежду.

Таковы основы войны, с которыми я хотел вас познакомить. Знаю, что можно было бы сказать еще многое, хотя бы об устройстве античных войск, их одежде и обучении, и прибавить еще целый ряд подробностей, но я не считал нужным о них говорить, потому что вы можете узнать все это сами, а главное — потому, что моей целью был вовсе не рассказ об устройстве войска в Древнем мире, а объяснение того, как оно может и должно быть устроено в наше время, дабы приобрести ту силу, которой у него сейчас нет. Поэтому я и говорил об учреждениях древности лишь в той мере, в какой они, по-моему, необходимо должны быть восстановлены теперь.

Знаю также, что следовало бы больше сказать о коннице и рассмотреть морскую войну, ибо военная мощь охватывает одинаково морскую и сухопутную силу, пехоту и кавалерию. О морском деле я говорить не решаюсь, потому что совершенно его не знаю, — слово здесь принадлежит генуэзцам и венецианцам, тщательно его изучившим и творившим в прошлом великие дела. Относительно конницы я ограничусь уже сказанным, ибо эти войска, как я вам говорил, не так испорчены, как все остальные. При хорошей пехоте — жизненной основе всякого войска — неизбежно будет хороша и конница. Могу дать устроителю ее только два полезных совета, которые помогут увеличить в стране число лошадей: надо воспитывать в своем округе хорошие породы и приучить подданных торговать жеребьями, подобно тому как вы торгуете у себя телятами и мулами. Дабы обеспечить продавцу покупателя, я позволил бы держать мула только тем, у кого есть лошадь; таким образом, всякий желающий ездить верхом поневоле должен будет ее купить. Наконец, я разрешил бы одеваться в шелк только владельцам лошадей. Я слышал, что один из ныне живущих князей установил у себя такой порядок и в самое короткое время создал в своих владениях образцовую конницу. В остальном сошлюсь на сегодняшнюю беседу и на все, что у нас делается.

Вы, может быть, хотите знать, какими качествами должен обладать великий полководец? Отвечу на этот вопрос очень кратко, ибо мыслю себе великого полководца только как такого человека, который сумел бы осуществить все, о чем мы сегодня говорили. Однако этого, конечно, мало, если он в своем деле не творец,

ибо без дара изобретательности ни в одной области еще не было великих людей. Изобретательность, конечно, почетна во всех делах, но в военном она приносит великую славу.

Мы ведь знаем, что даже не очень хитрые выдумки восхваляются историками. Они, например, превозносят Александра Великого за то, как он сумел скрыть выступление войска из лагеря. Известно, что он приказал вместо трубного сигнала поднять шлем на копье. Восхваляют его и за то, что он при начале боя велел солдатам стать на левое колено, дабы лучше выдержать натиск неприятеля. Это не только дало Александру победу, но и принесло ему такую славу, что все памятники, воздвигнутые в его честь, изображают его в этом положении. Однако пора вернуться к тому, с чего начал, дабы не подвергнуться каре, положенной у вас всем, кто безвозвратно покидает страну.

Вы, Козимо, помнится, говорили мне, что не понимаете, как это я, восторженный почитатель древности и порицатель тех, кто не следует ей в важнейших делах, вместе с тем никогда не подражал ей в военном искусстве, которому посвящена моя жизнь. Я ответил, что всякий замысливший какое-нибудь дело должен сначала к нему подготовиться, чтобы он мог осуществить его, когда представится случай. Теперь вы долго меня слушали и можете судить сами, нашел ли я в себе силу создать войско на древних началах или нет. Вы теперь знаете, сколько времени я продумывал эти мысли, и можете, конечно, себе представить, как велико мое желание их осуществить.

Нетрудно ответить и на другой вопрос: мог ли я здесь что-нибудь сделать и представлялся ли для этого

подходящий случай? Однако, чтобы убедить вас окончательно и вполне перед вами оправдаться, я перечислю вам все имеющиеся возможности и, кстати, отмечу, как и обещал, все трудности подобного преобразования в настоящее время. Из всех человеческих учреждений легче всего восстановить на античных началах установления военные, но это по силам только таким князьям, владения которых достаточно обширны, чтобы выставить собственное войско в 15 000—20 000 новобранцев. С другой стороны, для государя, не имеющего таких преимуществ, это самое трудное из всех возможных преобразований.

Чтобы пояснить свою мысль, должен напомнить, что полководцы приобретают славу двумя различными путями. Одни, располагая издавна хорошо обученными и снаряженными войсками, совершали с их помощью великие дела. Таковы были главным образом римские полководцы и другие, начальствовавшие над такими войсками, в которых надо было только поддерживать порядок и разумно ими распорядиться. Другим путем шли те, кому предстояло не только одолеть врага, но и еще задолго до встречи с ним создать и устроить свои силы заново. Они, несомненно, заслуживают большей похвалы, чем те, кто совершал блестящие подвиги, командуя старыми и опытными войсками. Таковы были Пелопид и Эпаминонд, Тулл Гостилий, Филипп Македонский, отец Александра, Кир, царь персов, римлянин Семпроний Гракх.

Все они должны были сначала образовать свое войско и только после этого могли начинать войну. Предприятие их удалось отчасти по мудрости их, отчасти потому, что они располагали достаточным количеством

людей, которых можно было призвать под знамена. Никто из этих мужей, каким бы выдающимся человеком он ни был, не мог бы сделать ничего, если бы ему пришлось действовать в чужой стране, среди развращенных людей, не имеющих понятия о том, что значит честно повиноваться. В Италии недостаточно быть хорошим руководителем готового войска, надо сначала уметь его создать, а потом научиться им повелевать. Это возможно только для князей с большими владениями и многочисленным населением. Я к их числу не принадлежу, ибо всегда командовал и могу командовать только чужими войсками и людьми, зависящими от других, а не от меня.

Предоставляю вам решить, возможны ли в этой среде какие-нибудь задуманные мною улучшения. Могу ли я заставить нынешних солдат носить другое, более тяжелое оружие, кроме трехдневного запаса продовольствия и кирки? Как заставляю я их рыть окопы или каждый день обучаться по несколько часов в полном вооружении, чтобы сделать из них настоящих воинов, годных для большой войны? Как могу я отучить их от игры, разврата, богохульства и ежедневных безобразий? Можно ли подчинить этих людей такой дисциплине и воспитать в них такое чувство повинования и уважения, чтобы они, как те древние солдаты, о которых мы постоянно читаем у историков, не смели тронуть яблони, растущей в середине лагеря? Могу ли я обещать им нечто такое, что внушит им ко мне уважение, любовь или страх, если по окончании войны мы все разойдемся в разные стороны?

Какими средствами могу я пристыдить людей, родившихся и выросших без понятия о чести? Почему

они должны меня уважать, когда они меня не знают? Какими богами и святыми заставлю я их клясться — теми, которых они чтут, или теми, над которыми кощунствуют? Не знаю, кого они чтут, но кощунствуют они над всеми. Можно ли вообще верить клятвам, данным перед существом, над которым они издеваются? Как могут они, глумясь над Богом, уважать людей? Мыслимо ли вообще отлить в какую-нибудь форму подобный материал? Не возражайте мне ссылками на швейцарцев или на испанцев. Я согласен, что они не в пример лучше итальянцев. Но если вы вспомните все, что я вам сказал, и сопоставите мои слова с военными порядками той и другой армии, то вы увидите, как им еще далеко до вершин античного мира. Швейцарцы по причинам, о которых я говорил, хорошие солдаты от природы; испанцев создала необходимость — они воюют в чужой стране, где им остается только победить или умереть, потому что отступить некуда, и неудивительно, что они стали храбрецами. Однако при всех качествах этим войскам очень многого не хватает, и превосходство их сказывается больше всего в том, что они привыкли подпускать неприятеля на расстояние меча или пики. Обучить их тому, чего им недостает, не может никто, тем более если он не знает языка.

Вернемся, однако, к итальянцам, которые по незнанию своих князей не получили настоящего военного устройства и не создали его сами, так как их не вынуждала к этому необходимость, тяготевшая над испанцами; поэтому они и являются посмешищем мира. Виноваты в этом, конечно, не народы, а властители, заслуженно наказанные за свое невежество унижительной и позорной потерей владений. Хотите убедиться в

истине моих слов? Посмотрите, сколько войн разразилось над Италией со времени вторжения Карла VIII до наших дней. Войны обычно воспитывают в людях боевой дух и приносят им признание других, но в Италии чем более крупной и жестокой была война, тем больше бесславила она и вождей, и солдат. Это может объясняться только тем, что принятые военные установления никуда не годятся, а новых никто не сумел ввести.

Поверьте, что восстановить славу итальянского оружия можно только на пути, мной указанном, и доступно это лишь крупнейшим властителям, так как предлагаемый мной порядок осуществим только среди людей простых и грубых, притом коренных жителей страны, а не среди развращенных и распущенных чужеземцев. Ни один хороший скульптор не станет высекать прекрасную статую из куска мрамора, испорченного другим, а потребует себе никем не тронутую глыбу. Пока наши итальянские князья еще не испытали на себе ударов войны, нагрянувшей с севера, они считали, что правителю достаточно уметь написать ловко составленное послание или хитрый ответ, блистать остроумием в словах и речах, тонко подготовить обман, украшать себя драгоценностями и золотом, есть и спать в особенной роскоши, распутничать, обирать и угнетать подданных, изнывать в праздности, раздавать военные звания по своему произволу, пренебрегать всяким дельным советом и требовать, чтобы всякое слово князя встречалось как изречение оракула. Эти жалкие люди даже не замечали, что они уже готовы стать добычей первого, кто вздумает на них напасть.

Вот откуда пошло то, что мы видели в 1494 году, — весь этот безумный страх, внезапное бегство и непости-

жимые поражения; ведь три могущественнейших государства Италии были несколько раз опустошены и разграблены. Но самое страшное даже не в этом, а в том, что уцелевшие властители пребывают в прежнем заблуждении и живут в таком же разброде. Они никогда не подумают о примерах людей Древнего мира, которые в своем стремлении к власти делали сами и заставляли других делать все, о чем мы сегодня говорили, закаляли свое тело и приучали свою душу ничего не бояться.

Цезарь, Александр и все великие люди и полководцы античности сражались всегда в первых рядах, шли пешком в полном вооружении и если лишались власти, то только вместе с жизнью. Поэтому они жили и умирали со славой. Их можно отчасти упрекнуть в чрезмерном властолюбии, но в них не было никогда и тени дряблости, изнеженности или робости. Если бы наши князья когда-нибудь прочли их жизнеописание и прониклись их примером, они не могли бы не изменить свой образ жизни, а с этим, конечно, изменились бы и судьбы их стран.

В начале нашего разговора вы жаловались на свою милицию, а я утверждаю, что жалобы эти были бы верны только в том случае, если бы вы ее сначала устроили по моим указаниям и убедились на деле, что опыт не удался. Теперь же, когда она не благоустроена и не обучена по моим правилам, не вам жаловаться на нее, а ей на вас за то, что вы родили недоноска, а не полноценное существо. Венецианцы и оба феррарских герцога приступили к преобразованию войска, но не сумели его довершить; виноваты в этом они, а не их войска.

Я утверждаю, что тот итальянский князь, который первым вступит на мой путь, будет властелином всей

страны. Государство его получит значение Македонии под правлением Филиппа, который научился у фиванца Эпаминонда искусству создавать войско, воспринял его военные порядки и правила обучения солдат и стал так силен, что, пока Греция пребывала в праздности и увлекалась комедиями, он в несколько лет покорил ее всю и заложил основы такого могущества, что сын его мог уже стать повелителем мира.

Кто пренебрегает этими мыслями, равнодушен к своей власти, если он князь, и к отечеству, если он гражданин республики. Я считаю себя вправе роптать на судьбу, потому что она должна была либо отказать мне в возможности познания таких истин, либо дать мне средства осуществить их в жизни.

Теперь, когда я стар, случая к этому, конечно, больше не представится. Я потому-то и откровенен с вами, что вы молоды, занимаете высокое положение и, если согласитесь со мной, можете в нужный момент воспользоваться благосклонностью к вам князей и быть их советниками в преобразовании военного дела.

Не бойтесь и не сомневайтесь, ибо наша страна как бы рождена для воскрешения всего, что исчезло, и мы видели это на примере поэзии, живописи и скульптуры.

Возраст мой уже не позволяет питать подобные надежды, но если бы судьба в прошлом дала мне необходимую власть, я в самое короткое время показал бы всему миру непреходящую ценность античных воинских установлений. Верю, что мог бы вознести свою родину на высоты могущества или по крайней мере погибнуть без позора.

СОЧИНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны

Когда Луций Фурий Камилл вернулся в Рим после победы над жителями Лациума, много раз восставшими против римлян, он пришел в Сенат и сказал речь, в которой рассуждал, как поступить с землями и городами латинов. Вот как передает Ливий его слова и решение Сената: «Отцы сенаторы, то, что должно было свершить в Лациуме войной и мечом, милостью богов и доблестью воинов наших ныне окончено. Воинство врагов полегло у Педа и Астуры, земли и города латинов и Анциум, город вольсков, взяты силой или сдались вам на известных условиях. Мы знаем, однако, что племена эти часто восстают, подвергая отечество опасности, и теперь нам остается подумать, как обеспечить себя на будущее время: воздать ли им жестокостью или великодушно их простить. Боги дали вам полную власть решить, должен ли Лациум остаться независимым, или вы подчините его на вечные времена. Итак, подумайте, хотите ли вы сурово проучить тех, кто вам покорился, хотите ли вы разорить дотла весь Лациум и превра-

тить в пустыню край, откуда не раз приводили вы в опасное время на помощь себе войска, или вы хотите, по примеру предков ваших, расширить республику Римскую, переселив в Рим тех, кого еще они победили, и этим дается вам случай со славой расширить пределы города. Я же хочу сказать лишь следующее: то государство стоит несокрушимо, которое обладает подданными верными и привязанными к своему властителю; однако дело, которое надо решить, должно быть решено быстро, ибо перед вами множество людей, трепещущих между надеждой и страхом, которых надо вывести из этой неизвестности и обратить их умы к мыслям о каре или о награждении. Долгом моим было действовать так, чтобы и то и другое было в вашей власти; это исполнено. Вам же теперь предстоит принять решение на благо и пользу республики».

Сенаторы хвалили речь консула, но сказали, что дела в восставших городах и землях обстоят различно, так что они не могут говорить обо всех, а лишь о каждом отдельно, и когда консул доложил о делах каждой земли, сенаторы решили, что ланувийцы должны быть гражданами римскими и получить обратно священные предметы, отнятые у них во время войны; точно так же дали они гражданство римское арицинам, номентанам и педанам, сохранили преимущества тускуланцев, а вину за их восстание возложили на немногих, наиболее подозрительных. Зато велитерны были наказаны жестоко, потому что, будучи уже давно римскими гражданами, они много раз восставали; город их был разрушен, и всех его граждан переселили в Рим. В Анциум, дабы прочно укрепить его за собой, поселили новых жителей, отняли все корабли и запретили строить

новые. Можно видеть по этому приговору, как решили римляне судьбу восставших земель; они думали, что надо или приобрести их верность благодеяниями, или поступить с ними так, чтобы впредь никогда не приходилось их бояться; всякий средний путь казался им вредным. Когда надо было решать, римляне прибегали то к одному, то к другому средству, милуя тех, с кем можно было надеяться на мир; с другими же, на кого надеяться не приходилось, они поступали так, что те уже никак и никогда не могли им повредить. Чтобы достигнуть этой последней цели, у римлян было два средства: одно — это разрушить город и переселить жителей в Рим, другое — изгнать из города его старых жителей и прислать сюда новых или, оставив в городе старых жителей, поселить туда так много новых, чтобы старые уже никогда не могли злоумышлять и затеять что-либо против Сената. К этим двум средствам и прибегли римляне, когда разрушили Велитернум и заселили новыми жителями Анциум. Говорят, что история — наставница наших поступков, а более всего поступков князей, что мир всегда населен был людьми, подвластными одним и тем же страстям, что всегда были слуги и повелители, а среди слуг такие, кто служит поневоле и кто служит охотно, кто восстает на господина и терпит за это кару. Кто этому не верит, пусть посмотрит на Ареццо и на всю Вальдикьяну, где в прошлом году творились дела, очень схожие с историей латинских племен. Как там, так и здесь было восстание, впоследствии подавленное, и хотя в средствах восстания и подавления есть довольно заметная разница, но самое восстание и подавление его схожи. Поэтому, если верно, что история — наставница наших поступ-

ков, не мешает тем, кто будет карать и судить Вальдикьяну, брать пример и подражать народу, который стал владыкой мира, особенно в деле, где вам точно показано, как надо управлять, ибо как римляне осудили различно, смотря по разности вины, так должны поступить и вы, усмотрев различие вины и среди ваших мятежников. Если вы скажете: мы это сделаем, я отвечу, что не сделано главное и лучшее. Я считаю хорошим решением, что вы оставили правящие органы в Кортоне, Кастильоне, Борго, Фойано, обошлись с ними ласково и сумели благодеяниями вернуть их приязнь, ибо нахожу в них сходство с ланувийцами, арицинами, номентанами и тускуланцами, насчет которых римляне решили почти так же. Но я не одобряю, что аретинцы, похожие на велитернов и анциан, не подверглись такой же участи, как и те. И если решение римлян заслуживает хвалы, то ваше в той же мере заслуживает осуждения. Римляне находили, что надо либо облагодетельствовать восставшие народы, либо вовсе их истребить и что всякий иной путь грозит величайшими опасностями. Как мне кажется, вы не сделали с аретинцами ни того ни другого: вы переселили их во Флоренцию, лишили их почестей, продали их имения, открыто их срамили, держали их солдат в плену — все это нельзя назвать благодеянием. Точно так же нельзя сказать, что вы себя обезопасили, ибо оставили в целости городские стены, позволили пяти шестым жителей остаться по-прежнему в городе, не смешали их с новыми жителями, которые держали бы их в узде, и вообще не сумели так поставить дело, чтобы при новых затруднениях и войнах нам не пришлось тратить больше сил на Ареццо, чем на врага, который вздума-

ет на нас напасть. Вспомните опыт 1498 года, когда еще не было ни восстания, ни жестокого усмирения этого города; все же, когда венецианцы подошли к Библиене, вам пришлось, чтобы отстоять Ареццо, отдать его войскам герцога Миланского, и если бы не ваши колебания, то граф Рануччо с своим отрядом мог бы воевать против врагов в Казентино и не понадобилось бы отзывать из-под Пизы Паоло Вителли, чтобы послать его в Казентино. Однако ненадежность аретинцев заставила вас на это решиться, и вам пришлось встретиться с очень большими опасностями, помимо огромных расходов, которых вы бы избежали, если бы аретинцы остались верными. Сближая, таким образом, то, что было тогда, с тем, что мы видели позже, и с условиями, в которых вы находитесь, можно заключить наверняка, что если на вас, упаси Боже, кто-нибудь нападет, то Ареццо восстанет или вам будет так трудно удержать его в повиновении, что расходы окажутся для города непосильными. Не хочу обойти молчанием и вопрос, можете ли вы подвергнуться нападению или нет и есть ли человек, который рассчитывает на аретинцев.

Не будем говорить о том, насколько вам могут быть страшны иноземные государи, а побеседуем об опасности гораздо более близкой. Кто наблюдал Чезаре Борджа, которого называют герцогом Валентино, тот знает, что, оберегая свои владения, он никогда не думал опираться на своих итальянских друзей, так как венецианцев он ценил низко, а вас еще ниже. Поэтому он, конечно, должен думать о том, чтобы создать себе в Италии такую власть, которая дала бы ему безопасность и заставила бы всякого другого правителя желать его дружбы. Что таково его намерение, что он стремится

ся захватить Тоскану, страну, близко лежащую и пригодную, чтобы образовать вместе с другими его владениями единое королевство, — это вытекает необходимо из причин, о которых сказано выше, из властолюбия герцога и даже из того, что он заставлял вас терять время на переговоры и никогда не хотел заключить с вами договор. Дело теперь только в том, удобное ли сейчас время для его замыслов. Я вспоминаю, как кардинал Содерини говорил, что у папы и у герцога, помимо других качеств, за которые можно было назвать их великими людьми, было еще следующее: оба они большие мастера выбирать удобный случай и, как никто, умеют им пользоваться. Мнение это подтверждено опытом дел, проведенных ими с успехом. Если бы спор шел о том, настала ли сейчас удобная минута, чтобы вас прижать, я бы ответил, что нет, но знайте, что герцог не может выжидать, кто победит, ибо, при краткости жизни папы, времени у него останется мало; ему необходимо воспользоваться первым представившимся случаем и положиться во многом на счастье.

Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини

Герцог Валентино только что вернулся из Ломбардии, куда он ездил, чтобы оправдаться перед Людовиком, королем Франции, от клевет, взведенных на него флорентийцами из-за мятежа в Ареццо и в других местностях Вальдикьяны; он находился в Имоле, оттуда намеревался выступить с своими отрядами против Джованни Бентивольо, тирана Болоньи, так как хотел подчинить себе этот город и сделать его столицей своего герцогства Романьи. Когда весть об этом дошла до Вителли, Орсини и других их сторонников, они решили, что герцог становится слишком могуч и теперь надо бояться за себя, ибо, завладев Болоньей, он, конечно, постарается их истребить, дабы вооруженным в Италии остался один только он. Они собрались в Маджоне около Перуджи и пригласили туда кардинала, Паоло и герцога Гравина Орсини, Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, Джампаоло Бальони, тирана

Перуджи, и мессера Антонио да Венафро, посланного Пандольфо Петруччи, властителем Сиены; на собрании речь шла о мощи герцога, о его замыслах, о том, что его необходимо обуздать, иначе всем им грозит гибель. Кроме того, решили не покидать Бентивольо, постараться привлечь на свою сторону флорентийцев и в оба города послать своих людей, обещая помощь первому и убеждая второй объединиться против общего врага. Об этом съезде стало тотчас же известно во всей Италии, и у всех недовольных властью герцога, между прочим у жителей Урбино, появилась надежда на перемены. Умы волновались, и несколько жителей Урбино решили захватить дружественный герцогу замок Сан Лео. Владелец замка в это время его укреплял, и туда свозили лес для построек; заговорщики дождались, пока бревна, доставлявшиеся в замок, были уже на мосту, и загромоздили его настолько, что защитники замка не могли на него взойти, вскочили на мост и оттуда ворвались в замок. Как только об этом захвате стало известно, взбунтовалось все государство и потребовало обратно своего старого герцога, понадеявшись не столько даже на захват крепости, сколько на съезд в Маджоне и на его поддержку. Участники съезда, узнав о бунте в Урбино, решили, что упускать этот случай нельзя, собрали своих людей и двинулись на завоевание всех земель, которые в этом государстве оставались еще в руках герцога, причем снова отправили во Флоренцию послов, поручив им убедить республику соединиться с ними, чтобы потушить страшный для всех пожар, указывая, что враг разбит и другого такого случая уже не дожидаться. Однако флорентийцы, ненавидевшие по разным причинам Вителли и Орсини, не

только к ним не присоединились, но послали к герцогу своего секретаря, Никколо Макьявелли, предлагая ему убежище и помощь против его новых врагов; герцог же находился в Имоле в великом страхе, потому что солдаты его совсем для него неожиданно стали его врагами, война была близка, а он оказывался безоружным. Однако, получив предложения флорентийцев, он воспрянул духом и решил тянуть войну с небольшими отрядами, какие у него оставались, заключать с кем можно соглашения и искать помощи, которую готовил двояко: он просил помощи у короля Франции, а с своей стороны, нанимал где мог солдат и всяких конных людей, всем раздавая деньги. Враги его все же, продвигаясь вперед, подошли к Фоссомброне, где стояли некоторые отряды герцога, которые и были разбиты Вителли и Орсини. После этого герцог все свои помыслы сосредоточил на одном: попробовать, нельзя ли остановить беду, заключив с врагами сделку; будучи величайшим мастером в притворстве, он не упустил ничего, чтобы втолковать им, что они подняли оружие против человека, который хотел все свои приобретения отдать им, что с него довольно одного титула князя, а самое княжество он хотел им уступить. Герцог так их в этом убедил, что они отправили к нему сеньора Паоло для переговоров и прекратили войну. Герцог же своих приготовлений не прекратил и всячески старался набрать как можно больше всадников и пехотинцев; а чтобы приготовления его не обнаружались, он рассылал своих людей отдельными отрядами по всей Романье. Тем временем к нему прибыли пятьсот французских копейщиков, и хотя он был уже настолько силен, что мог отмстить врагам оружием, он все же ре-

шил, что вернее и полезнее их обмануть и не прекращать переговоров. Он так усердно вел дело, что заключил с ними мир, которым подтвердил свои прежние договоры с ними о командовании, подарил им четыре тысячи дукатов, обещал не притеснять Бентивольо, даже породнился с Джованни; все это было тем труднее, что он не мог заставить врагов лично к себе явиться. С другой стороны, Орсини и Вителли обязались вернуть ему герцогство Урбино и другие занятые владения, служить ему во всех его походах, без разрешения его ни с кем не вести войны и не заключать союза. После этой сделки Гвидо Убальдо, герцог Урбино, снова бежал в Венецию, разрушив сперва все крепости государства, ибо, доверяя народу и не веря, что он сможет эти крепости защитить, он не хотел отдать их врагу, который, владея замками, держал бы в руках его друзей. Сам герцог Валентино, заключив этот мир и разослав своих людей по всей Романье вместе с французскими солдатами, уехал в конце ноября из Имолы и направился в Чезену, где провел немало времени в переговорах с Вителли и Орсини, находившимися со своими людьми в герцогстве Урбино, завоевание которого приходилось вести с начала; так как дело не двигалось, они послали к герцогу Оливеротто да Фермо, чтобы предложить ему свои услуги, если герцог захочет идти на Тоскану. В противном случае они двинутся на Синигалию. Герцог ответил, что не желает поднимать войну в Тоскане, так как флорентийцы — его друзья, но будет очень рад, если Орсини и Вителли отправятся в Синигалию. Вскоре пришло известие, что город им покорился, но замок сдаться не хочет, так как владелец хотел передать его только самому герцогу и

никому иному, а потому герцога просят прибыть скорее. Случай показался герцогу удобным и не возбуждающим подозрения, так как не он собирался ехать в Синигалию, а сами Орсини его туда вызвали. Чтобы вернее усыпить противников, герцог отпустил всех французских солдат, которые вернулись в Ломбардию, и оставил при себе только сто копейщиков под командой своего родственника монсеньора ди Кандалес; около половины декабря он выехал из Чезены и отправился в Фано; там он со всем коварством и ловкостью, на какую только был способен, убедил Вителли и Орсини подождать его в Синигалии, доказав им, что при такой грубости владельца замка мир их не может быть ни прочным, ни продолжительным, а он такой человек, который хочет опереться на оружие и совет своих друзей. Правда, Вителлоццо держался очень осторожно, так как смерть брата научила его, что нельзя сперва оскорбить князя, а потом ему доверяться, но, поддавшись убеждениям Паоло Орсини, соблазненного подарками и обещаниями герцога, он согласился его подождать. Перед отъездом из Фано (это было 30 декабря 1502 года) герцог сообщил свои замыслы восьми самым верным своим приближенным, между прочим дону Микеле и монсеньору д'Эуна, который впоследствии был кардиналом, и приказал им, как только они встретят Вителлоццо, Паоло Орсини, герцога Гравина и Оливеротто, сейчас же поставить около каждого из них двух своих, поручить каждого точно известным людям и двигаться в таком порядке до Синигалии, никого не отпуская, пока не доведут их до дома герцога и не схватят. Затем герцог распорядился, чтобы все его воины, конные и пешие (а их было больше

двух тысяч всадников и десять тысяч пехотинцев), находились с раннего утра на берегу реки Метавра, в пяти милях от Фано, и там его дожидались. Когда все это войско в последний день декабря собралось на берегу Метавра, он выслал вперед около двухсот всадников, затем послал пехоту и, наконец, выступил сам с остальными солдатами. Фано и Синигалия — это два города в Анконской Марке, лежащие на берегу Адриатического моря и в пятнадцати милях друг от друга; если идти по направлению к Синигалии, то с правой стороны будут горы, подножие которых иногда так приближается к морю, что между горами и водой остается только очень узкое пространство, и даже там, где горы расступаются, оно не достигает двух миль. Расстояние от подножия этих гор до Синигалии немного больше выстрела из лука, а от Синигалии до моря оно меньше мили. Недалеко протекает небольшая речка, омывающая часть стен, которые выходят на дорогу и обращены к городу Фано. Таким образом, если направляться в Синигалию из окрестностей, то большую часть пути надо идти вдоль гор; у самой реки, пересекающей Синигалию, дорога отклоняется влево и, на расстоянии выстрела из лука, идет берегом, а затем поворачивает на мост, перекинутый через реку, и почти подходит к воротам Синигалии, но не прямо, а сбоку. Перед воротами лежит предместье из нескольких домов и площади, которая одной стороной выходит на речную плотину. Вителли и Орсини, приказав дожидаться герцога и желая сами торжественно его встретить, разместили своих людей в замке в шести милях от Синигалии и оставили в Синигалии только Оливеротто с его отрядом в тысячу пехотинцев и сто пятьдесят всадников,

расположившихся в предместье, о котором сказано выше.

Отдав, таким образом, необходимые распоряжения, герцог Валентино направился к Синигалии, и когда головной отряд всадников подъехал к мосту, он не перешел его, а остановился и затем повернул частью к реке, частью в поле, оставив в середине проход, через который, не останавливаясь, прошли пехотинцы. Навстречу герцогу выехали на мулах Вителлоццо, Паоло Орсини и герцог Гравина, сопровождаемые всего несколькими всадниками. Вителлоццо, безоружный, в зеленой шапочке, был в глубокой печали, точно сознавая свою близкую смерть (храбрость этого человека и его прошлое были хорошо известны), и на него смотрели с любопытством. Говорили, что, уезжая от своих солдат, чтобы отправиться навстречу герцогу в Синигалию, он прощался с ними как бы в последний раз. Дом и имущество он поручил начальникам отряда, а племянников своих увещевал помнить не о богатстве их дома, а о доблести отцов. Когда все трое подъехали к герцогу и сердечно его приветствовали, он их принял любезно, и они тотчас же были окружены людьми герцога, которым приказано было за ними следить. Увидав, что не хватает Оливеротто, который остался с своим отрядом в Синигалии и, дожидаясь у места своей стоянки, выше реки, держал своих людей в строю и обучал их, герцог показал глазами дону Микеле, которому поручен был Оливеротто, чтобы тот не допустил Оливеротто ускользнуть. Тогда дон Микеле поскакал вперед и, подъехав к Оливеротто, сказал ему, что нельзя уводить солдат из помещений, так как люди герцога их отнимут; поэтому он предложил ему их разместить

и вместе ехать навстречу герцогу. Оливеротто исполнил это распоряжение, и в это время неожиданно подъехал герцог, который, увидев Оливеротто, позвал его, а Оливеротто, поклонившись, присоединился к остальным. Они въехали в Синигалию, спешили у дома герцога и, как только вошли с ним в потайную комнату, были схвачены людьми герцога, который сейчас же вскочил на коня и велел окружить солдат Оливеротто и Орсини. Люди Оливеротто были истреблены, так как были ближе, но отряды Орсини и Вителли, которые стояли дальше и почуяли гибель своих господ, успели соединиться и, вспомнив доблесть и дисциплину Орсини и Вителли, пробились вместе и спаслись, несмотря на усилия местных жителей и врагов. Однако солдаты герцога, не довольствуясь тем, что ограбили людей Оливеротто, начали грабить Синигалию, и если бы герцог не обуздал их, приказав перебить многих, они разграбили бы весь город. Когда подошла ночь и кончилось волнение, герцог решил, что настало удобное время убить Вителлоццо и Оливеротто, приказал отвести их обоих в указанное место и велел их удавить. При этом не обратили никакого внимания на их слова, достойные их прежней жизни: Вителлоццо просил позволить ему вымолить у папы полное отпущение грехов, а Оливеротто, с плачем, сваливал на Вителлоццо вину за все козни против герцога. Паоло и герцог Гравина Орсини были оставлены в живых, пока герцог не узнал, что папа в Риме захватил кардинала Орсини, архиепископа Флорентийского, и мессера Джакомо ди Санта Кроче. Когда известие об этом пришло, они были таким же образом удушены в Кастель дель Пиэве восемнадцатого января 1502 года.

Легация к Римскому двору

Великолепные синьоры.

Последнее письмо мое к вам написано 30 октября, отправлено через дель Бене; я сообщал в нем между прочим, что думают здесь о выборах папы и об открытии конклава. Мнение, что должен быть выбран Сан Пьетро ин Винкула, так укрепилось, что, еще раньше чем кардиналы заперлись в конклаве, можно было поставить за него девяносто очков против ста, так как два врага, которые могли отнять у него голоса, теперь смирились. Этими врагами были кардинал д'Амбуаз, архиепископ Руанский, и испанские кардиналы — друзья герцога, которые теперь целиком перешли на сторону Сан Пьетро. Архиепископу Руанскому внушили подозрение против Асканио и убедили его, что, кроме Винкула, не может быть папы, способного отнять у Асканио всякое значение, так как они всегда были врагами. Что касается испанских кардиналов и герцога, легко угадать, почему они успокоились: герцогу надо вновь стать на ноги, а кардиналам надо разбогатеть. Время яснее покажет, в чем здесь было дело, но Рове-

ре, видно, лучше других сумел убедить герцога, кому надо быть папой, так как можно уже сказать наверное, что избран будет именно он. Сейчас, т. е. в восемь часов вечера на 1 ноября, ко мне на квартиру пришел из дворца слуга Винкула и сказал мне, что конклавист Сан Пьетро ин Винкула получил от него одну за другой пять записок, где тот сообщает ему, что кардиналы дружно проводят его в папы, хотя вначале против него были голоса семи кардиналов, которые во главе с Асканио стояли за Санта Прасседе. Он сказал мне еще, что в последней записке ему предписывается дать знать в Савону и Синигалию об избрании и о том, что новый папа принял имя Юлия II; сейчас гонцы уже разосланы. Все это дела настолько важные, что стоило бы послать к вам нарочного, но у меня нет на то вашего приказа, а решиться на такой расход без приказа я не могу. Здесь по ночам так беспокойно, что мне нельзя ни пойти самому, ни послать другого узнать, не отправляет ли еще кто-нибудь гонца во Флоренцию. Слугу, пришедшего ко мне из дворца, провожало двадцать человек с оружием. Подожду до утра и постараюсь отправить с кем-нибудь это письмо; к тому времени буду знать больше. В оправдание свое скажу заранее, что, как вы сами увидите, я буду писать вашим светлостям каждый день по письму, но для отправки воспользуюсь чьим-либо гонцом. *Vene valete**.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr**.

Рим, восемь часов в ночь с последнего дня октября на первый день ноября 1503.

* Будьте здоровы (*лат.*).

** Николай Макьявелли, секретарь (*лат.*).

V

Великолепные синьоры.

Извещаю ваши светлости, что сегодня утром кардинал ди Сан Пьетро ин Винкула провозглашен новым верховным первосвященником. Дай ему Боже быть пастырем, полезным для христианского мира.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

1 ноября 1503 г., Рим.

VII

Великолепные синьоры.

Пишу вашим светлостям четвертое письмо о восшествии Сан Пьетро ин Винкула на престол верховного первосвященника под именем Юлия II; я не написал бы вам этого письма, если бы его высокопреосвященство кардинал Содерини, беседуя со мной сегодня по окончании обычных церемоний, не сказал мне, что этой ночью, после выборов папы, были распределены все крепости, подвластные св. престолу, и назначено по жребию, кто будет ими управлять. Сан Джорджо досталась Читерна, кардиналу Содерини — несколько других крепостей, и кардинал считает, что если вы ничего не предпримете, вам Читерну сохранить не удастся. Поэтому я советовал ему, если вы это одобрите, постараться произвести с Сан Джордже обмен, т. е. сохранить Читерну за собой, а отдать Сан Джорджо какую-нибудь другую крепость. Думаю, что таким образом все понемногу может уладиться, и не придется снова к этому возвращаться. Кардинал настойчиво про-

сил меня написать вам об этом деле и убедить вас ответить сейчас же.

Не могу сообщить вашим светлостям ничего нового о здешних делах, так как подробно писал вам сегодня утром о вступлении на престол нового папы; ему предстоит немало хлопот, если он захочет выполнить все, что он наобещал, потому что многие его обещания друг другу противоречат. Так или иначе, он теперь папа, и мы скоро увидим, какой дорогой он пойдет и кому он обещал по-настоящему. У него нашлось, во всяком случае, много хороших друзей, помогавших ему в коллегии; объясняют это тем, что сам он был всегда верным другом и потому в нужную минуту тоже нашел себе верных друзей. Наши соотечественники все рады его избранию, так как многие флорентийцы очень с ним близки, и кардинал Содерини сказал мне сегодня, что уже много лет не было папы, на которого наш город мог бы так надеяться, как на этого; надо только уметь не спешить. Многие наши граждане просили меня написать вам, что когда вы прислали для приветствия папы Пия пять ораторов, все здесь решили, что наш город не очень доволен его избранием; поэтому они почтительно просят ваши светлости, по случаю теперешних выборов, исправить это впечатление и прислать шесть ораторов, как было при выборах Александра и Сикста.

VIII

Последние мои письма помечены 1 ноября, когда я написал вашим светлостям четыре письма и послал их через Мартелли, почему и полагаю, что они дойдут в целости; ничего важного с тех пор не произошло, но

Карло Мартелли поспешно отправляется во Флоренцию, и я не хотел, чтобы он приехал без моего письма. После избрания нового папы все в городе довольно спокойно, так как отряды Орсини отсюда удалились; неизвестно, однако, прошли ли они Монте Ритондо, где они стояли в прошлый раз; вообще, отряды эти немногочисленны; точно так же ушел отсюда и Джампало, т. е. все, кто на деле грабил Рим.

Как я уже сообщал вашим светлостям в других письмах, новый папа избран при необычайном согласии; ему помогали все, кроме трех или четырех кардиналов, которые сами мечтали о папстве, а д'Амбуаз поддерживал его всеми средствами.

Я вам уже писал в прошлый раз, в чем причина этого расположения к нему: именно — он обещал все, что у него просили, и дело, понятно, в том, как он будет эти обещания соблюдать. Герцогу Валентино, на помощи которого он выиграл больше всего, папа, говорят, обещал возратить всю Романью, уступил ему для безопасности его Остию, где герцог держит Моттино с двумя снаряженными кораблями. Герцог живет во дворце, в так называемых новых комнатах, и при нем состоит около сорока самых преданных его слуг; неизвестно, собирается ли он уехать или остаться; одни говорят, что он отправится в Геную, где хранит большую часть своих денег, оттуда пойдет в Ломбардию, наберет там людей и снова вернется в Романью; по-видимому, он может это сделать, так как у него осталось деньгами еще тысяч двести дукатов или даже больше, и почти все деньги находятся у генуэзских купцов.

Другие говорят, что герцог не думает уезжать из Рима и будет дожидаться коронавания папы, надеясь, что

папа сделает его, как он обещал, гонфалоньером св. церкви, и тогда, опираясь на силу этого сана, он сможет вернуть свое государство. Третьи, не лишённые благоразумия, считают, что раз папа при выборах нуждался в помощи герцога и надавал ему великих обещаний, ему поневоле приходится теперь с ним заигрывать, но думают, что герцог легко может попасться, если он ни на что не решится, а будет только сидеть в Риме, так как ему известна та естественная ненависть, которую всегда питал к нему его святейшество, который не может так скоро забыть десять лет своего изгнания. Герцог увлечен самоуверенностью: он думает, что слово другого должно быть прочнее, чем было его собственное, и верит, что обещание брачного союза должно быть исполнено, так как, по слухам, подтверждается брак между Фабио Орсини и сестрой Борджа, а кроме того, говорят, что дочь герцога выходит за префеттино. Не могу больше ничего сказать о его делах или остановиться на каком-нибудь определенном мнении, — надо выждать, пока пройдет время, которое и есть отец истины.

Не буду рассказывать вам о прочих сделках и об обещаниях, данных баронам и кардиналам, ибо давались они всякому, кто просил. Так, Рамолино обещано управление высшим судом, кардинал Борджа назначается главным исповедником, но пока еще неизвестно, вступят ли они в должность. Как я уже говорил, папа сейчас еще вынужден охаживать каждого, но скоро ему придется заговорить, и тогда он покажет, кому он хочет и должен быть другом.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 4 ноября 1503 г.

IX

Великолепные синьоры.

Последнее письмо 4 ноября я послал вашим светлостям через Карло Мартелли и не писал обычным путем, считая, что Карло доставил письма в целости. Я уже сообщил о договоре Джампаоло, а д'Амбуаз писал вам об уплате остальных денег; сейчас я об этом говорить не буду, так как нового ничего нет; надо подождать, пока со мной заговорят, а тогда я отвечу согласно указаниям ваших светлостей. Сообщаю теперь вашим светлостям, что вчера утром я предстал перед верховным первосвященником и от имени вашего приветствовал его с восшествием на папский престол; изложив причины нашей радости его избранию, я сказал, что республика предлагает поставить все свои силы на служение славе и процветанию его понтификата. Предложение это его святейшество принял, очень благодарил меня за все мои слова и сказал, что всегда твердо надеялся на нашу республику, а теперь, когда власть и могущество его возросли, он хочет при всяком случае показать свою любовь к ней, тем более что он особенно обязан своим саном его высокопреосвященству кардиналу Содерини, который так много сделал для его возвеличения. После этих обычных торжественных слов я удалился. С тех пор пришли ваши письма от 2-го этого месяца, в которых вы пишете, что знаете об избрании нового папы, и удивляетесь, что от меня нет писем. Думаю, что вы уже получили четыре письма, но не моя вина, что они запаздывают, так как дель Бене отправили ночью гонца и ничего мне об этом не сказали; я их все же не виню: они думали, как уверяли меня на другое утро, что в письмах, которые я им вручил раньше, уже сооб-

щается об избрании папы. Как бы то ни было, надеюсь, что, когда мои письма до вас дойдут, вы будете ими довольны. Так как в ваших письмах от 2 ноября сообщалось о разорении Романьи, о замыслах венецианцев и вообще о том, как обстоят дела с этой стороны, то монсеньор Содерини и д'Амбуаз нашли, что я должен сейчас же идти с этими известиями к папе. Я отправился к его святейшеству и прочел ему письмо; папа сказал мне, что, по его мнению, Диониджо ди Нальдо будет поддерживать герцога Валентино, а не венецианцев, герцог Урбинский поступит по-своему, а не по указу венецианцев, что дела должны будут принять иной оборот, когда в Венеции узнают о его избрании, что до сих пор они шли плохо, так как о его избрании еще не знали, и что он будет говорить с д'Амбуазом. Откланявшись его святейшеству, я говорил с монсеньорами Асканио, Сан Джордже и Сан Северино и указал им, что дело идет не о свободе Тосканы, а о свободе церкви; венецианцы будут сильнее, чем сейчас, папа превратится в их капеллана, и дело кардиналов — позаботиться о защите престола, наследниками которого они могут быть; мы же со своей стороны напоминаем им об этом вовремя и, по малым средствам нашим, предлагаем что можем. Кардиналы сказали мне, что они это понимают, и обещали все сделать. Затем я говорил с герцогом, которому нарочно сообщил эти известия, чтобы лучше узнать, как обстоят его собственные дела, в чем надо его бояться и на что можно надеяться; когда герцог услышал о восстании в Имоле и о нападении венецианцев на Фаэнцу, он заволновался свыше всякой меры и стал горько упрекать ваши светлости; он говорил, что вы всегда были его врагами, и

ему надо жаловаться на вас, а не на венецианцев, ибо вам стоило послать сто солдат, чтобы спасти его владения, но вы этого не захотели, и теперь он постарается сделать все, чтобы вы первые в этом раскаялись; если Имола потеряна, он не намерен больше ни набирать людей, ни лишаться остатка своих владений, чтобы вернуть потерянное, не хочет быть больше вашим посмешищем, а хочет все, что у него осталось, сам передать венецианцам; он надеется скоро, на радость и веселье себе, видеть гибель вашего государства, потому что французы или сами пропадут в Неаполитанском королевстве, или у них будет там столько дела, что они не смогут вам помочь; все это было сказано словами, исполненными яда и страсти. У меня было что ему ответить, затрудняться в выборе слов мне бы тоже не пришлось, но я решил попытаться его смягчить, а затем, чувствуя, что теряю терпение, я постарался как можно проворнее ускользнуть и вернуться к монсеньору Содерини и д'Амбуазу, которых застал за столом: они ждали меня с ответом, и я им подробно передал весь разговор. Д'Амбуаз возмутился словами герцога и сказал: «Бог еще никогда не допускал, чтобы грех оставался безнаказанным, и не допустит безнаказанности грехов этого человека». Я писал вашим светлостям в письме от 4 ноября, где находится сейчас этот герцог и что можно предполагать на его счет. С тех пор выяснилось, что он, где только может, набирает людей, и некоторые его приближенные, которых я знаю, говорили мне, что он во что бы то ни стало хочет с возможно большим войском вступить в Романью. Теперь он вне себя от потери крепости Имола, и я не знаю, не изменит ли он своих намерений. Ничего другого о нем

сообщить вам не могу, а что касается Романьи, то монсеньор д'Амбуаз и другие кардиналы, ведающие дела Италии, склонны прийти к какому-либо из двух решений: именно, что эту землю, Романью, надо передать или папе, или королю; не знаю, удастся ли это, но думаю, что для этого будет сделано все и испробованы все пути, так как других средств, мне кажется, никто не предлагает...

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

6 ноября 1503.

Х

Великолепные синьоры.

Я писал вам вчера, а сегодня утром в Феррару уехал гонец, и мне ничего об этом не сказали. Я снова напомню этим купцам, чтобы они делали свое дело, а я буду делать свое. Вчера, после разговора со мной, герцог, как я уже писал вашим светлостям, был жестоко взволнован и послал за кардиналом Содерини; сегодня он снова послал за ним, и во время этих двух бесед, особенно последней, он, помимо обычных жалоб, сказал, что, как ему пишут 4 ноября, начальник Имо-лы не убит, а взят в плен, крепость и город стоят за него и синьор Оттавиано, подошедший с большим отрядом, отбит. Герцог сказал еще, что Диониджи ди Нальдо его поддерживает, а у венецианцев слишком мало войск, чтоб их надо было бояться; вообще монсеньору кажется, что у герцога благодаря таким известиям вновь ожи-вилась надежда отвоевать эти владения. Теперь он жа-луется на французов, на всех людей вообще, надеется,

что папа делает его полководцем святого престола, и думает, что об этом будет объявлено завтра на заседании Конгрегации. Монсеньор уверил его, что отчаиваться бесполезно и что отчаяние обрушивается большей частью на того, кто ему предается. С другой стороны, он подал ему надежду и кое-что обещал ему от вашего имени. Теперь надо выждать, что сделает завтра Конгрегация и удастся ли герцогу получить этот жезл, а если не удастся, то надо посмотреть, что он замышляет и как поступит. Ваши светлости будете осведомлены обо всем, и я буду вам благодарен, если вы мне укажете, как мне при всех случаях надо вести себя с этим герцогом, продолжать ли разговоры с ним и в каком духе. Ничего нового в других делах нет.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

Рим, 7 ноября 1503.

XI

Великолепные синьоры.

Последние свои письма 6-го и 7-го я послал с курьером, которого отправляли болонцы; я послал их под видом писем Ручеллаи и писал о делах герцога и о том, как он надеялся, что в первом заседании Конгрегации его провозгласят полководцем св. престола. Вчера было заседание Конгрегации, и, как мне рассказали, там ничего о герцоге не говорили, а обсуждали только дела церковные и меры, какие обычно принимаются в начале нового понтификата. Говорили о войне между Францией и Испанией и о том, какая польза будет для христианского мира, если спор между ними уладится;

по-видимому, папа, насколько может, готов этому помочь. Итак, герцог по-прежнему остается ни с чем, а люди умудренные думают, что дела его складываются дурно и как бы не кончить ему плохо, хотя папа и считался всегда человеком, слово которого верно. Герцог набирал себе конных солдат, и, как мне сказал один из его приближенных, он посылал кой-кого в Ломбардию на вербовать пехотинцев, чтобы стать во главе этих войск, конных и пеших, и, опираясь на свою силу как гонфалоньера и полководца св. престола, выступить в поход и отвоевать свои владения. Теперь, когда ему не удалось быть назначенным гонфалоньером в первом заседании Конгрегации, как он на то надеялся, я не знаю, изменит ли он свои намерения или будет упорствовать, в надежде добиться этого достоинства любыми средствами. Для меня было бы крайне важно получить указания ваших светлостей, как мне держать себя с этим герцогом, потому что здесь считают нужным его поддерживать и помочь ему добиться цели. Не знаю, будете ли вы такого же мнения.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

10 ноября 1503.

XIII

Сегодня я два раза писал вашим светлостям, что герцог Романьи приводит в порядок свои отряды для выступления, что он получил письма к вашим светлостям от кардинала Содерини, от д'Амбуаза и от папы. Герцог настаивал, чтобы и я написал вам и сообщил, что он посылает во Флоренцию одного из своих при-

ближенных для переговоров о выдаче ему свободного пропуска, по форме, о которой ваши светлости можете судить по прилагаемому образцу. Меня просили поддержать перед вашими светлостями его просьбу и просить вас решить это дело как можно скорее. Говоривший со мной убеждал меня, что герцог сейчас духом бодр и надеется, если вы совсем не откажете ему в помощи, быстро отнять свои владения у венецианцев и помешать их намерениям, так как у него остались еще большие деньги.

Ваш слуга

Nicolaus Machiavellus Secr.

Bene valete.

Рим, 10 ноября 1503.

XIV

...Вы видите, какое впечатление произвели здесь ваши указания в письмах от 6-го и 8-го, повторенные в письме от 9-го, которое я получил сегодня. Чтобы вы могли лучше судить, насколько папа свободен в своих решениях и какой помощи можно ждать от него против замыслов в Венеции, я повторяю вам то, что писал уже не раз. Если рассматривать римские дела, как они есть, то ясно, что здесь вершатся дела, в настоящее время самые важные. Первое и важнейшее — это борьба Франции и Испании, потом дела Романьи, затем идут партии баронов и герцог Валентино. Папа находится в гуще борьбы этих страстей, и хотя он избран всеобщим желанием и благодаря высокому имени, но он вступил на престол очень недавно, у него еще нет ни людей, ни денег, и так как своим избранием он обязан всем и каж-

дому и всем надавал обещаний, то он и не может ничего предпринять, и ему невольно приходится со всеми заигрывать, пока времена и дела не изменятся настолько, что он должен будет высказаться прямо, или пока он так не укрепится на престоле, что сможет заключать союзы по своей воле и поступать как хочет. Что все это верно, видно на деле, ибо, если начать с главного, его святейшество по природной склонности слышит французом, но обращается с Испанией так, что жаловаться она ни на что не может; при этом он не увлекается настолько, чтобы Франции пришлось настрожиться, а времена таковы, что обе стороны ему прощают. В делах Романы папу, с одной стороны, теснят венецианцы, а с другой — заявляют свои требования вы, и это, понятно, раздражает его святейшество, так как он человек смелый и хочет, чтобы могущество церкви под его правлением росло, а не уმაлялось. Ваши светлости понимаете теперь, как поступает папа, который, с одной стороны, принимает извинения венецианцев, делая вид, что верит, будто они действуют так из ненависти к герцогу, а не из желания идти против церкви; с другой стороны, папа обнаруживает перед вами свое неудовольствие венецианцами и делает все, что в настоящее время возможно. Что касается баронов, то главных заправил здесь нет, и папе не трудно с ними управляться, потому что со стороны Орсини здесь только архиепископ Флорентийский и синьор Джулио, а со стороны Колонна нет никого, кроме кардинала и нескольких маленьких людей, которые ничего не значат. Остается герцог Валентино, которому папа, понятно, никакого добра не желает. Однако он медлит с ним по двум причинам: во-первых, он хочет сдержать слово, верность которого все считают нерушимой, а кроме

того, папа ему обязан и папство свое получил почти целиком от него; во-вторых, так как сил у его святейшества нет, то он считает, что герцог больше сможет противиться венецианцам, чем кто-нибудь другой; по этой причине папа торопит его с отъездом, дал ему грамоту к вашим светлостям насчет свободного пропуска и оказывает ему другие знаки внимания. Обо всем этом я писал уже раньше; если я считал необходимым особенно подробно сказать об этом в настоящем письме, то потому, что это сильнее оттеняет замыслы папы; вы можете теперь сами судить, чего папа хочет, что он может, чего он хотел бы от вас, и, не питая никаких особых надежд, надо подумать о других мерах — следует ли поддержать герцога или решиться на что-либо иное. Можно быть уверенным, что папа должен быть удовлетворен всяким решением, касающимся Романьи, лишь бы она не ушла из рук церкви или ее викариев.

Сегодня прислал за мной герцог, и я нашел его совсем иначе настроенным, чем в прошлый раз, о чем я писал вам в письмах моих 6 и 7 ноября. Он сказал мне многое, и речи его можно свести к одному, а именно: над прошлым надо поставить крест и думать не о нем, а только о благе общем, о том, чтобы не дать венецианцам сделаться хозяевами Романьи; герцог говорил о том, что папа готов ему в этом помочь, о папских грамотах, о том, как нужно ему, чтобы ваши светлости показали ему свое расположение, и о том, что вы всегда можете на него рассчитывать. Я отвечал ему в общих словах и указал, что он может довериться вам вполне. Сегодня я долго говорил с монсеньором Алессандро из Франции, который сказал мне, что они, вероятно, отправят ночью во Флоренцию гонца с папской грамотой и другими письмами вашим светлостям,

написанными по их просьбе кардиналом и мной относительно свободного пропуска, и что они не сомневаются в вашей согласии; он сказал мне, что герцог еще не решил, как ему поступить: идти ли ему сухим путем с отрядом примерно в четыреста конных и столько же пеших солдат или отправить людей сушей, а самому морем доехать до Ливорно, а затем догнать свой отряд уже на вашей земле, где он мог бы начать переговоры с каким-нибудь нашим гражданином и обо всем с вами условиться; герцогу хотелось бы не медлить, и он хочет, чтобы все условия были подготовлены заранее, а ему оставалось бы только их подписать. Я ответил, что напишу вам об этом, и вообще его обнадежил. Вы можете теперь все обдумать, решить и подготовиться к мерам, какие захотите по отношению к нему принять. Мессер Алессандро сказал мне, что герцог охотно послал бы кого-нибудь во Флоренцию, чтобы заранее все обстряпать и подготовить соглашение с вами, но он не хотел бы посылать человека маловлиятельного, а послать большого человека он пока еще не может, но пошлет его, как только дела ему это позволят. *Valete.*

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

11 ноября 1503.

XVI

Великолепные синьоры.

Вчера я отправил вашим светлостям через Пандольфини письмо от 11 ноября, в котором я ответил на ваше письмо от 8-го, доставленное тем же (23), и вы осведомлены теперь о решениях папы касательно Романы

и обо всем, что можно сказать сейчас насчет его святейшества; вы знаете точно так же и о замыслах герцога, который, однако, все время старается набрать людей, пеших и конных, чтобы идти на Романью, но мне думается, что он с нетерпением ждет, как вы решите, мы же не можем ни вести с ним переговоры, ни вообще что-либо делать, не зная намерений и воли ваших светлостей; хотя я не раз просил вас сообщить ваше мнение, но так как ответа еще нет, то все дело висит в воздухе. Как я уже писал вам в другом письме, папу сдерживают обещания, данные герцогу, и желание не допустить, чтобы эти земли попали в руки венецианцев; видимо, его святейшество готов на все, лишь бы не дать венецианцам проглотить этот кусок, и, как кажется, он сегодня созовет восемь или десять кардиналов, считающихся лучшей опорой церкви, чтобы посоветаться с ними об отправке в Венецию посла. Его святейшество, видимо, не сомневается в том, что получит земли, уже захваченные венецианцами, и верит, что ему в этом всячески будут угождать: советники папы настаивают на том, что он должен всеми средствами завладеть землями, а затем уже распоряжаться ими, как велит честность и т.п...

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 13 ноября 1503

XVII

Великолепные синьоры.

Последнее письмо мое было написано вчера, отправлено сегодня утром через дель Бене. Я сообщал в

нем все, что до сих пор происходило. Остается сказать, что вчера вечером и сегодня утром папа совещался об отъезде герцога с д'Амбуазом, с герцогом, кардиналом Содерини, испанскими кардиналами и кардиналом Феррары; решено, что герцог через два или три дня уедет морем в Порто Венере или в Специю и оттуда через Гарфаньяно в Феррару, а отряд его, в котором, по слухам, насчитывается триста человек легкой конницы, сто человек латников и четыреста пеших, сухим путем направится в Романью через Тоскану и пойдет к Имоле, которая, по словам герцога, стоит за него; сам же он пойдет туда же из Феррары и оттуда уже начнет отвоевывать свои владения своими силами и при поддержке, которую он рассчитывает получить от вас, от д'Амбуаза, от герцога Феррарского и от папы, причем кардинал Содерини сказал мне, что по части помощи папа даст герцогу грамот и патентов сколько угодно, но кроме этого — ничего. Д'Амбуаз обещал герцогу, что к услугам его будет Монтесон и по меньшей мере еще пятьдесят копейщиков; неизвестно только, из тех ли, которые служили ему раньше. Эсте высказал уверенность, что его отец герцога, конечно, не оставит. Содерини говорит, что ему было бы очень важно знать намерения и волю ваших светлостей в этом деле, и он удивляется, что вы ни разу не написали, как же надо вести себя с герцогом; так как ему пришлось хоть что-нибудь сказать от вашего имени, он высказал, что ваши светлости, конечно, сделаете все, чтобы эти города не попали в руки венецианцев, и раз вы решите, что для этого надо поддерживать герцога, то, конечно, всячески ему поможете, но что, раньше чем говорить об этих подробностях, надо знать, какими силами располага-

ет герцог, кто его поддерживает, и тогда уже решить, можно ли добиться желанного успеха, присоединив ваши силы к силам герцога, а для переговоров и выяснения всех этих дел герцогу следовало бы отправить кого-нибудь во Флоренцию. Помимо того, что он не знает, каково ваше мнение о делах герцога, кардинала Содерини смущает одно: он сам не может решить, выгодно ли иметь герцога своим соседом и властителем трех или четырех городов; если бы можно было верить в дружбу этого человека и не бояться, что он всегда может изменить, то водворение его обратно в этих государствах было бы самым выгодным делом, но, зная его опасную природу, Содерини очень боится, что вам не удастся его там удержать, и тогда может наступить как раз самое скверное, именно: что городами этими завладеют венецианцы. Кроме того, кардинал считает, что обстоятельства уже связали вас перед теми, кто занял эти города, что жители с герцогом в открытой вражде, и как бы не случилось, что ваше покровительство герцогу поможет венецианцам еще скорее осуществить их желания. Вот что смущает Содерини, и мне показалось правильным доложить об этом вашим светлостям, дабы вы могли в мудрости вашей разрешить самую суть дела.

На совещании не было никого от Болоньи, но герцог сказал, что с этой стороны ему обещана всяческая помощь; все разошлись, условившись, что герцог поедет указанным путем, Эсте отправится в Феррару убеждать своего отца, д'Амбуаз напишет Монтесону и pošлет ему приказ, о котором я говорил, а Содерини напишет вам и поставит вас в известность обо всем. Раз дела обстоят так, герцогу следовало бы по этому условию выехать немедленно, но Содерини уже сейчас не зна-

ет, как он поступит. Герцог кажется ему изменившимся, колеблющимся, подозрительным и неспособным ни на какое твердое решение, потому ли, что такова его природа, или его сразили удары судьбы, к которым он не привык.

Третьего дня мне случилось быть в доме, где живет герцог Валентино, и я видел, как туда вошли послы из Болоньи, между ними протонотарий Бентивольо; все они прошли к герцогу и оставались у него больше часа; я подумал, что они могли на чем-нибудь сговориться, и отправился сегодня к протонотарию Бентивольо, под предлогом, что пришел его навестить; заговорив о делах герцога, он сказал мне, что они были у герцога по его приглашению, и он дал им понять, что готов снять с них обязательства, которые они приняли на себя в прошлом году, но когда они уже сговорились и послали за нотариусом, чтобы заключить договор, то герцог в обмен на такое уничтожение их обязательств стал просить особой поддержки для своих предприятий в Романье, и так как, не имея полномочий, они не хотели на это соглашаться, то и герцог не пожелал уничтожить названные обязательства, и все дело повисло в воздухе. Протонотарий прибавил, что герцог попробовал схитрить, так как ему необходимо было показать щедрость и перестать жадничать, чтобы покончить дело об уничтожении обязательств, по которым ему никогда не заплатят ни гроша. Он сказал мне дальше, что у него был разговор об этом деле с кардиналом Эрина, и кардинал сказал ему, что герцог точно с ума сошел и как будто сам не знает, чего хочет, настолько он запутался и потерял свою решительность. Я спросил его, собираются ли они хотя бы несколько помочь герцогу, а он

на это ответил, что вступление венецианцев в Романию — вещь настолько важная, что и отец его и другие власти Болоньи, навверное, будут готовы всячески поддержать герцога, если только сочтут, что это может остановить Венецию. Ничего другого я из него не вытянул, но считаю нелишним передать вам этот разговор...

Подписал ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 14 ноября.

XVIII

Великолепные синьоры.

...О герцоге Валентино не могу сказать вам ничего, кроме того, что отряд его еще здесь и сам он не уехал; дело обстоит так же, как два дня тому назад; говорят, как и тогда говорили, что он уедет дня через два или три, а кроме того, везде в Риме рассказывают, что герцог едет во Флоренцию и будет вашим капитаном; подобные слухи распускают о нем каждый день.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr.

16 ноября 1503.

XIX

Великолепные синьоры.

...Вчера утром получены от вас письма от 13-го и 14-го, а часа за четыре до этого пришли ваши письма от 11-го и 12-го. На последние два письма отвечать сейчас не приходится, так как у вас есть мой ответ на пись-

мо от 8-го, а насчет двух других писем можно сказать лишь очень немного, потому что вы получили мое письмо от 12-го и подробно узнали из него, как обстоят здешние дела и на что вы можете надеяться. Ссылаюсь на это письмо. Монсеньор кардинал Содерини находит, однако, что мне нужно снова посетить папу, прочесть ему, что вы пишете, посмотреть, что скажет его святейшество, сообщить ему ваше мнение о делах герцога и нащупать его намерения. Кардинал постарался устроить мне прием, но я мог поклониться папе только вчера вечером, около трех часов; я прочел ему те части вашего письма, которые считал полезным сообщить его святейшеству; когда я дошел до места, где вы говорите, что мессер Оттавиано да Кампо Фрегозо выступил в поход с отрядом конных и пеших солдат, присланных ему герцогом Урбино, его святейшество изменился в лице и сказал: «Герцог этот через два дня будет уже здесь, и я засажу его в замок Св. ангела»; далее он слушал с большим вниманием и, выслушав все до конца, сказал, как он обязан вашим светлостям за все, что вы делали и советовали ему во славу церкви; сам же он, как известно кардиналу Содерини, делал и готов делать все возможное; он уже послал человека в Венецию, чтобы тот растолковал там его намерения, и пошлет другого посла высокого положения в Романью, дабы ободрить знатных и народ и привести к покорности ему тех, кто мог от него отдалиться. Я прибавил, что это кажется мне своевременным, но больше ничего из него не вытянул, и очевидно, что папа, как я уже говорил, делает, что́ может. Затем я повел речь о делах герцога и сказал, почему вы не дали ему свободного пропуска. Папа поднял голову и сказал, что это хоро-

шо и он с вами согласен. Мне стало ясно теперь то, в чем раньше сомневался, именно: что папа только того и ждет, как бы ему избавиться от герцога; он хочет все же, чтобы герцог уехал в достаточной мере довольным и не мог бы жаловаться на несоблюдение слова, а кроме того, на случай, если герцог еще сможет пригодиться ему в Романье, папа не хочет совсем отрезать себе этот путь. То, что сделаете с герцогом вы или кто-нибудь еще, папу не тревожит. Если перебрать все поступки папы, как я уже писал вам раньше, то намерения его ясны, именно: он хочет забрать в свои руки эти владения и не прочь был бы сделать это даже через венецианцев, к которым он за этим отправил своего посла; если же ему не удастся, папа попытается сделать то же самое через кого-нибудь другого. Может быть, он верит, что герцог согласится отдать ему оставшиеся у него владения в Романье, когда увидит, что вы его покинули; а получив хоть какие-нибудь города в этом государстве, папа думает, что остальное достанется ему уже легко. Таковы, мне кажется, его замыслы и поступки; поэтому сопротивление, которое ваши светлости оказываете венецианцам, должно бесконечно его радовать.

Вы узнаете из письма от 14-го обо всем, что было условлено между герцогом, папой и кардиналами; как оказалось потом, все это было условлено и решено, чтобы полакомить герцога и убедить его уехать, чего папа явно желает. Когда герцог узнал по письмам из Флоренции, что вы ему не дали свободного пропуска, он послал за мной, и, выйдя после приема у папы, я отправился к нему. Герцог жаловался, что ему отказано в пропуске, когда он уже отправил свою конницу, в

полной уверенности, что ее примут в ваших владениях, и собирался уже ехать сам, надеясь, что пропуск ему, во всяком случае, дадут; такого ответа он не ожидал и вообще не знает, что и думать, ибо вы, с одной стороны, боитесь захвата этих владений венецианцами, а с другой — не пускаете к себе подмогу; он, герцог, может еще решиться на дело, которое принесет вам много неприятностей; он знает, что ему опасно идти на соглашение с венецианцами, но если нужда его заставит, он готов принять выгодные условия венецианцев и пуститься на нечто такое, что поразит вас в самое сердце. Я ответил, что отказа в пропуске ему не было, но ему дано понять, что вы хотите знать, как вам ужиться с его светлостью, и желаете сперва закончить расчеты, а затем вести дружбу, как подобает делать, когда два человека хотят поступать друг с другом открыто и друг друга уважать; я прибавил, что вы ни в каких делах не привыкли горячиться или шуметь и не хотите начинать теперь; поэтому было бы полезно герцогу послать во Флоренцию человека опытного, осведомленного о его замыслах, и можно быть уверенным, что ваши светлости не преминут поступить на пользу себе и на благо своим друзьям. Герцог ответил, что он был готов к отъезду, уже отправил своих людей и собирался отплыть сам, но хотел бы до отъезда ясно знать, на что ему можно надеяться с вашей стороны. Я отвечал, что сегодня же утром спешно вам напишу и извещу вас, что люди его светлости уже отправлены, что к вам поехал его посланец и что я буду просить вас принять герцогский отряд, — тем временем приедет посланный герцога, переговорит с вашими светлостями, и я не сомневаюсь, что дело кончится хорошо, а посланец герцога сможет

известить его об этом, где бы герцог ни находился. Он как будто остался доволен и возразил, что, если ваши светлости будете с ним хитрить, это станет для него ясно через четыре или пять дней, когда приедет его посланный и ему напишет; тогда он сговорится с венецианцами, с самим дьяволом, отправится в Пизу и употребит последние силы, связи и деньги, лишь бы только вам навредить. Послать к вам он решил своего воспитанника, некоего мессера Ванни, который должен был выехать сегодня утром, но сейчас восемь часов вечера, а я об отъезде его еще не слышал и не знаю, не изменил ли герцог своих намерений. Судя по тому, что герцог провел вчерашний вечер с д'Амбуазом, он должен был выехать сегодня утром в направлении Специи, как было первоначально условлено, и хотел взять с собой на корабль пятьсот человек, своих дворян и пеших солдат, но до сих пор об отъезде его не слышно. Может быть, он хочет сперва обеспечить себя с вашей стороны. Я отвечал герцогу в этом духе только для того, чтобы дать ему некоторую надежду, иначе он мог бы здесь задержаться, а папе пришлось бы из-за этого настаивать на пропуске. Когда приедет посланный герцога, ваши светлости можете с ним не стесняться и поступать, как вам покажется нужным, — прекратить с ним разговор или заключить какое-нибудь условие. Конница двигается под начальством Карло Бальони и состоит из ста латников и двухсот пятидесяти легковооруженных. Прикажите, синьоры, узнать, где они находятся, и если ваши светлости сочтете, что их надо обезоружить, это можно сделать, когда покажется вам своевременным, а как только будет известно ваше решение насчет герцога, с ним будет поступлено по ва-

шим указаниям, и ваши светлости, конечно, напишете, если что-либо изменится.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr.

Рим, 18 ноября 1503.

XX

Великолепные синьоры.

Я писал вам вчера и послал письмо с нарочным вместе с письмами от 14 и 16 ноября. Вы узнаете из них все о делах герцога, который наконец выехал сегодня ночью и направился в Остию, чтобы сесть там на корабль, если только погода будет этому благоприятствовать...

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr.

19 ноября 1503.

XXI

Великолепные синьоры.

Пишу вам кратко, так как уже отправил вам письмо 18 ноября, и намерен в следующий раз писать подробнее. Я хочу, чтобы по случаю прибытия мессера Эннио, посланца герцога, который привезет это письмо, вы были бы точнее осведомлены о здешних делах. Герцог уехал отсюда вчера утром и отправился в Остию, где сядет на корабль с отрядом в четыреста или пятьсот человек, направляясь, как я уже писал вам, в Специю, и если только погода будет подходяща, он отплывет из Остии сегодня ночью, а другой свой отряд, примерно в семьсот всадников, он уже три дня как

послал в Тоскану. Так как сам он отплыл и отправил своих людей сухим путем, не имея никакого разрешения ваших светлостей, мы решили по причинам, о которых я уже писал вам 18 ноября, послать к вам мессера Эннио, подателя настоящего письма; у него есть письма к вам от кардинала Содерини, которые даны ему, чтобы его успокоить, а не для других целей, ибо как папа, так и д'Амбуаз, судя по их разговорам и намекам, обиделись бы разве на то, что герцог получит от вас свободный пропуск; если ваши светлости сочтете полезным исполнить желание названных лиц, вы можете это сделать, нисколько не стесняясь, а если времена заставили бы вас изменить решение, то приезд этого человека будет для вас как нельзя более полезен, и вы со свойственной вам мудростью сумеете извлечь из этого все, что будет нужно.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 20 ноября 1503.

XXII

Великолепные синьоры.

...Мессер Агапито и мессер Рамолино, люди прежде всего близкие к герцогу, но оставшиеся здесь, чтобы не делить с ним его несчастную судьбу, говорили мне, что, уезжая из Рима в Остию, герцог приказал своему приближенному, мессеру Эннио, епископу Вероли, отправиться во Флоренцию, чтобы договориться с вами и заключить выгодное условие, согласно его последним беседам со мной; они хотели получить для безопасности этого мессера Эннио письмо от меня и

грамоту от кардинала Содерини, но вчера не могли меня застать и просили поэтому быть у кардинала и приготовить эти письма, чтобы мессер Эннио мог сейчас же выехать во Флоренцию. Я был у кардинала, и так как, по причинам, о которых я писал 18 ноября, приезд мессера Эннио казался нам очень кстати, то кардинал дал ему письмо к вашим светлостям и пропускной лист, обращенный ко всем вашим союзникам и подчиненным, а я написал вашим светлостям письмо, в котором кратко изложил сказанное мною в прошлом и настоящем моем донесении, дабы, говоря с мессером Эннио, который приедет во Флоренцию раньше, чем эти письма до вас дойдут, ваши светлости уже знали, как обстоят здешние дела, и могли бы решать, имея в виду все, что я сообщал вам в прошлом письме и в донесении 18 ноября. Все знаки внимания, оказанные герцогу папой и д'Амбуазом, нужны были, только чтобы благополучно его выпроводить, и чем скорее, тем лучше. Поэтому вы совершенно свободны и можете поступать, ни с кем не считаясь; я снова повторяю, что если ваши светлости сочтете полезным на всякий случай поддерживать герцога, то можете и это сделать, хотя папе будет гораздо приятнее, если герцогу не посчастливится.

Сам герцог находится в Остии и выжидает благоприятной погоды, чтобы отплыть в Специю на пяти судах с отрядом в пятьсот человек; выехал ли он уже сейчас, пока неизвестно, но если нет, то возможно, что он выедет сегодня ночью, глядя по погоде. Латников своих он отправил сухим путем по направлению к Тоскане, а от сиенцев и Джампаоло он получил такие же обещания, как от ваших светлостей, так что все здесь над его делами смеются; посмотрим теперь, куда занесут его ветры, что станется с его людьми и что вы решите.

XXIII

Великолепные синьоры.

...Сегодня папа около пяти часов дня снова послал за кардиналом Содерини и сказал ему, что он всю ночь не мог заснуть из-за положения дел в Фазэнце и Романье, и у него явилась мысль, что хорошо бы нащупать почву у герцога Валентино, не согласится ли он передать его святейшеству замок Форли и другие оставшиеся у него крепости Романьи, причем папа обещает их ему вернуть, считая, что пусть лучше они принадлежат герцогу, чем венецианцам; поэтому он просит монсеньора Содерини взять на себя труд поехать в Остию, переговорить с герцогом и заключить с ним эту сделку. Кардинал Содерини согласился сделать все, что будет приятно его святейшеству, а папа сказал, что сообщит свое решение, и поручил ему поговорить с д'Амбуазом, чтобы узнать, как тот на это дело посмотрит. Мысль о том, чтобы герцог Валентино передал папе названные владения, с обязательством вернуть их ему, возникла уже несколько дней тому назад, и герцог на это соглашался, но тогда ни за что не хотел согласиться папа, говоривший, что не может нарушить слово, данное кому бы то ни было; сейчас папа сам ухватился за эту мысль, но не потому, что он уже думает иначе, а потому, что его вынуждает необходимость, и он считает теперь, что нашел самое верное извинительное средство против венецианцев, так как открыто объявить себя их врагом папе кажется еще несвоевременным. Кардинал Содерини был снова вызван к его святейшеству, который пригласил его к обеду, и он оставался у папы до 24 часов.

Кардинал сказал мне, что папа отправил в Остию гонца, которому поручено узнать, уехал ли герцог Валентино, и если герцог не уехал, приказано его задержать, с тем что монсеньор Содерини отправится к нему завтра утром, — и по возвращении его мы узнаем, состоялась ли сделка; если же герцог уехал, эту мысль придется бросить...

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 21 ноября 1503.

XXVI

Великолепные синьоры.

...Сейчас почти 24 часа, а монсеньор кардинал Содерини все еще не вернулся, и мне думается, он отложит свое возвращение до завтра. Хочу сообщить вашим светлостям, что говорят в городе, и пишу потому, что слышал этот рассказ от человека серьезного, который легко может знать правду: именно, сегодня утром к папе приехал гонец от кардиналов Содерини и Рамолино и сообщил, что герцог отказывается передать папе крепость. Его святейшество так разгневался, что послал приказ арестовать герцога и держать его как папского пленника; кроме того, папа сейчас же послал в Перуджу и Сиену приказ разоружить отряды герцога, вышедшие в этих направлениях. Не знаю, насколько все это верно; дело разъяснится, когда приедет кардинал Содерини, и вы будете извещены сейчас же.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

23 ноября 1503.

XXVII

Великолепные синьоры.

...Намерения папы должны быть теперь ясны для ваших светлостей; как я говорил уже раньше, папа хочет подчинить своей власти все крепости Романьи и посылал кардиналов в Остию для переговоров, но так как герцог не хотел согласиться на их передачу, то папа, как я сообщил в прошлом письме, велел его арестовать. Папа, видимо, хочет завладеть этими городами и, кажется, намерен крепко держать и самого герцога, каковой герцог сейчас в полной власти папы и находится на королевской галере, которой командует Моттино; надо думать, что папа сейчас ничего плохого с герцогом не сделает; неизвестно также, приказал ли он обезоружить отряды, отправленные сухим путем, но это, вероятно, случится само собой, так как отряды шли без всякого пропуска.

Папа коронуется в следующее воскресенье; ваши светлости можете поэтому распорядиться о приезде ораторов, и монсеньор кардинал Содерини напоминает, что чем скорее вы это сделаете, тем лучше, так как он знает характер папы и говорит, что его святейшество явно этого желает. Папе будет не неприятно, если ваши ораторы приедут раньше генуэзских, и кардинал пошлет их первыми, если они приедут раньше других. Монсеньор Содерини поручил мне просить об этом ваши светлости, так как вас это не обременит, а признательность папы будет велика...

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 24 ноября 1503.

XXIX

Великолепные синьоры.

Я послал вам вчера с гонцом Джованни Пандольфини три письма, от 23, 24 и 25 ноября, в которых сообщал, что творилось здесь в эти три дня и что слышно о положении дел в настоящую минуту; я писал вам, что с герцогом уже все кончено и он находится в полной власти папы, который во что бы то ни стало хочет получить крепости, пока еще верные герцогу, и крепко держать его самого.

Здесь сейчас еще как следует не знают, находится ли герцог на галере в Остии или его привезли сюда. Сегодня говорили об этом по-разному; один человек мне рассказывал, что вчера в два часа ночи, когда он был в покоях папы, туда вошли двое неизвестных, приехавших из Остии; всех сейчас же удалили из покоев, но из другой комнаты можно было слышать, как они докладывали, что герцога по приказу папы бросили в Тибр; я ничего не подтверждаю и не отрицаю, но вполне уверен, что если этого и не было, то будет потом. Видимо, этот папа начинает довольно честно платить свои долги и погашает их ваткой от своего чернильного прибора. Тем не менее все его благословляют, и чем дальше он пойдет, тем этих благословений будет больше, а о герцоге, раз он взят живым или мертвым, можно уже больше не думать, но все же я извещу ваши светлости, если узнаю что-нибудь более достоверное.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

Рим, 26 ноября 1503.

XXX

Великолепные синьоры.

Писал вчера обо всем, что случилось за этот день. Остается сообщить вашим светлостям, что ваши письма от 24 ноября переданы папе через Кагель дель Рио, и в общем можно сказать только, что здесь твердо решено предоставить делу идти своим порядком и рассчитывают выхватить у герцога его крепости; о самом же герцоге я знаю достоверно только одно: что он находится в Остии в папских покоях. Мне говорили, что вчера вечером вернулись мессер Габриелло из Фано и мессер Рамолино из Остии; с герцогом покончили на том, что он добровольно передает крепости папе, а папа за это даст ему какое-нибудь вознаграждение; говорили еще, что Рамолино бросился к ногам его святейшества, плакал и просил за герцога; что будет дальше, станет известно днем. Папа, во всяком случае, считает, что, владея этими крепостями, он уже может смелее держать себя с венецианцами, и уверен, что жители Романьи гораздо скорее к нему примкнут, когда увидят развевающийся над крепостями стяг св. престола.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

29 ноября 1503.

XXXI

Великолепные синьоры.

Писал вам вчера и третьего дня через Джованни Пандольфини. Остается сообщить вашим светлостям, что вся гвардия папы выступила сегодня ночью в Ос-

тию; одни говорят, что она должна доставить сюда герцога Валентино, а некоторые другие думают, что ей приказано не только его доставить, но и покрепче его стеречь, так как вчера вечером до папы дошел слух, будто герцог с своим отрядом засел на нескольких судах, и если не послать на место достаточные силы, он может уйти; тогда папа спешно велел отправить гвардию. Кагель дель Рио выехал сегодня рано утром, но сейчас уже 24 часа, а они еще не вернулись. Сегодня днем в Риме говорили, что герцог убежал, а вечером уже говорят, что его поймали. Завтра будем знать больше, но и сейчас видно, что этот папа ведет свое дело чисто. Как бы не подтвердилось целиком то, что я писал вашим светлостям 26 ноября; явно, что грехи герцога мало-помалу привели его к наказанию, и да будет все к лучшему по воле Божией...

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

Рим, 28 ноября 1503.

Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки

Покажется, дорогие Дзаноби и Луиджи, удивительным для всякого, кто над этим задумается, что все или большая часть тех, кто свершил в этом мире деяния величайшие и между всеми своими современниками достиг положения высокого, имели происхождение и рождение низкое и темное или же терпели от судьбы всевозможные удары. Ибо все они либо были подкинуты зверям, либо имели отцом столь ничтожного человека, что, стыдясь его, объявляли себя детьми Юпитера или иного бога. Кто были такие люди, всякому в достаточной мере известно; повторять это было бы скучно и малопривно для читателя; опустим это как совершенно лишнее. Думаю, что указанное происходит оттого, что природа, желая доказать, что великими делает людей она, а не благоразумие, начинает показывать свои силы в такой момент, когда благоразумие не может играть никакой роли, и становится ясно, что люди всем обязаны именно ей.

Одним из таких людей был Каструччо Кастракани из Лукки. Принимая во внимание время, когда он жил,

и город, где он родился, свершил он дела величайшие. И происхождение его не было ни более счастливым, ни более славным, чем у других знаменитых людей, как выяснится из описания его жизни. Мне казалось полезным восстановить ее в памяти людей, так как в ней, думается мне, я нашел много такого, что может послужить замечательнейшим примером способностей и счастья. И решил я посвятить это описание вам, так как из всех людей, кого я знаю, вам больше всего доставляют удовольствие славные деяния.

Итак, скажу, что семья Кастракани принадлежит к знатным семьям города Лукки, хотя судьбе было угодно устроить так, что в наше время она уже не существует. К ней принадлежал некий Антонио, который вступил в духовное звание, сделался каноником церкви Сан Микеле в Лукке и в знак почета звался мессер Антонио. Близких у него не было никого, кроме одной сестры, которую он выдал замуж за Буонакорси Ченнами. Когда Буонакорси умер и жена его осталась вдовою, она решила поселиться у брата и не вступать больше в брак.

У мессера Антонио за домом, где он жил, был виноградник, в который было очень нетрудно проникнуть с разных сторон, так как он соприкасался со многими садами.

Случилось однажды, что мадонна Дианора (так звали сестру мессера Антонио) рано утром, вскоре после восхода солнца, пошла в виноградник погулять и собрать, как это делают женщины, кое-каких трав для приправы к кушаньям. И показалось ей, что под одной лозой между листьями что-то шевелится, а когда она присмотрелась, ей послышался плач. Она пошла по направлению этих звуков и увидела ручки и лицо ребенка, который, запутавшись в листьях, казалось,

просил помощи. Удивленная и вместе с тем испуганная, охваченная состраданием и ошеломленная, она подняла ребенка, понесла его в дом, выкупала, вернула, как полагается, в белые ткани и, когда пришел мессер Антонио, показала ему. Он, выслушав ее рассказ и увидев младенца, был удивлен и разжалоблен не меньше, чем сестра. Посоветовавшись между собой о том, что делать с младенцем, они решили, так как он был священник, воспитать его. Они взяли в дом кормилицу и стали растить ребенка с такой любовью, как если бы он был их собственным сыном.

Они его окрестили и назвали именем своего отца — Каструччо.

С годами Каструччо становился все более и более привлекательным и обнаруживал во всем ум и благообразие. Вскоре он стал учиться тому, что мессер Антонио, принимая во внимание его возраст, ему преподавал. Ибо он решил, что сделает его священником и со временем откажется в его пользу от канониката и от других своих бенефиций. И учил его, имея в виду эту цель. Но он нашел в своем ученике такие наклонности, которые совершенно не подходили к священническому званию. Ибо, не достигши еще и четырнадцатилетнего возраста, он начал проявлять дух самостоятельности перед мессером Антонио, а мадонны Дианоры совсем перестал бояться и, оставив церковные книги, начал учиться владеть оружием. Теперь только и доставляло ему удовольствие, что фехтованье, бег взапуски с товарищами, прыганье, борьба и другие подобные упражнения. В них он обнаружил замечательные способности, как душевные, так и телесные, и далеко превзошел всех своих сверстников. А если он и читал иногда что-нибудь, то увлекали его лишь такие книги,

в которых говорилось о войнах и о подвигах великих людей. Все это причиняло мессеру Антонио несказанное огорчение и очень его печалило.

Был в городе Лукке дворянин из рода Гуиниджи, по имени мессер Франческо, который богатством, любовью и доблестью далеко оставлял за собою всех других жителей Лукки. Его промыслом была война, и он долго воевал под начальством Висконти Миланских. Он был гибеллином и из всех других сторонников этой партии пользовался наибольшим уважением в Лукке. Проживая в Лукке и сходясь с другими гражданами вечером и утром в лоджии подесты, которая находится в начале площади Сан Микеле, первой из городских площадей, он много раз видел, как Каструччо с другими мальчиками с ближайших улиц занимались упражнениями, о которых я говорил выше. И так как мессеру Франческо показалось, что Каструччо не только превосходит всех других, а еще пользуется над ними царственным влиянием и что они любят и почитают его в высокой степени, — ему очень захотелось узнать, кто этот мальчик. Окружающие рассказали ему все, и он загорелся еще более сильным желанием взять его к себе. И однажды, подозревая его, он спросил, где бы он стал жить более охотно: в доме дворянина, который бы его учил ездить верхом и обращаться с оружием, или в доме священника, где он только и слышит, что службы и обедни. Мессер Франческо увидел, как обрадовался Каструччо, услышав о лошадях и об оружии. Но он немного стеснялся, и мессеру Франческо пришлось подбодрить его, чтобы он заговорил. Тогда он сказал, что если позволит его учитель, то для него не будет большей радости, как оставить духовное ученье и приступить к воинским занятиям. Мессеру Франческо очень понра-

вился ответ Каструччо, и через несколько дней он добился того, что мессер Антонио уступил ему мальчика. Побудило каноника к этому больше всего то, что, зная натуру своего питомца, он понимал, что не сможет долго вести его в том направлении, в каком вел.

Таким образом, Каструччо перешел из дома каноника мессера Антонио Кастракани в дом кондотьера мессера Франческо Гуиниджи. И нужно удивляться, в какое необыкновенно короткое время он преисполнился всех достоинств и усвоил все манеры, какие требуются от настоящего дворянина. Прежде всего он сделался великолепным наездником. С величайшей ловкостью управлял он любой самой горячей лошадей, а в воинских играх и турнирах, хотя был молод, отличался больше всех и не встречал себе в состязаниях соперника ни по силе, ни по ловкости. И был он к тому же замечательного нрава, отличался несказанной скромностью, так что никто не знал за ним поступка и не слышал от него слова, которые могли бы вызвать осуждение. Он был почитителен со старшими, скромнен с равными, любезен с низшими. Все это заставляло любить его не только всю семью Гуиниджи, но и весь город Лукку.

Случилось в это время — Каструччо уже минуло восемнадцать лет, — что в Павии гибеллины были изгнаны гвельфами. На помощь им Висконти Миланским был послан Франческо Гуиниджи. С ним вместе отправился и Каструччо, которому был вверен отряд на полную его ответственность. В этом походе Каструччо дал такие доказательства благоразумия и мужества, что никто из участников кампании не приобрел большего расположения у кого бы то ни было, чем он. И не только в Павии, но во всей Ломбардии он заслужил большое и почетное имя.

Вернулся в Лукку Каструччо, окруженный гораздо большим уважением, чем до отъезда, и делал все, что было возможно, чтобы приобрести себе друзей, не упуская ни одного способа, какие необходимы для привлечения людей. Мессер Франческо тем временем умер, и так как у него был тринадцатилетний сын по имени Паголо, то попечителем его и управляющим своими именьями он назначил Каструччо. Перед смертью он призвал его к себе и просил, чтобы он постарался воспитать его сына с такими же добрыми чувствами, с какими был им воспитан он сам, и чтобы ту признательность, которую он не успел воздать отцу, он воздал сыну. Когда мессер Франческо умер, Каструччо остался воспитателем и попечителем Паголо. Его слава и его могущество выросли настолько, что расположение, которым он пользовался в Лукке, частью перешло в зависть настолько, что многие осыпали его клеветами, как человека подозрительного и скрывающего тиранические планы. Первым между его недругов был мессер Джорджо дельи Опици, глава гвельфской партии. Он надеялся после смерти мессера Франческо сделаться синьором Лукки, и ему казалось, что Каструччо, оставшийся в правящих кругах благодаря расположению, завоеванному его достоинствами, отнял у него всякую к этому возможность. И распускал о нем всякие слухи, чтобы лишить его популярности. Сначала Каструччо относился к этому с пренебрежением. Но потом стал беспокоиться, как бы происки Джорджо не вызвали к нему немилости у викария короля Роберта Неаполитанского и не побудили его изгнать его из Лукки.

В это время синьором Пизы был Угуччоне делла Фаджоло из Ареццо, который сначала был выбран пизанцами капитаном, потом захватил власть над горо-

дом. У Угуччоне нашли приют некоторые гибеллины, изгнанные из Лукки. Каструччо поддерживал с ними сношения, желая с помощью Угуччоне дать им возможность вернуться. Эти свои планы он сообщил в Лукке нескольким друзьям, которые не хотели больше терпеть власть семьи Опици. Дав им указания, как действовать, он тайно укрепил башню Онести, снабдил ее военными припасами и продовольствием так, что в случае необходимости в ней можно было продержаться в течение нескольких дней. И, сговорившись с Угуччоне, когда настала ночь, дал ему сигналы. Угуччоне с многочисленным войском спустился в равнину между горами и Луккой и, увидев сигнал, подступил к воротам Сан Пьеро и поджег передовые укрепления. Каструччо с другой стороны поднял тревогу, призывая народ к оружию, и овладел воротами изнутри. Угуччоне и его люди ворвались в город, рассыпались по всем улицам и умертвили мессера Джорджо вместе со всей семьей, многих его друзей и сторонников. Губернатор был изгнан. Конституция Лукки была изменена так, как это было угодно Угуччоне, к великому ущербу города: ибо более ста семейств были из него изгнаны. Бежавшие отправились частью во Флоренцию, частью в Пистойю, где власть принадлежала гвельфам. Следствием этого было то, что оба города сделались враждебны Угуччоне и лукканцам.

Так как флорентийцам и другим гвельфам стало казаться, что гибеллинская партия приобрела чересчур большую силу в Тоскане, они сговорились между собою вернуть на родину изгнанников. И, собрав большое войско, пришли в Вальдиньеволе и заняли Монтекатини, а оттуда двинулись в Монте-Карло и обложили его, чтобы иметь свободный путь к Лукке. Но

Угуччоне, сосредоточив крупные силы, пизанские и лукканские, а также значительный конный отряд из немцев, который был ему прислан из Ломбардии, пошел навстречу флорентийцам. Они же, как только узнали о его приближении, сняли осаду Монте-Карло и расположились между Монтекатини и Пешией. Угуччоне занял позицию в двух милях от них, под Монте-Карло. В течение нескольких дней между враждебными войсками происходили лишь кавалерийские стычки, ибо вследствие болезни Угуччоне пизанцы и лукканцы избегали решительного сражения.

Но так как Угуччоне становилось все хуже, он отправился для лечения в Монте-Карло, вверив команду Каструччо, что сделалось причиною поражения гвельфов. Решив, что неприятельское войско останется без вождя, они воспрянули духом, а Каструччо, узнавши об этом, чтобы укрепить их в этом убеждении, прождал еще несколько дней, делая вид, что боится, и не позволял никаким вооруженным силам выходить из лагеря. Гвельфы же, видя, как трусит противник, становились все более дерзкими и каждый день, построившись для битвы, выходили навстречу Каструччо. Когда последний познакомился с их боевым порядком и когда ему стало казаться, что гвельфы осмелели достаточно, он решил принять сражение. Прежде всего он обратился к своим солдатам со словами ободрения, доказывая им, что победа будет обеспечена, если они будут исполнять его приказание.

Каструччо видел, что неприятель поставил лучшие свои силы в центре, а более слабые на флангах. Сам он поступил наоборот: сильнейшие свои части расположил на обоих крыльях, а те, на которые рассчитывал меньше, — в центре. В таком построении он выступил

из лагеря, как только увидел появление противника, который, согласно своему обыкновению, вышел к нему навстречу. Центру своему он приказал двигаться медленно, а флангам скомандовал наступать со всей стремительностью. Поэтому, когда войска сошлись, на обоих флангах сейчас же завязался бой, а центры бездействовали, ибо центр Каструччо отстал настолько, что гвельфы не могли прийти с ним в соприкосновение. Таким образом, лучшие части Каструччо бились со слабейшими силами неприятеля, а лучшие силы неприятеля стояли без пользы, не будучи в состоянии ни ударить на тех, кто был перед ними, ни оказать помощь своим. Оба крыла гвельфов вследствие этого сопротивлялись недолго и повернули тыл, а центр, видя, что фланги его обнажены, лишенный возможности показать свою доблесть, тоже обратился в бегство. Поражение было полное, и потери гвельфов огромны. Убитых насчитывалось больше 10 000 человек, в числе которых было много вождей и именитых рыцарей гвельфской партии со всей Тосканы, а кроме того, несколько влиятельных особ, пришедших к гвельфам на помощь; среди них — Пьеро, брат короля Роберта, Карло, его племянник, и Филиппо, синьор города Тарента. Каструччо потерял не больше 300 человек; в их числе был Франческо, сын Угуччоне, безрассудно смелый юноша, павший при первом столкновении.

Поражение гвельфов создало великую славу имени Каструччо настолько, что Угуччоне проникся такой завистью к нему и стал так опасаться за свою власть, что только и думал о том, как его погубить: ему казалось, что эта победа отняла у него синьорию, а не укрепила ее. Обдумывая положение, он ожидал подходящего случая для выполнения своих планов. В это время

случилось, что был убит Пьер Аньоло Микели из Лукки, человек почтенный и очень уважаемый; убийца его нашел приют в доме Каструччо, который прогнал стражу, явившуюся арестовать его, и вдобавок помог ему бежать. Когда Угуччоне, находившийся в это время в Пизе, узнал об этом, он решил, что у него справедливый повод для наказания Каструччо. Он призвал сына своего Нери, которого он назначил перед тем синьором Лукки, и поручил ему, пригласив под каким-нибудь предлогом Каструччо, схватить его и предать смерти. И когда Каструччо отправился однажды запросто во дворец, не подозревая о готовящейся ловушке, Нери сначала удержал его у себя к обеду, а потом арестовал. Но он не решился умертвить Каструччо без всякой судебной процедуры, боясь народного волнения, и потому держал его в заключении, ожидая от отца подробных распоряжений, как ему поступить. Угуччоне выразил сыну свое недовольство его медлительностью и нерешительностью и, чтобы кончить с этим делом, сам отправился из Пизы в Лукку во главе четырехсотенного конного отряда. Но еще прежде, чем он доехал до Банны, пизанцы восстали с оружием в руках, убили его заместителя и членов его семьи, остававшихся в Пизе, и провозгласили синьором графа Гаддо делла Герардеска. Угуччоне узнал о происшествиях в Пизе еще до прибытия в Лукку и решил не возвращаться обратно, чтобы и лукканцы по примеру Пизы не закрыли перед ним ворот. Но несмотря на то, что он вступил в Лукку, жители города, как бы желая добиться освобождения Каструччо, начали прежде всего собираться на площадях и высказывать свои мнения, не считаясь ни с чем, потом стали волноваться и, наконец, взяли за оружие, требуя Каструччо. Дело приняло такой оборот, что

Угуччоне, опасаясь худшего, выпустил его из заключения. А он, едва получив свободу, собрав друзей и поддерживаемый народом, выступил против Угуччоне. Тому не оставалось ничего другого — ибо помощи ему ждать было неоткуда, — как вместе со своими сторонниками бежать из города. Он отправился в Ломбардию к синьорам делла Скала. Там он и умер в бедности.

Каструччо, став из пленника как бы синьором Лукки, стал действовать с помощью друзей и использовал внезапно вспыхнувшие симпатии народа так искусно, что был избран начальником вооруженных сил города сроком на один год. Добившись этого, он решил, чтобы создать себе боевую славу, вернуть Лукке многие города, взбунтовавшиеся после бегства Угуччоне. Сговорившись с пизанцами, которые прислали ему подмогу, он двинулся к Сарцане, которую обложил. Чтобы взять ее, он построил на господствующей высоте бастион — флорентийцы потом обвели его стеною и назвали Сарцаннелою — и через два месяца вынудил ее к сдаче. Непрерывно увеличивая свою славу, он взял вслед за тем Массу, Каррару и Лавенцу и в короткое время завладел всей Луниджаной, а чтобы закрыть проход, который вел в Луниджану из Ломбардии, захватил Понтремоло, изгнав оттуда мессера Анастаджо Паллавизини, который был синьором города. Вернувшись в Лукку после этого победоносного похода, он был встречен всем народом. Решив после этого не медлить с подчинением себе города, он подкупил Паццино дель Поджо, Пуччинелло дель Портико, Франческо Боккансакки и Чекко Гуиниджи, пользовавшихся большим влиянием, и с их помощью захватил власть. Народ в торжественном собрании провозгласил его государем.

В это время в Италию прибыл король Римский Фридрих Баварский, чтобы быть венчанным императорской короной. Каструччо добился его дружбы и отправился навстречу к нему во главе пятисот конных воинов, оставив своим заместителем в Лукке Паголо Гуиниджи, которого в память его отца он любил так, как если бы он был его собственным сыном. Фридрих встретил Каструччо с почетом, осыпал его милостями и сделал своим викарием в Тоскане. А так как пизанцы изгнали Гаддо делла Герардеска и из страха перед ним обратились к Фридриху за помощью, король сделал Каструччо синьором Пизы, а пизанцы, боясь гвельфов, особенно флорентийцев, приняли его.

После отбытия в Германию Фридриха, оставившего в Риме своего губернатора, все тосканские и ломбардские гибеллины, бывшие сторонниками императора, стали обращаться к Каструччо, предлагая ему каждый синьорию над своим городом, если он поможет им вернуться. Среди них были Маттео Гвиди, Нардо Сколари, Лапо Уберти, Джероццо Нарди и Пьеро Буонакорси — все гибеллины и флорентийские изгнанники. Рассчитывая при их помощи и с силами, которыми он располагал, сделаться синьором всей Тосканы, Каструччо, чтобы нагнать на противников еще больше страха, заключил соглашение с Маттео Висконти, государем Миланским, и начал вооружать весь город и всю свою территорию. Так как в Лукке было пять ворот, он разделил территорию на пять частей, каждую вооружил и каждой дал начальников и знамена. Таким образом, он сразу сосредоточил в своих руках двадцатипяти тысячную армию, не считая той помощи, которую могла послать ему Пиза. В то время как он был окружен своими войсками и своими друзьями, Мат-

тео Висконти подвергся нападению пьяченцинских гвельфов, которые только что изгнали своих гибеллинов и получили помощь людьми от флорентийцев и короля Роберта. И мессер Маттео просил Каструччо, чтобы он атаковал флорентийцев и вынудил их отозвать свои войска из Ломбардии для защиты собственных очагов. Поэтому Каструччо с большими силами вступил в Вальдарно, занял Фучеккио и Сан Миниато и причинил большое разорение стране. Флорентийцы действительно вынуждены были, подчиняясь необходимости, отозвать свои войска. Едва они добрались до Тосканы, как другая необходимость заставила Каструччо вернуться в Лукку.

Была в этом городе семья Поджо, пользовавшаяся большим влиянием по той причине, что члены ее содействовали не только возвышению Каструччо, но и провозглашению его государем Лукки. Так как им казалось, что они не получили за свои заслуги достаточного воздаяния, то они сговорились с другими семьями в Лукке взбунтовать город и изгнать Каструччо. И, воспользовавшись однажды утром каким-то случаем, они с оружием в руках напали на заместителя Каструччо, которому он поручил ведение судебных дел, и убили его. Они собирались продолжать свое дело и призвать народ к восстанию, когда навстречу им вышел Стефано ди Поджо, старый и миролюбивый человек, не участвовавший в заговоре, и благодаря своему авторитету заставил своих родичей положить оружие, предлагая им стать посредником между ними и Каструччо и получить от него все, чего они желают. Слагая оружие, они проявили не больше благоразумия, чем поднимая его. Ибо Каструччо, едва узнав о волнениях в Лукке, не теряя времени с частью своих сил поспе-

шил в город, оставив командование армией Паголо Гуиниджи. И, найдя, вопреки своему ожиданию, волнения прекратившимися и усмотрев новую возможность укрепить свое положение, он занял наиболее важные пункты в городе своими вооруженными сторонниками. Стефано ди Поджо, уверенный, что Каструччо должен быть ему признателен, отправился к нему. Он просил не за себя, ибо не думал, что он в этом нуждается, а за своих родичей. Он умолял Каструччо принять во внимание их молодость, старую дружбу его со своей семьей и то, чем он был ей обязан. Каструччо отвечал благосклонно, убеждал его не опасаться ничего, говоря, что ему более приятно видеть, что волнения улеглись, чем было неприятно узнать, что они вспыхнули. И просил Стефано привести всех к себе, говоря, что он благодарит Бога за то, что он дает ему возможность доказать свое милосердие и великодушие. Поверив Стефано и Каструччо, все пришли и были все вместе — Стефано в том числе — заключены в тюрьму и преданы смерти.

За это время флорентийцы взяли обратно Сан Миниато, и Каструччо решил прекратить эту войну, ибо боялся удалиться из Лукки, пока его положение там не упрочится. Когда он предложил флорентийцам мир, они сейчас же согласились, так как и они были утомлены и хотели положить конец расходам. Мир был заключен на два года, и стороны остались при тех владениях, которые были у каждой из них.

Разделавшись с войною, Каструччо, чтобы не подвергаться больше такой опасности, какой подвергался только что, под разными предложениями и разными способами истребил в Лукке всех, кто мог из честолюбия стремиться к власти. Он не щадил никого, подвергал изгна-

нию, отнимал имущество, а кого мог захватить — лишал жизни, говоря, что узнал на опыте, что никто из них не может быть ему верен. И для большей своей безопасности он воздвиг в Лукке крепость, на постройку которой пошли камни от башен, принадлежавших изгнанным и казненным.

Пока продолжался мир с флорентийцами и Каструччо укреплял свое положение в Лукке, он не упускал случая увеличить свои владения, не прибегая к открытой войне. У него было большое желание завладеть Пистойей, так как он был уверен, что если она будет принадлежать ему, то он одной ногою уже будет стоять во Флоренции. И всеми способами он старался создать себе друзей повсюду в горах. А с партиями в самой Пистойе он вел себя так ловко, что каждая ему доверяла. В это время, как, впрочем, и всегда, этот город был разделен на две партии: Белых и Черных. Вождем Белых был Бастиано ди Поссенте, Черных — Якопо да Джа. Оба они находились в теснейших сношениях с Каструччо, и каждый желал изгнать из города другого. Взаимные подозрения между ними все увеличивались, и наконец дело дошло до оружия. Якопо укрепился у флорентийских ворот, Бастиано — у лукканских. И так как каждый больше возлагал надежд на Каструччо, чем на флорентийцев, и считал его более подвижным и скорым на военные действия, то оба тайно просили его о помощи, и он обещал ее обоим. Якопо он велел передать, что придет сам, а Бастиано — что пришлет Паголо Гуиниджи, своего воспитанника. И, назначив точно время, он послал Паголо к Пистойе через Пешию, а сам двинулся прямо. Ровно в полночь, как было условлено, Каструччо и Паголо подошли к Пистойе и оба были приняты как друзья. Когда они вошли в город и

Каструччо решил, что можно действовать, он дал знак Паголо, и немедленно один заколол Якопо да Джа, другой — Бастиано ди Поссенте. Все их сторонники частью были захвачены, частью перебиты. Вслед за тем город был занят без дальнейшего сопротивления. Синьория была выгнана из дворца, и Каструччо принудил народ подчиниться ему, объявив о сложении старых долгов и пообещав много другого. Так же действовал он и по отношению к области, жители которой сошлись в большом количестве посмотреть нового государя. И все успокоились, полные надежд и больше всего уповая на его доблести.

В это время случилось, что народ римский начал волноваться вследствие дороговизны, причиною которой считал отсутствие папы, находившегося в Авиньоне. Против немецкого губернатора поднимался ропот. Ежедневно происходили убийства и другие беспорядки, а Генрих, губернатор, ничем этому не мог помочь. И начал он бояться, как бы римляне не призвали короля Роберта Неаполитанского, не прогнали его и не вернулись под власть папы. Не имея друга, к которому он мог прибегнуть, более близкого, чем Каструччо, он отправил ему просьбу не просто прислать ему подмогу, а прибыть в Рим самому. Каструччо решил, что откладывать не приходится, как ради того, чтобы оказать услугу императору, так и из того соображения, что пока в Риме не будет императора, дела там не поправятся, если не прибудет туда он. Поэтому, оставив в Лукке Паголо Гуиниджи, он выступил в Рим во главе шестисот конников и был принят Генрихом с величайшим почетом. И в самое короткое время его присутствие так укрепило положение императорской партии, что без насилий и кровопролития улеглись все волнения. Ибо

Каструччо приказал доставить морем из Пизы большое количество хлеба, чем была устранена главная причина ропота, а вожаков города, частью уговорами, частью наказаниями, заставил вновь признать власть Генриха. За это римский народ провозгласил Каструччо сенатором Рима и оказал ему многие другие почести. Новую свою должность Каструччо принял в очень торжественной обстановке. Он был облачен в бархатную тогу с надписями — спереди: «Он стал тем, что хотел Бог», а сзади: «Он будет тем, чем захочет Бог».

Между тем флорентийцы, негодовавшие на Каструччо за то, что он завладел Пистойей, нарушив мир, думали о том, каким образом можно взбунтовать город против него. Им казалось, что в его отсутствие сделать это будет нетрудно. Среди пистолезских изгнанников во Флоренции находились Бальдо Чекки и Якопо Бальдини, оба люди с большим влиянием и готовые на всякое рискованное предприятие. Они сговорились с друзьями, находившимися в городе, и с помощью флорентийцев однажды ночью ворвались в Пистойю, выгнали оттуда сторонников Каструччо и поставленные им власти, часть которых была перебита, и вернули городу свободу. Известие об этом очень огорчило и разгневало Каструччо. Расставшись с Генрихом, он усиленными маршами прибыл в Лукку. Флорентийцы же, узнав о его возвращении и думая, что он не будет медлить, решили предупредить его и занять своими войсками Вальдиньево раньше него. Они были уверены, что если они овладеют этой долиною, они отрежут ему путь к Пистойе. Поэтому, собрав большие силы из всех сторонников гвельфской партии, они двинулись в область Пистойи. Каструччо же со своими людьми подошел к Монте-Карло и, узнав, где находятся флорен-

тийцы, решил не идти навстречу к ним в равнину Пистойи и не ждать их в равнине Пешии, а постараться загородить им дорогу в ущелье Серравалле. Он рассчитывал, в случае удачи этого плана, одержать победу наверняка. У флорентийцев было в общей сложности 30 000 человек, а у него только 12 000, но отборных. И хотя он был уверен в своих способностях и в их доблести, он все-таки боялся, что в открытом поле он будет окружен превосходными силами неприятеля.

Серравалле — замок между Пешией и Пистойей. Он стоит на возвышенности, замыкающей Вальдиньеволе, не на самом перевале, а над ним в двух полетах стрелы. Проход очень узкий, но не крутой: с обеих сторон подъем отлогий, но настолько тесный, особенно на седле, где водораздел, что его могут занять двадцать человек, поставленные в ряд. Каструччо решил встретить неприятеля как раз в этом месте: во-первых, чтобы его малые силы оказались в наиболее благоприятных условиях, а во-вторых, чтобы они обнаружили противника не раньше, чем завяжется бой, ибо боялся, чтоб его войско, увидя огромную их массу, не заколебалось. Серравалле находился во власти немецкого рыцаря Манфреда, которому был поручен еще до того, как Каструччо сделался синьором Пистойи, лукканцами и пистолезцами, ибо замок принадлежал им совместно. С тех пор он владел замком, не обеспокоенный никем, ибо он всем обещал быть нейтральным и не поддерживать преимущественно ни одну, ни другую сторону. По этой причине, а также потому, что замок был крепкий, Манфред продолжал в нем держаться. Но когда обстоятельства сложились так, как описано, Каструччо решил занять это укрепление. И так как в замке находился один из его близких друзей, он сговорился с

ним, что накануне сражения тот впустит в Серравалле четыреста человек его солдат и умертвит его синьора.

Подготовив таким образом все, он продолжал стоять с войском у Монте-Карло, чтобы поощрить флорентийцев двигаться вперед смелее. А они, желая перевести военные действия подальше от Пистойи и сосредоточить их в Вальдиньеволе, разбили лагерь ниже Серравалле, с тем чтобы на другой день переправиться через перевал. Но Каструччо ночью без шума овладел замком и, покинув в полночь Монте-Карло, в полной тишине подошел к подножию Серравалле. Поутру он и флорентийцы, каждый с своей стороны, одновременно начали подниматься к седлу. Пехоту свою Каструччо повел обычным путем, а конный отряд в 400 человек послал в обход замка слева. У флорентийцев впереди двигались 400 человек легкой кавалерии, следом за ними шла их пехота, а замыкала строй тяжелая конница. Они не ожидали встретить Каструччо на перевале и не подозревали, что он успел овладеть замком. Поэтому флорентийские всадники, поднявшись к седлу, неожиданно увидели пехоту Каструччо, которая оказалась так близко от них, что они едва успели надеть шлемы. И, не ожидая нападения, они были атакованы противником, готовым к их встрече и построенным именно для такого боя; поэтому атака велась с величайшей настойчивостью, а сопротивление было вялое. Некоторая часть все-таки билась хорошо, но когда шум сражения стал доноситься до остальной армии флорентийской, в ней началось смятение. Конницу теснила пехота, пехоту — конница и телеги; вожди вследствие узости прохода не могли пройти ни вперед, ни назад, и никто не знал в суматохе, что нужно делать и что можно. Конница, которая билась с пехо-

той Каструччо, была разбита и уничтожена, не будучи в состоянии защищаться, скорее из-за неудобства местности, чем из доблести, ибо, имея с боков горы, сзади своих, а впереди неприятеля, они были лишены возможности бежать.

Каструччо, видя, что его сил не хватает для того, чтобы обратить в бегство флорентийцев, послал 1000 пехотинцев в обход через замок. Они спустились вниз вместе с 400 кавалеристами, которые проникли туда раньше, и с такой яростью ударили во фланг неприятелю, что флорентийцы, не будучи в состоянии выдержать их натиск, побежденные больше местностью, чем противником, начали отступать. Первыми обратились в бегство те, которые были в задних рядах, ближе к Пистойе. Они рассыпались по равнине, и каждый старался спастись как только мог лучше.

Поражение было великое и кровопролитное. В плен попали многие из вождей, в том числе Бандино деи Росси, Франческо Брунеллеско и Джованни делла Тоза — все флорентийские дворяне, а с ними и другие, тосканцы и неаполитанцы: последние были посланы королем Робертом в помощь гвельфам и сражались вместе с флорентийцами.

Пистолезцы, узнав о поражении, немедленно выгнали партию, дружественную гвельфам, и сдались Каструччо. Он, не удовлетворившись этим, занял Прато и все укрепленные замки на равнине, как по ту, так и по эту сторону Арно, и расположился с войском у Перетолы, в двух милях от Флоренции. Там он простоял много дней, деля добычу и празднуя победу, чеканя монету, чтобы показать пренебрежение к флорентийцам, и устраивая бега лошадей, женщин легкого поведения и мужчин. Пытался он также подкупить кое-кого

из флорентийских дворян, чтобы ему ночью были открыты городские ворота. Но заговор был обнаружен, схвачены и обезглавлены Томмазо Лупаччи и Ламбертуччо Фрескобальди.

В отчаянии от поражения, флорентийцы не находили способа спасти свою свободу. Чтобы обеспечить себе помощь, они отправили послов к Роберту, королю Неаполитанскому, с предложением отдать ему город и власть над ним. Предложение королем было принято не потому, что он ценил честь, оказанную ему флорентийцами, а потому, что знал, насколько важно для него самого, чтобы гвельфская партия удержала власть в Тоскане. Он сговорился с флорентийцами, что они будут платить ему ежегодно 200 000 флоринов, и отправил во Флоренцию сына своего Карла с 4000 всадников.

Между тем флорентийцы несколько освободились от людей Каструччо, так как ему пришлось покинуть их территорию и спешить в Пизу, чтобы справиться с заговором против него, устроенным Бенедетто Ланфранки, одним из первых граждан города. Последний, не будучи в состоянии снести, что его родина подпала под иго лукканца, сговорился с другими занять городскую цитадель, прогнать ее охрану и перебить сторонников Каструччо. Но так как в этих делах малое число способствует сохранению тайны, но недостаточно для действия, он стал набирать побольше людей в помощь себе и нашел такого, который раскрыл все Каструччо. Не обошлось без предательства со стороны Бонифачо Черки и Джованни Гвиди, флорентийских изгнанников, находившихся в Пизе. Каструччо, захватив Ланфранки, умертвил его, остальных членов семьи отправил в ссылку и многим знатным гражданам приказал отрубить головы. А так как ему казалось, что Пистойя и

Прато не очень ему верны, он старался ловкостью и силой укрепить в обоих городах свою власть. Все это дало возможность флорентийцам собраться с силами и спокойно ожидать прихода Карла. Когда же он явился, было решено не терять времени. Собрано было много людей, ибо на помощь Флоренции пришли почти все гвельфы Италии. Составилось огромное войско, больше чем в 30 000 пехоты и 10 000 конницы. Посоветовавшись, куда прежде всего направить удар — на Пистойю или на Пизу, решили, что лучше атаковать Пизу, ибо это было легче осуществить вследствие недавнего заговора в городе и потому еще, что в случае захвата Пизы Пистойя не могла не сдаться сама.

Выступив с этим войском в начале мая 1328 года, флорентийцы сразу заняли Ластру, Синью, Монтелупо и Эмполи и подошли со всеми силами к Сан Миниато. С своей стороны, Каструччо, узнав, какую огромную армию выставили против него флорентийцы, несколько не испугался, а, наоборот, решил, что настал момент, когда фортуна должна отдать во власть его всю Тоскану. Ибо он был убежден, что неприятель обнаружит не больше доблести, чем при Серравалле, а собраться с силами, как тогда, после нового поражения, он не сможет, и, сосредоточив 20 000 пехоты и 4000 конницы, занял позицию у Фучеккио, а Паголо Гуиниджи отправил с 5000 пехоты в Пизу.

Фучеккио занимает самую крепкую позицию из всех замков Пизанской области. Он стоит на небольшом возвышении в равнине между Гушианой и Арно. Находясь там, можно было беспрепятственно получать провиант из Лукки или из Пизы, ибо, чтобы этому помешать, неприятелю пришлось бы разделить свои силы. И лишь с великой невыгодой он мог атаковать эту позицию или

двигаться на Пизу, так как в первом случае он должен был оказаться в клещах между Каструччо и пизанским отрядом, а во втором, вынужденный переправляться через Арно, он должен был оставить противника в тылу и, следовательно, подвергнуться большой опасности. Каструччо хотелось, чтобы флорентийцы решились переправиться через реку, поэтому он не занял берега Арно своими людьми, а стал под самыми стенами Фучеккио, оставив большое пространство между собою и рекой.

Флорентийцы, овладев Сан Миниато, стали совещаться, что им делать: двигаться на Пизу или атаковать Каструччо, и, взвесив трудности того и другого, решили в конце концов повести наступление на него. Вода в Арно стояла так низко, что можно было перейти реку вброд, хотя все-таки приходилось окунуться пехотинцам по плечи, а лошадям до седла. Утром 10 июня флорентийцы в боевом порядке начали переправлять часть своей кавалерии и пехотный отряд в 10 000 человек. Каструччо, который стоял готовый к бою и имея твердый план в голове, ударил на них с 5000 пехоты и 3000 конницы. Он завязал бой, не дав всем им выбраться из воды, а одновременно послал по тысячному отряду легкой пехоты вверх и вниз по берегу. Пехота флорентийская была отягчена водою и вооружением и не вся выкарабкалась на берег. Первые лошади, которые прошли по броду, истоптали дно Арно и сделали переправу для других более тяжелой. Лошади теряли дно, и одни поднимались на дыбы, другие увязали в грязи настолько, что не могли вытянуть из нее ноги. Вожди флорентийские, видя, что переправа в этом месте трудная, попробовали передвинуть ее выше по реке, чтобы найти грунт неиспорченный, а противоположный берег более легкий. Но здесь их встретил тот

пехотный отряд, который был послан Каструччо вверх по реке. Он был вооружен очень легко — круглыми щитами и длинными галерными копьями. Бойцы с громкими криками кололи лошадей в голову и в грудь, так что те, испуганные и криком и ранами, не хотели идти вперед и опрокидывались одна на другую. Бой между людьми Каструччо и теми, которые успели переправиться, был упорный и страшный. Потери с обеих сторон были огромные: каждый пытался изо всех сил одолеть другого. Воины Каструччо стремились столкнуть флорентийцев в реку, а те — отеснить противника, чтобы освободить место и дать возможность товарищам, выходявшим из воды, принять участие в сражении. Упорство бойцов еще увеличивалось вследствие увещаний вождей. Каструччо говорил своим, что перед ними те самые противники, которых они не так давно разбили под Серравалле; флорентийцы стыдили солдат тем, что они дают одолеть себя столь малочисленному неприятелю. Однако Каструччо, видя, что сражение затягивается, что и его, и флорентийские воины уже устали, что с обеих сторон много убитых и раненых, двинул вперед другой пехотный отряд, в 5000 человек. Когда те подошли вплотную к линии боя, он приказал своим раздаться в обе стороны, как если бы они собирались обратиться в бегство, и выйти из сражения, рассыпавшись частью вправо, частью влево. Этот маневр дал возможность флорентийцам несколько подвинуться вперед. Но когда они, утомленные, сошлись со свежими силами Каструччо, то не выдержали и были сброшены в реку.

Кавалерия билась без какого-либо перевеса на той или на другой стороне, ибо Каструччо, зная, что противник сильнее, приказал своим кондотьерам лишь

сдерживать натиск флорентийцев; он надеялся разбить их пехоту и после ее разгрома без большого труда победить конницу. Случилось так, как он рассчитывал. Увидев, что пехота неприятельская оттеснена в реку, он двинул всю пехоту, какая у него оставалась, в тыл флорентийской коннице, и она стала поражать ее копьями и дротиками. Одновременно кавалерия Каструччо с удвоенной яростью нападала на нее спереди, пока не обратила ее в бегство. Вожди флорентийцев, видя, как трудно их коннице перейти через реку, пытались переправить пехоту ниже по течению, чтобы ударить во фланг людям Каструччо. Но так как берег был высокий и, кроме того, занят его воинами, попытка не удалась и здесь. Таким образом, обратилась в бегство вся гвельфская армия, к великой славе и чести Каструччо, и из такого огромного войска спаслась едва треть. Многие из вождей попали в плен. Карл, сын короля Роберта, вместе с Микеланджело Фалькони и Таддео дельи Альбицци, комиссарами флорентийскими, бежали в Эмпольи. Добыча была большая и потери людьми огромнейшие, как и можно было ожидать при таком ожесточенном сражении. У флорентийцев было убито 20 231 человек, у Каструччо — 1570.

Но фортуна, противница его славы, отняла у него жизнь тогда, когда как раз нужно было даровать ее ему, и прервала выполнение тех планов, которые за много времени до того он решил осуществить. Только одна смерть и могла помешать ему в этом. Каструччо нес боевые труды в течение целого дня, и когда сражение кончилось, он, утомленный и потный, стал у ворот Фучеккио, чтобы ожидать свои войска, возвращавшиеся после победы, лично их встречать и благодарить и быть к тому же готовым принять меры, если бы неприятель,

сопротивляясь еще кое-где, дал повод для тревоги. Он держался того мнения, что долг хорошего полководца первым садиться на коня и последним с него сходить.

Так стоял он на ветру, который очень часто среди дня подымается с Арно и почти всегда несет с собою заразу. Он весь продрог, но не обратил на это никакого внимания, потому что был привычен к неприятностям такого рода, а между тем эта простуда стала причиной его смерти. В следующую ночь он стал жертвой жесточайшей лихорадки, которая непрерывно усиливалась. Врачи единогласно признали болезнь смертельной. Когда сам он в этом убедился, он призвал к себе Паголо Гуиниджи и сказал ему следующее:

«Если бы я думал, сын мой, что фортуна хотела оборвать посередине мой путь к той славе, которую я обещал себе при столь счастливых моих успехах, я бы трудился меньше, а тебе оставил бы менее обширное государство, но зато и меньше врагов и завистников. Я довольствовался бы властью над Пизой и Луккой, не подчинил бы себе пистолезцев и не раздражал бы флорентийцев бесконечными оскорблениями. Наоборот, тех и других я бы сделал своими друзьями и прожил бы жизнь если и не более долгую, то, во всяком случае, более спокойную, а тебе оставил бы государство, меньшее размерами, но, несомненно, более надежное и более крепкое. Но фортуна, которая хочет быть решительницей всего людского, не дала мне ни настолько ясного суждения, чтобы я мог ее разгадать, ни достаточно времени, чтобы я мог ее одолеть. Ты знаешь — об этом многие тебе говорили, и я никогда не отрицал, — как я попал в дом твоего отца совсем юным и чуждым еще тех надежд, которые должны одушевлять всякую благородную натуру; как он воспитал меня и как по-

любил больше, чем если бы я был кровным его детищем. Благодаря ему, им руководимый, стал я доблестным и достойным того удела, который ты видел и продолжаешь видеть. И так как перед смертью он вверил мне тебя и все свое имущество, я воспитал тебя с такой любовью, а достояние его умножил с такой добросовестностью, с какой был обязан и обязан еще и сейчас. А для того, чтобы тебе досталось не только то, что оставил тебе отец, а еще и то, что было приобретено моим счастьем и моей доблестью, я не хотел жениться, так как любовь к детям могла в какой-то мере помешать мне выявить к крови твоего отца ту признательность, какую я считал должной. Итак, я оставляю тебе большое государство, и этим я очень доволен. Но я оставляю его тебе слабым и шатким, что повергает меня в великое горе. Тебе достается город Лукка, который никогда не будет очень доволен, что ты им владеешь. Достается тебе Пиза, где имеются люди по природе своей изменчивые и полные вероломства; она, хотя и привыкла в разное время находиться в порабощении, всегда будет переносить с негодованием господство лукканского синьора. И еще достается тебе Пистойя, недостаточно верная, ибо в ней идет борьба партий, и она раздражена против нашей породы из-за недавних обид. Соседями у тебя — флорентийцы, оскорбленные, претерпевшие от нас тысячи поношений и не истребленные; им известие о моей смерти доставит такую радость, какой не доставило бы завоевание всей Тосканы. На государей миланских и на императора полагаться тебе нельзя: те нерешительны, этот далек, и помощь их никогда не успеет к тебе вовремя. Вот почему тебе нельзя надеяться ни на что, кроме как на собственное искусство, на память о моей доблести и на славу, кото-

рую снискала тебе последняя победа; она, если ты сумеешь умно ее использовать, поможет заключить соглашение с флорентийцами: они пали духом вследствие своего поражения и охотно пойдут на мир. Их я хотел иметь врагами и думал, что их вражда доставит мне могущество и славу. Ты же всеми силами должен стараться, чтобы они стали тебе друзьями, ибо их дружба принесет тебе безопасность и выгоду. Самое важное в этом мире — познать самого себя и уметь взвешивать силы своего духа и своего государства. Кто сознает, что он не создан для войны, должен стараться править мирными средствами. Именно к этому, думается мне, должны быть направлены твои усилия, только этим способом пойдут тебе на пользу мои усилия и опасности, которым я подвергался. Этого ты добьешься легко, если признаешь верными мои заветы. И будешь обязан мне вдвойне: во-первых, тем, что я оставил тебе это государство, а во-вторых, тем, что научил тебя, как его удержать».

После этого Каструччо приказал ввести граждан из Лукки, Пизы и Пистойи, которые сражались вместе с ним; он рекомендовал им Паголо Гуиниджи и заставил их поклясться в покорности ему. И умер, оставив всем, кто слышал о нем, счастливую память о себе, а друзьям своим — такое огорчение, какое никогда не вызывал государь, когда-либо умиравший. Погребение его было совершено с величайшим торжеством, и был он похоронен в церкви Сан Франческо в Лукке.

Но доблесть и фортуна не были так благосклонны к Паголо Гуиниджи, как к Каструччо. Ибо в непродолжительном времени он потерял Пистойю, а потом Пизу и с трудом удержал господство над Луккою, которое сохранилось в его роду вплоть до Паголо, его правнука.

Таким образом, из того, что изложено, видно, что Каструччо был не только человеком выдающимся в свое время, но и в прежние времена такие, как он, появлялись не часто. Ростом он был выше среднего и сложен чрезвычайно соразмерно. И столько было изящества в его осанке и так ласково принимал он людей, что никто, поговорив с ним, не уходил недовольным. Волосы его были с рыжеватым оттенком, и носил он их обстриженными выше ушей. И всегда, во всякую погоду, в дождь и снег, ходил с непокрытой головой.

С друзьями он был ласков, с врагами — беспощаден, с подданными — справедлив, с чужими — вероломен. И если мог одержать победу хитростью, никогда не старался одержать ее силою, говоря, что славу дает победа, а не способ, каким она далась.

Никто не бросался в опасность с большей смелостью, чем он, и никто не выходил из опасности с большей осмотрительностью. Он часто говорил, что люди должны отваживаться на все и ни перед чем не падать духом, что Бог любит храбрых, ибо нетрудно видеть, что он слабых наказывает руками сильных.

Его замечания и остроты бывали и язвительны и любезны. И так как он сам не спускал никому, то не обижался, когда и ему доставалось от других. Сохранилось много острот, которые были им сказаны или терпеливо выслушаны.

Однажды он велел купить куропатку за дукат, и один из друзей стал его за это упрекать. Каструччо спросил: «Ты бы не дал за нее больше сольдо?» Тот отвечал, что он не ошибается. «Так для меня дукат — гораздо меньше сольдо», — сказал Каструччо.

Около него вертелся один льстец, и он, чтобы показать ему свое презрение, плюнул на него. Льстец ска-

зал: «Рыбаки, чтобы поймать маленькую рыбку, дают морю омыть себя с ног до головы. Я охотно позволю омыть себя плевком, чтобы поймать кита». Каструччо не только выслушал эти слова без раздражения, но еще и наградил говорившего.

Кто-то упрекал его за то, что он живет слишком роскошно. Каструччо сказал: «Если бы в этом было что-нибудь дурное, не устраивались бы такие роскошные пиры в праздники наших святых».

Проходя по улице, он увидел некоего юношу, выходящего из дома куртизанки. Заметив, что Каструччо его узнал, юноша густо покраснел. «Стыдись не когда выходишь, а когда входишь», — сказал ему Каструччо.

Один из друзей предложил ему развязать узел, хитро запутанный. «Глупый, — сказал Каструччо, — неужели ты думаешь, что я стану распутывать вещь, которая и в запутанном виде так выводит меня из себя».

Говорил Каструччо некоему гражданину, который занимался философией: «Вы — как собаки: бежите за тем, кто вас лучше кормит». Тот ответил: «Скорее мы — как врачи: ходим к тем, кто в нас больше нуждается».

Как-то, когда он ехал морем из Пизы в Ливорно и поднялась свирепая буря, Каструччо сильно смутился. Один из сопровождавших упрекнул его в малодушии и прибавил, что сам он ничего не боится. Каструччо ответил, что его это не удивляет, ибо каждый ценит душу свою, как она того стоит.

У него спросили однажды, как он добился такого уважения к себе. Он ответил: «Когда ты идешь на пир, сделай так, чтобы на дереве не сидело другое дерево».

Кто-то хвалился, что много читал. Каструччо сказал: «Лучше бы ты хвалился, что много запомнил».

Другой хвастал, что он может пить сколько угодно, не пьянея. Каструччо заметил: «И бык способен на это».

Каструччо был близок с одной девушкой. Один из друзей упрекал его за то, что он позволил женщине овладеть собою. «Не она мною овладела, а я ею», — сказал Каструччо.

Другому не нравилось, что ему подают чересчур тонкие кушанья. Каструччо спросил его: «Так ты не стал бы тратить на еду столько, сколько я?» Тот ответил, что, конечно, нет. «Значит, — сказал Каструччо, — ты более скуп, чем я обжорлив».

Пригласил его однажды к ужину Таддео Бернарди, лукканец, очень богатый и живший роскошно. Когда Каструччо пришел, хозяин показал ему комнату, которая вся была убрана тканями, а пол был выложен разноцветными дорогими камнями, изображавшими цветы, листья и другие орнаменты. Каструччо набрал побольше слюны и плюнул прямо в лицо Таддео, а когда тот стал возмущаться, сказал: «Я не знал, куда мне плюнуть, чтобы ты обиделся меньше».

У него спросили, как умер Цезарь. «Дай Бог, чтобы и я умер так же», — сказал он.

Однажды ночью, когда он был у одного из своих дворян на пирушке, где присутствовало много женщин, танцевал и дурачился больше, чем подобало его положению, кто-то из друзей стал его упрекать за это. «Кого днем считают мудрым, не будут считать глупым ночью», — сказал Каструччо.

Кто-то пришел просить его о милости, и так как Каструччо сделал вид, что не слышит его, тот опустился на колени. Каструччо начал выговаривать ему за это. «Твоя вина, — ответил тот, — у тебя уши на ногах». За

это Каструччо сделал ему вдвое против того, что он просил.

Он часто говорил, что путь в ад легкий, так как нужно идти вниз и с закрытыми глазами.

Кто-то, обращаясь к нему с просьбой, говорил очень много слов, совсем ненужных. «Когда тебе понадобится от меня еще что-нибудь, — сказал ему Каструччо, — пришли другого».

Другой такой же надоел ему длинной речью и под конец спросил: «Может быть, я утомил вас, проговорил слишком долго?» «Нет, — отвечал Каструччо, — потому что я не слышал ничего из сказанного тобой».

Про кого-то, кто был красивым мальчиком, а потом стал красивым мужчиной, он говорил, что это очень вредный человек, ибо сначала отнимал мужей у жен, а потом стал отнимать жен у мужей.

Одного завистника, который смеялся, Каструччо спросил: «Почему ты смеешься: потому ли, что тебе хорошо, или потому, что другому плохо?»

Когда он был еще на попечении у Франческо Гуиниджи, один из его сверстников сказал ему: «Что ты хочешь, чтобы я тебе подарил за то, чтобы дать тебе пощечину?» «Шлем», — сказал Каструччо.

Он послал однажды на смерть некоего лукканского гражданина, который когда-то помог ему возвыситься. Ему стали говорить, что он поступает дурно, убивая одного из старых друзей. Он ответил, что они ошибаются и что убит не старый друг, а новый враг.

Он очень хвалил людей, которые собираются жениться и не женятся, а также тех, которые собираются пуститься в море и никогда не садятся на корабль.

Он говорил, что дивится людям, которые, покупая сосуд, глиняный или стеклянный, пробуют его на звук,

чтобы узнать, хорош ли он, а выбирая жену, довольствуются тем, что только смотрят на нее.

Когда он был близок к смерти, кто-то спросил, как он хочет быть погребенным. «Лицом вниз, — сказал Каструччо, — ибо я знаю, что, когда я умру, все в этом государстве пойдет вверх дном».

Его спросили, не было ли у него когда-либо мысли сделаться для спасения души монахом. Он ответил, что нет, ибо ему казалось странным, что фра Ладзаро пойдет в рай, а Угуччоне делла Фаджола — в ад.

Его спросили, когда лучше всего есть, чтобы быть здоровым. Он ответил: «Богатому — когда хочет, бедному — когда может».

Он увидел однажды, что кто-то из его дворян заставил своего слугу зашнуровывать себя. «Дай Бог, — сказал Каструччо, — чтобы тебе не пришлось заставить кого-нибудь класть себе куски в рот».

Ему как-то бросилась в глаза латинская надпись на доме некоего гражданина: «Да избавит Бог этот дом от дурных людей». Каструччо сказал: «В таком случае он не должен ходить туда сам».

Проходя по улице, он увидел маленький дом с огромной дверью. «Дом убежит через эту дверь», — сказал он.

Ему сказали, что один чужестранец соблазнил мальчика. «Должно быть, это перуджинец», — сказал Каструччо.

Он спросил, какой город славится больше всего обманщиками и мошенниками. Ему ответили: «Лукка». Ибо по природе своей все ее жители были таковы, за исключением Буонтуро.

Каструччо спорил однажды с послем неаполитанского короля по вопросам, касавшимся имущества из-

гнанников, и стал говорить очень возбужденно. Тогда посол спросил, неужели он не боится короля. «А ваш король хороший или дурной?» — спросил Каструччо. Когда тот ответил, что хороший, Каструччо спросил снова: «Почему же ты хочешь, чтобы я боялся хороших людей?»

Можно было бы рассказать многое другое о его изречениях, и во всех них можно было бы видеть ум и серьезность. Но мне кажется, что и эти достаточно свидетельствуют о его великих достоинствах.

Он жил 44 года и был велик в счастье и несчастье. И так как о счастье его существует достаточно памятников, то он хотел, чтобы сохранились также памятники его несчастья. Поэтому кандалы, которыми он был скован в темнице, можно видеть до сих пор в башне его дворца, где они повешены по его приказанию, как свидетели его бедствий. И так как при жизни он не был ниже ни Филиппа Македонского, отца Александра, ни Сципиона Римского, то он умер в том же возрасте, что и они. И несомненно, он превзошел бы и того и другого, если бы родиной его была не Лукка, а Македония или Рим.

Содержание

О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ (<i>Перевод с итальянского</i>)	5
СОЧИНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ (<i>Перевод под редакцией А.К. Дживелегова</i>)	235
О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны	237
Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини	243
Легация к Римскому двору	251
Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки	285

Научно-популярное издание

Никколо Макьявелли
О военном искусстве
Сочинения исторические и политические

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

«Когда выигрываешь сражение, надо с возможной быстротой преследовать победу до конца».

*Одна из самых известных фраз Никколо Макьявелли.
Один из основных тезисов его блистательного трактата
«О военном искусстве».*

*Это произведение ошеломило современников жестким
и практичным подходом не только к военной тактике,
но и к стратегии.*

*Гениальность великого флорентийца заключается прежде
всего в том, что мысли, идеи и теории, высказанные им
в этом трактате, настолько глубоки, что охватывают
не только военную теорию, но и самые разные аспекты
человеческой жизни.*

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-38933-7

9 785271 389337